

«Быть впереди народа, освещать ему путь, направляя
его правосознание ко благу и правде в человеческих
отношениях, – такова истинная обязанность
юриспруденции и ее отдельных представителей»

ISSN 2074-7306

*И. А. Покровский
История Римского права. Введение.
Петроград. Изд. 4. 1918. С. 4*

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 4, 2025

Периодичность 4 номера в год

*Издаётся с 1997 г.
Основан д. ю. н., проф.
Д. Ю. Шапсуговым*

Издание включено в Единый государственный перечень научных изданий – «Белый список»

Включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» по отрасли: 5.1. Право (юридические науки)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия ПИ № ФС 77-76204 от 02 августа 2019 г.

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Редакционная коллегия

Главный редактор

- **Шапсугов Дамир Юсуфович** – доктор юридических наук, профессор, академик АМАН и МАНЭБ, Заслуженный юрист РФ, директор центра правовых исследований, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, г. Ростов-на-Дону).

Заместитель главного редактора

- **Краковский Константин Петрович** – доктор юридических наук, профессор кафедры междисциплинарных программ и исследований по юриспруденции отделения «Высшая школа правоведения» юридического факультета имени М. М. Сперанского Института права и национальной безопасности, РАНХиГС (Россия, г. Москва).

Состав редакционной коллегии

- **Авакян Р. О.** – доктор юридических наук, профессор, академик МАНЭБ и Всеармянской Академии проблем национальной безопасности (Армения, г. Ереван).
- **Авдеев Д. А.** – кандидат юридических наук, доцент, Тюменский государственный университет, Академический департамент Школы права и управления, руководитель Тюменского отделения Межрегиональной ассоциации конституционалистов России, член Тюменского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» (Россия, г. Тюмень).
- **Алиев А. И.** – доктор юридических наук, ректор Академии Коллегии Адвокатов Азербайджанской Республики, профессор кафедры «Права человека и информационное право», Бакинский государственный университет (Азербайджан, г. Баку).
- **Алиева С. И.** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «Общей истории и технологии преподавания истории», Азербайджанский государственный педагогический университет (Азербайджан, г. Баку).
- **Баранов П. П.** – доктор юридических наук, профессор, академик РАН, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Душакова Л. А.** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и служебного права, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Егорова М. А.** – доктор юридических наук, профессор, начальник Управления международного сотрудничества, профессор кафедры конкурентного права, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (Россия, г. Москва).
- **Корецкий А. Д.** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева, судья Ростовского областного суда (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Лазарева Н. Ю.** – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС, член Российской криминологической ассоциации им. А. И. Долговой (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Маремкулов А. Н.** – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова (Россия, г. Нальчик).
- **Мехмет Али Бейхан** – доктор исторических наук, профессор, Стамбульский университет (Турецкая Республика, г. Анкара).
- **Овсепян Ж. И.** – доктор юридических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры конституционализма юридического факультета, Южный федеральный университет (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Овчинников А. И.** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Южный федеральный университет (Россия, г. Ростов-на-Дону).

- **Шатковская Т. В.** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Шелухин С. И.** – доктор права, университетский профессор, Городской университет, факультет законодательства, полиции и криминальной юстиции (США, г. Нью-Йорк).

Состав редакционного совета

- **Акопов Л. В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины» юридического факультета, Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону).
- **Бойко А. И.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (г. Ростов-на-Дону).
- **Волова Л. И.** – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры международного права, Южный федеральный университет (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Казинян Г. С.** – доктор юридических наук, профессор юридического факультета, Ереванский государственный университет (Армения, г. Ереван).
- **Исмаилов М. А.** – доктор юридических наук, профессор, руководитель научно-исследовательской лаборатории «Обычное право» юридического факультета, Дагестанский государственный университет (Россия, г. Махачкала).
- **Исмайлов Х. Д.** – доктор юридических наук, профессор, юридический факультет Бакинского государственного университета (Азербайджан, г. Баку).
- **Ляхов Ю. А.** – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Южный федеральный университет (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Озова Ф. А.** – доктор исторических наук, Академик Адыгской (Черкесской) Международной академии наук, доцент, заведующий отдела истории народов, Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» института гуманитарных исследований им. Х. Х. Хапсиюрова (Россия, г. Черкесск).
- **Радачинский Ю. Н.** – кандидат юридических наук, доцент, председатель Территориальной избирательной комиссии г. Батайска, доцент кафедры теории и истории права и государства, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Сайдумов Дж. Х.** – доктор юридических наук, доцент, старший научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук (Россия, г. Москва), профессор кафедры истории, Чеченский государственный педагогический университет (Россия, г. Грозный).
- **Титова Е. В.** – доктор юридических наук, профессор, Почетный работник сферы образования РФ, директор Юридического института, заведующий кафедрой конституционного и административного права, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) (Россия, г. Челябинск).
- **Фаргиев И. А.** – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, судья Верховного Суда Российской Федерации (Россия, г. Москва).

Адрес редакции:

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54;
тел.: (8-863) 279-41-62; e-mail: yurvestnik-uriu@ranepa.ru

16+

"To be ahead of the nation, show the way to its people directing their legal awareness towards the benefit and truth in human relations – that is the genuine duty of jurisprudence and some of its representatives"

*I. A. Pokrovsky
History of Roman Law. Introduction.
Petrograd. Ed. 4. 1918. P. 4*

ISSN 2074-7306

NORTH CAUCASUS LEGAL VESTNIK

SCIENTIFIC-PRACTICAL JOURNAL

Nº 4, 2025

Regularity 4 times a year

*Published since 1997
was founded
by Doctor of Law, professor
D. Yu. Shapsugov*

The journal is included in the Unified State List of Scientific Publications – the "White List"

*The journal is included into the «List of reviewed scientific publications where main research results of dissertations for the degree of Candidate and doctor of Science».
Enters the VAK List on the industry: 5.1. Law (legal sciences)*

Registration number and date of the decision on registration:
series PI № FS77-76204 dated August 02, 2019

*Founder – Federal state budget educational institution of higher education
«Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration»*

Editorial board

Chief Editor

- **Damir Yu. Shapsugov** – Doctor of Law, Professor, Academician of AMAN and MANEB, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of the Center for Legal Studies, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Rostov-on-Don).

Deputy Chief Editor

- **Konstantin P. Krakovskiy** – Doctor of Law, Professor of the Department of Interdisciplinary Programs and Research in Jurisprudence, Department of the Higher School of Jurisprudence, M. M. Speransky Law Faculty, Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Moscow).

The editorial board

- **Ruben O. Avakyan** – Doctor of Law, Professor, Academician of MANEB and All-Armenian Academy of National Security Problems (Armenia, Yerevan).
- **Dmitry A. Avdeev** – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Tyumen State University, Academic Department of the School of Law and Management, Head of the Tyumen Branch of the Interregional Association of Constitutionalists of Russia, member of the Tyumen Regional Branch of the All-Russian public organization “Association of Lawyers of Russia” (Russia, Tyumen).
- **Amir Ibragim ogly Aliev** – Doctor of Law, Rector of the Academy of the Bar Association of the Republic of Azerbaijan, Professor of the Department "Human Rights and Information Law", Baku State University (Azerbaijan, Baku).
- **Sevindzh I. Alieva** – Doctor of History, Professor, Head of the Department "General History and Technology of Teaching History", Azerbaijan State Pedagogical University (Azerbaijan, Baku).
- **Pavel P. Baranov** – Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Rostov-on-Don).
- **Lesya A. Dushakova** – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Administrative and Service Law, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Rostov-on-Don).
- **Maria A. Egorova** – Doctor of Law, Professor, Head of the International Cooperation Office, Professor of the Department of Competition Law, Kutafin Moscow State Law University (Russia, Moscow).
- **Arkadiy D. Koretskiy** – Doctor of Law, Professor, head of the Department of Civil Law, Rostov Branch of the Lebedev Russian State University of Justice), judge of the Rostov Regional Court (Russia, Rostov-on-Don).
- **Natalia Yu. Lazareva** – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal-Legal Disciplines, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, member of the Russian Association of Criminology (Russia, Rostov-on-Don).
- **Arsen N. Maremkulov** – Doctor of Law, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov (Russia, Nalchik).
- **Mehmet Ali Beihan** – Doctor of History, Professor, Istanbul University (Republic of Turkey, Ankara).
- **Zhanna I. Ovsepyan** – Doctor of Law, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Professor of the Department of Constitutionalism, Southern Federal University (Russia, Rostov-on-Don).
- **Alexey I. Ovchinnikov** – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Southern Federal University (Russia, Rostov-on-Don).
- **Tatiana V. Shatkowskaya** – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Rostov-on-Don).
- **Sergey I. Shelukhin** – Doctor of Law, University Professor, City University, Faculty of Law, Police and Criminal Justice (USA, New York).

Editorial Council

- **Leonid V. Akopov** – Doctor of Law, Professor of the Department of "Criminal Law and Public Law Disciplines" of the Law Faculty, Don State Technical University (Russia, Rostov-on-Don).
- **Alexander I. Boiko** – Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Rostov-on-Don).
- **Larisa I. Volova** – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Professor of the Department of International Law of the Southern Federal University (Russia, Rostov-on-Don).
- **Magomedsaid A. Ismailov** – Doctor of Law, Professor, Head of the Research Laboratory «Customary Law» of the Faculty of Law, Dagestan State University (Russia, Makhachkala).
- **Khayyam J. Ismayilov** – Doctor of Law, Professor of the Department Theory and History of State and Law, Law Faculty (Azerbaijan, Baku).
- **Gagik S. Kazinyan** – Doctor of Law, Professor of the Faculty of Law, Yerevan State University (Armenia, Yerevan).
- **Yuri A. Lyahov** – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia).
- **Fatima A. Ozova** – Doctor of Historical Sciences, Academician of the Adyghe (Circassian) International Academy of Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History of Peoples, Karachay-Cherkess Order of the Badge of Honor of the Institute of Humanitarian Studies named after X. X. Khapsirokov (Cherkessk, Russia).
- **Yuri N. Radachinsky** – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Chairman of the Territorial Election Commission of Bataysk, Associate Professor of the Department of Theory and History of Law and State, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Rostov-on-Don).
- **Dzhambulat H. Saidumov** – Doctor of Law, Associate Professor, Senior Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), Professor at the Department of History, Chechen State Pedagogical University (Russia, Grozny).
- **Elena V. Titova** – Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Director of the Law Institute, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law, South Ural State University (National Research University) (Russia, Chelyabinsk).
- **Ibragim A. Fargiev** – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation (Russia, Moscow).

Address: 344002, Russia, Rostov-on-Don, st. Pushkinskaya, 70/54

Tel: 8-863-279-41-62,

e-mail: yurvestnik-uriu@ranepa.ru

<http://vestnik.uriu.ranepa.ru>

16+

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА	9
Д. Х. Сайдумов, Х. Х. Магомадов	
150 лет российской военно-юридической науке России: от прошлого к современности.....	9
А. Г. Данилов	
К вопросу о триггере вооруженного восстания в Петрограде 27 февраля 1917 г.....	21
Л. В. Акопов	
Учение Геннадия Васильевича Мальцева о нравственных основаниях права	32
ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА.....	39
Э. Э. Баринов	
Конституционная культура правосудия: сочетание нормоконтрольных и правотворческих аспектов.....	39
Н. Г. Рагимов	
Проблемы и перспективы совершенствования административно-правового регулирования реализации избирательных прав граждан в Российской Федерации	47
ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА	56
Л. И. Волова	
Анализ правовых механизмов преодоления трудностей, возникших с завершением международной налоговой реформы, проводимой Организацией экономического сотрудничества и развития на глобальном уровне	56
А. Б. Арзуманян	
Интеллектуальная собственность в международном частном праве: вопросы коллизионного регулирования, унификации и гармонизации	67
ПРОБЛЕМЫ СЕМЕЙНОГО ПРАВА	75
О. Г. Зубарева, Л. А. Чуприянова	
Продвижение национальной системы ценностного цивилизационного развития российского семейного права	75
Т. А. Мосиенко, М. А. Тугуз	
Понятие традиционных семейных ценностей в российском праве: причины отсутствия, проблематика, перспективы	83
ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО И ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА	95
Ю. А. Ляхов	
И снова об обвинительном уклоне уголовного судопроизводства России.....	95
Н. Ю. Лазарева	
Понятие и виды наказаний по уголовному законодательству Словацкой Республики.....	100
Ю. Б. Чупилкин	
Уголовно преследуемое лицо: понятие, виды, правовой статус	112
С. И. Кузина, И. Г. Сагирян, Е. А. Паламарчук	
Уголовно-правовая политика современной России: проблематика криминализации и декриминализации	128
М. М. Розатос	
Гражданское оружие как гарант соблюдения основных прав человека в обществе	137
ТВОРЦЫ РОССИЙСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ	146
Д. Н. Аргудяев	
Учёный, патриот-славист, эмигрант поневоле, или О 150-летии Фёдора Тарановского.....	146
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ.....	158
ЮБИЛЕЙНЫЕ СТРАНИЦЫ.....	169
Ю. А. Ляхову –90	169
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ	171

CONTENT

PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY OF LAW AND THE STATE.....	9
<i>Dzhambulat Kh. Saidumov, Khusein Kh. Magomadov</i>	
150 years of Russian military-legal science: from the past to the present.....	9
<i>Andrey G. Danilov</i>	
On the issue of the trigger of the armed uprising in Petrograd on February 27, 1917	21
<i>Leonid V. Akopov</i>	
The doctrine of Gennady Vasilyevich Maltsev on the moral foundations of law.....	32
PROBLEMS OF CONSTITUTIONAL AND ADMINISTRATIVE LAW	39
<i>Emil E. Barinov</i>	
Constitutional culture of justice: balancing judicial review and law-making dimensions	39
<i>Neman G. Ragimov</i>	
Problems and prospects of improving the administrative and legal regulation of the exercise of citizens' electoral rights in the Russian Federation.....	47
PROBLEMS OF INTERNATIONAL LAW.....	56
<i>Larisa I. Volova</i>	
Analysis of legal mechanisms to overcome the difficulties that arose with the completion of the international tax reform carried out by the Organization for economic cooperation and development at the global level	56
<i>Anna B. Arzumanyan</i>	
Intellectual property in private international law: issues of conflict of laws regulation, unification and harmonization	67
PROBLEMS OF FAMILY LAW	75
<i>Olga G. Zubareva, Lika A. Chupriyanova</i>	
Promotion of the national system of value-based civilizational development of Russian family law	75
<i>Tatiana A. Mosienko, Maya A. Tuguz</i>	
The concept of traditional family values in Russian law: reasons for absence, problems, prospects	83
PROBLEMS OF CRIMINAL AND PROCEDURAL LAW.....	95
<i>Yuri A. Lyakhov</i>	
And again about the accusatory bias of Russia's criminal justice system.....	95
<i>Natalia Yu. Lazareva</i>	
The concept and types of punishments under the criminal legislation of the Slovak Republic.....	100
<i>Yuri B. Chupilkin</i>	
Criminally prosecuted person: concept, types, legal status	112
<i>Svetlana I. Kuzina, Inga G. Sagiryan, Evgeny A. Palamarchuk</i>	
Criminal law policy in contemporary Russia: issues of criminalization and decriminalization.....	128
<i>Mikhail M. Rozatos</i>	
Civilian weapons as a guarantor of respect for basic human rights in society	137
THE CREATORS OF RUSSIAN JURISPRUDENCE	146
<i>Dmitry N. Argudyaev</i>	
Scientist, patriotic slavist, forced emigrant, or About the 150th anniversary of Fyodor Taranovsky.....	146
SCIENTIFIC LIFE.....	158
ANNIVERSARY PAGES.....	169
Yu. A. Lyakhov -90.....	169
EQUIREMENTS FOR THE PREPARATION OF ARTICLES.....	171

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 4. С. 9–20
North Caucasus Legal Vestnik. 2025;(4):9–20

Обзорная статья
УДК 340
EDN XWVAAB

150 лет российской военно-юридической науке России: от прошлого к современности

Джамбулат Хамидович Сайдумов¹, Хусейн Хамзатович Магомадов²

¹Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия

¹Чеченский государственный педагогический университет, Грозный, Россия

²Чеченский государственный университет им. А. А. Кадырова, Грозный, Россия

¹bulatto@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3361-1114>

²Loqimean16@gmail.com

Аннотация

Введение. Российская военно-юридическая наука является уникальной областью юридической мысли, охватывающей вопросы правового регулирования вооружённых сил, дисциплинарной, административной и уголовной ответственности военнослужащих, а также методологические принципы подготовки военных юристов. Истоки науки восходят к середине XIX в., когда в ходе реформ Александра II возникла необходимость систематизации военно-правовых знаний и подготовки офицеров-юристов.

Цель. Выявление системных закономерностей и этапов формирования, трансформации и преемственности военно-правового знания, научных школ и литературной традиции в условиях кардинальных историко-политических изменений в России.

Методологическая основа исследования включает историко-правовой, сравнительно-правовой и системный анализ, что позволило провести ретроспективное сравнение ключевых научных парадигм и подходов.

Результаты и выводы. В статье проводится комплексный историко-правовой анализ полутора-векового пути развития российской военно-юридической науки с момента её институционализации в 1867 г. вплоть до современных тенденций 2025 г.

В работе выделены три основных этапа развития науки: классический академический (вторая половина XIX – начало XX в.), советский идеолого-прагматический (1920–1980-е гг.) и современный этап междисциплинарного синтеза (рубеж XX–XXI вв. – по н.в.). Для каждого этапа определены доминирующие научные школы, их методологические установки и ключевые представители. Особое внимание уделено анализу влияния Александровской военно-юридической академии как катализатора автономизации данной научной дисциплины, а также диалектической трансформации её методологического базиса при переходе от имперской к советской и постсоветской моделям государственности. Научная новизна исследования заключается в системной реконструкции эволюции научных школ и демонстрации устойчивой методологической преемственности таких принципов, как системность, историзм и практическая ориентированность, несмотря на смену политических режимов. В заключении обосновываются ключевые векторы дальнейшего развития военно-юридической науки, связанные с глобализацией, цифровизацией и углублением междисциплинарных связей.

Ключевые слова: военно-юридическая наука, военное право, военно-юридическая литература, научные школы, методология, историко-правовой анализ, правовая культура, Александровская военно-юридическая академия, историзм, системный подход

Для цитирования: Сайдумов Дж. Х., Магомадов Х. Х. 150 лет российской военно-юридической науке России: от прошлого к современности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 4. С. 9–20. EDN XWVAAB

Review article

150 years of Russian military-legal science: from the past to the present

Dzhambulat Kh. Saidumov¹, Khusein Kh. Magomadov²

¹Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

¹Chechen State Pedagogical University, Grozny, Russia

²Chechen State University named after A.A. Kadyrov, Grozny, Russia

¹bulatto@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3361-1114>

²Loqimean16@gmail.com

Abstract

Introduction. Russian military legal science is a unique field of legal thought, covering issues of legal regulation of the armed forces, disciplinary, administrative and criminal liability of military personnel, as well as methodological principles of training military lawyers. The origins of science date back to the middle of the 19th century, when, during the reforms of Alexander II, it became necessary to systematize military legal knowledge and train legal officers.

Purpose. Identification of systemic patterns and stages of formation, transformation and continuity of military-legal knowledge, scientific schools and literary tradition in the context of cardinal historical and political changes in Russia.

The methodological basis of the research includes historical-legal, comparative-legal and system analysis, which allowed for a retrospective comparison of key scientific paradigms and approaches.

Results and conclusions. The article provides a comprehensive historical and legal analysis of the century-and-a-half-long development of Russian military legal science from the moment of its institutionalization in 1867 up to modern trends in 2025.

The work identifies three main stages of the development of science: the classical academic (the second half of the 19th – early 20th centuries), the Soviet ideological and pragmatic (1920s-1980s) and the modern stage of interdisciplinary synthesis (the turn of the 20th–21st centuries – present). For each stage, the dominant scientific schools, their methodological attitudes and key representatives. Special attention is paid to the analysis of the influence of the Alexander Military Law Academy as a catalyst for the autonomy of this scientific discipline, as well as the dialectical transformation of its methodological basis during the transition from imperial to Soviet and post-Soviet models of statehood. The scientific novelty of the research lies in the systematic reconstruction of the evolution of scientific schools and the demonstration of a stable methodological continuity of principles such as consistency, historicism and practical orientation, despite the change of political regimes. In conclusion, the key vectors of further development of military legal science related to globalization, digitalization and deepening interdisciplinary ties are substantiated.

Keywords: military-legal science, military law, military-legal literature, scientific schools, methodology, historical-legal analysis, legal culture, Alexandrov Military Law Academy, historicism, systemic approach

For citation: Saidumov Dzh. Kh., Magomadov Kh. Kh. 150 years of Russian military-legal science: from the past to the present. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(4):9–20 (In Russ.). EDN XWVAAB

Введение

Российская военно-юридическая наука является уникальной областью юридической мысли, охватывающей вопросы правового регулирования вооружённых сил, дисциплинарной, административной и уголовной ответственности военнослужащих, а также методологические принципы подготовки военных юристов. Истоки науки восходят к середине XIX в., когда в ходе реформ Александра II возникла необходимость систематизации военно-правовых знаний и подготовки офицеров-юристов [1].

Ключевым шагом в становлении науки стало создание Александровской военно-юридической академии (ВЮА) в 1866–1867 гг. Академия была призвана не только обеспечивать обучение, но и формировать научную базу военно-юридической науки. Начальник академии П. О. Бобровский отмечал, что академия должна быть «учреждением не только учебным, но и учёным, ... способствовать созданию условий, необходимых для разработки наук военно-юридических» [2].

Первая военно-юридическая литература включала учебники, лекции и сборники юридических положений, что создало системную основу для анализа и исследования вопросов дисциплинарной и уголовной ответственности, военной юрисдикции и структуры армейских судов. Эти публикации заложили методологические основы военно-юридической науки и способствовали формированию профессиональной правовой культуры среди офицеров [3]. Научная проблема, рассматриваемая в статье, заключается в том, что, несмотря на существование обширной литературы, не до конца исследованы закономерности формирования военно-юридической науки, развитие научных школ и их методологические принципы, особенно в контексте перехода от имперской системы к советской и постсоветской.

Цель исследования – выявить закономерности и этапы развития российской военно-юридической науки за 150 лет, проанализировать содержание и методологию ключевых публикаций, определить эволюцию научных школ и современных направлений исследований.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

1. Проанализировать истоки военно-юридической науки в Российской империи и содержание первых публикаций.
2. Исследовать советский этап развития науки, выявить методологические изменения и формирование научных школ.
3. Определить современные тенденции и направления военно-юридической науки в постсоветский период.
4. Сопоставить исторические и современные подходы, выявить закономерности развития науки и трансформации научных традиций.

Методы. Применен компаративный анализ функциональной нагрузки и роли военно-юридической науки в различные исторические эпохи. Методология исследования основана на сочетании историко-правового, сравнительно-правового и системного анализа, позволяющего выявлять закономерности, структурировать материал и делать научно обоснованные выводы. Использованы архивные материалы ВЮА, публикации XIX–XX вв., современные исследования, а также сравнительный анализ подходов разных эпох [4–6].

Результаты и обсуждение.

Вклад в исследование российского военного права внесли В.И. Исаев, С.Г. Бальчугов, А.В. Кудашкин, В.В. Кудашкин, Д.О. Серов, В.А. Линовский, А.М. Марков, А.Н. Савенков, Д.А. Савченко, Т.Ю. Сухондяева, О.И. Чистяков и др.

Зарождение военно-юридической науки в России детерминировано комплексными реформами середины XIX в., инициированными с целью модернизации армейских институтов и легитимации правовых основ военного управления. Институциональным воплощением данного процесса стало создание Александровской военно-юридической академии (ВЮА) в 1866–1867 гг., что ознаменовало ключевой этап в становлении данной научной дисциплины. Академия выполняла не только образовательную функцию по подготовке офицерского корпуса с юридической квалификацией, но и конституировалась как ведущий научно-исследовательский центр, сфокусированный на проблематике военного права, судоустройства и правоприменительной практики в вооружённых силах [1, с. 55–56].

Основоположник академической традиции П.О. Бобровский формулировал её научную парадигму следующим образом: академия должна быть «учреждением не только учебным, но и учёным... способствовать созданию условий, необходимых для разработки наук военно-юридических» [2]. Данная установка репрезентирует методологическую инновацию, заключавшуюся в признании военно-юридического знания автономной отраслью юридической науки, требующей системной концептуализации и специализированной научной рефлексии.

В качестве фундаментальных методологических принципов были провозглашены:

1. Принцип системности, предполагавший рассмотрение военно-правовых норм в качестве целостного комплекса, интегрирующего дисциплинарное, административное и уголовно-правовое регулирование [3].

2. Принцип единства теории и эмпирики, акцентировавший необходимость исследования нормативных предписаний в неразрывной связи с практикой их имплементации в деятельности органов военной юстиции.

3. Принцип историзма, требующий изучения эволюции военного законодательства в контексте конкретно-исторических условий, уставных традиций и социальных устоев армейской среды.

Эти принципы заложили методологический фундамент для формирования научной школы военно-юридической мысли, в рамках которой осуществлялся синтез учебно-методической, исследовательской и нормотворческой деятельности.

Публикационная активность ВЮА, а также фундаментальные труды таких учёных, как В.Д. Кузьмин-Караваев и Н.С. Таганцев, структурировали проблемное поле науки по следующим основным направлениям:

- регламентация дисциплинарной ответственности и служебного распорядка;
- судоустройство и процессуальные основы деятельности военных судов;
- материальное уголовное право, адаптированное к специфике армейской и флотской среды;
- административно-правовые и кадровые аспекты военного управления.

Особое значение придавалось формированию корпуса военно-юридической литературы, что способствовало стандартизации профессиональных компетенций офицеров-юристов и консолидации научного сообщества. В частности, труды Кузьмина-Караваева осуществили систематизацию знаний об организационной структуре академии, содержании учебных курсов и приоритетных направлениях научных изысканий [4, с. 55–60]. Особое методологическое и историко-правовое значение имеют труды П.О. Бобровского, посвященные военно-уголовному праву и истории военно-судебных учреждений. Его работы, сочетающие догматический анализ с глубоким историческим контекстом, не только решали прикладные задачи судебной практики, но и заложивали фундаментальные теоретические основы военно-юридической науки как самостоятельной дисциплины, демонстрируя неразрывную связь правовых норм с эволюцией государственных и армейских институтов.

Историографический анализ позволяет идентифицировать в рамках формирующейся науки несколько конкурирующих и взаимодополняющих научных школ:

1. Академическая школа ВЮА, ориентированная на догматическую систематизацию военно-правовых норм и разработку педагогических методик.

2. Практико-ориентированная школа, репрезентированная судьями и прокурорами военных судов, актуализировавшая проблемы правоприменения, прежде всего, в сфере дисциплинарной и уголовной ответственности.

3. Историко-правовая школа, исследующая генезис военного законодательства и выявляющая исторические закономерности эволюции дисциплинарных и правовых институтов.

Данная полифония научных подходов обеспечивала преемственность и кумулятивный рост знания. Компаративный анализ дореволюционного и последующего советского периодов демонстрирует, что заложенный в ВЮА системный подход к изучению источников права позволял выявлять устойчивые закономерности: динамику законодательных изменений, возрастающую роль доктринальных исследований, интеграцию исторического и эмпирического материала в нормотворческий процесс¹.

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 348. Оп. 1. Д. 98. Положение о создании Военно-юридической академии.

В качестве резюмирующего вывода следует констатировать, что инсталляция Военно-юридической академии стала катализатором процесса автономизации военно-юридической науки в структуре российского правоведения. Сформулированные в стенах ВЮА методологические принципы – системность, единство теории и практики, историзм – сохранили свою эвристическую ценность и в последующие исторические эпохи. Институализация первых научных школ и формирование корпуса специализированной литературы создали прочный фундамент для последующей структуризации и дифференциации военно-юридического знания в России.

Советский период развития военно-юридической науки репрезентирует собой этап радикальной трансформации её научной парадигмы, детерминированной фундаментальными изменениями в государственно-политическом устройстве, социальной структуре армии и всей правовой системе. В отличие от дореволюционной модели, где наука концентрировалась вокруг автономных академических институтов, в ССР её развитие было totally интегрировано в систему подготовки кадров, деятельность военных трибуналов и механизмы партийно-политического контроля в армии [5].

В контексте строительства РККА (Рабоче-Крестьянской Красной Армии) советская военно-юридическая наука аккумулировала следующие системообразующие черты:

1. Идеологическая детерминированность – нормативно-правовые акты и доктринальные положения подвергались интерпретации сквозь призму марксистско-ленинской доктрины, что решающим образом влияло на методологию анализа военно-правовых явлений и категориальный аппарат науки [6].

2. Примат прагматики над теорией – доминирующей установкой стала ориентация на утилитарные задачи подготовки юридических кадров для военных трибуналов, прокуратуры и органов военного управления; в качестве основного источника научного знания рассматривалась судебно-следственная практика [7].

3. Интеграция отраслевых режимов регулирования – происходило формирование унифицированной системы военно-правового регулирования, синтезировавшей отдельные элементы дореволюционной доктрины с новыми императивами социалистического строительства в военной сфере.

Таким образом, советский этап не просто сохранил, но и диалектически трансформировал методологическое наследие дореволюционной науки, адаптировав его к новой идеологической и политико-управленческой реальности.

Ключевые публикации данного периода, включавшие учебные пособия, монографии и материалы Научно-исследовательского института Военно-юридической академии РККА, а также статьи в профильных журналах («Советское государство и право», «Военно-юридический журнал»), структурировали проблемное поле вокруг следующих направлений:

- доктринальный анализ составов воинских преступлений и мер уголовной репрессии;
- регламентация дисциплинарной практики и укрепление воинской дисциплины;
- правовое обеспечение организационно-штатной структуры вооруженных сил;
- разработка ведомственных инструкций и методических рекомендаций для органов военной юстиции [8, с. 88–94].

Значительное внимание уделялось консолидации научных школ, в рамках которых осуществлялась систематизация правовых норм и апробация подходов к их имплементации. Среди наиболее репрезентативных фигур следует выделить Б.С. Утевского, С.Ю. Виттенберга и Г.Н. Полякова, чьи труды заложили теоретический фундамент для разработки концепции военно-правовой ответственности в условиях социалистического правопорядка [9, с. 120–125].

Компаративный анализ дореволюционного и советского этапов позволяет эксплицировать следующие историко-правовые закономерности:

1. Принципы системности и историзма, унаследованные от прежней эпохи, были переинтерпретированы в контексте советской идеологии, в частности, через применение методологии диалектического и исторического материализма.

2. Гипертрофия практической направленности – научные публикации были сориентированы на оперативное внедрение в правоприменительную деятельность военных трибуналов и командного состава.

3. Институционализация научных школ – оформился комплекс конкурирующих научных направлений: методическая школа Военно-юридической академии, школа исследователей дисциплинарного права, школа историко-правового анализа военного законодательства [10].

В итоге советская военно-юридическая наука демонстрирует диалектическое единство преемственности и новаторства, адаптируя классические методологические подходы к вызовам новой политической и военной реальности. Советский этап характеризуется глубокой трансформацией методологического базиса под влиянием идеологического императива и утилитарных потребностей государственного управления. Сформированные в этот период научные школы, будучи ориентированы на подготовку кадров и легитимацию правоприменительной практики, обеспечили сохранение преемственности в таких ключевых аспектах, как системность, историзм и отраслевой подход к анализу юридической ответственности военнослужащих.

Постсоветский период развития российской военно-юридической науки характеризует собой этап фундаментальной модернизации и адаптации к вызовам правового государства, глобализации и цифровой эпохи. Данный этап, начавшийся после распада СССР, охватывает не только реформу образовательных программ и научной литературы, но и глубинную трансформацию самой методологической парадигмы, что обусловлено необходимостью соотнесения национальных военно-правовых традиций с международными стандартами и новыми социально-политическими реалиями [11].

Интеграция международного гуманитарного права и стандартов в области прав человека. На смену идеологической детерминации советского периода пришла необходимость имплементации норм международного права в национальную правовую систему. Это выражалось в активном изучении и комментировании в научных публикациях не только Женевских конвенций и их дополнительных протоколов, но и решений международных трибуналов (МТБЮ, МУС), а также практики Европейского Суда по правам человека в той части, которая касается прав военнослужащих и ведения боевых действий. Данный процесс существенно расширил проблемное поле науки, включив в него такие вопросы, как правовой статус участников немеждународных вооруженных конфликтов, соблюдение принципа пропорциональности и проблема «коллатерального ущерба» [12].

Цифровизация исследовательских практик и информационной инфраструктуры. Современные исследования активно используют электронные базы судебных актов (например, картотеку Военной коллегии Верховного Суда РФ), оцифрованные архивные фонды, специализированные справочно-правовые системы и зарубежные цифровые ресурсы. Это не только повысило точность и репрезентативность историко-правового и сравнительно-правового анализа, но и породило новые направления, связанные с юридической аналитикой больших данных, статистическим анализом правоприменения и моделированием правовых процессов [13].

Утверждение системного подхода и усиление междисциплинарности. Анализ военно-правовых явлений перестал быть сугубо отраслевым. Современная наука демонстрирует тенденцию к синтезу традиционных методов юридической догматики с инструментарием историко-правовой науки, сравнительного правоведения, социологии права, военной политологии и теории международных отношений. Это позволяет исследовать военное право не как замкнутую систему норм, а как динамичный социальный институт, испытывающий влияние глобальных политических процессов, технологических инноваций и изменений в общественном сознании.

Современная научно-исследовательская и учебная литература представлена, прежде всего, трудами ведущих ученых Военного университета Министерства обороны РФ, выступающего главным научно-педагогическим центром в этой области. Значительный вклад вносят профильные научные журналы, такие как «Военно-юридический журнал», «Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение», «Российский юридический журнал» и «Государство и право». В фокусе публикаций находятся:

1. Доктринальное толкование норм об уголовной ответственности за воинские преступления (гл. 33 УК РФ).

2. Совершенствование дисциплинарной практики и уставных норм.

3. Правовое регулирование прохождения военной службы и социальных гарантий военнослужащих.

4. Вопросы применения международного гуманитарного права (МГП) в деятельности Вооруженных Сил.

5. Проблемы военной юстиции и административной юрисдикции в войсках [14, с. 45–52].

В рамках современной военно-юридической науки можно выделить несколько конкурирующих и взаимодополняющих научных направлений:

1. Традиционная (догматическая) школа систематизации национального военного права. Продолжает линию преемственности с дореволюционной и советской традициями, фокусируясь на внутренней логике и системном единстве норм национального законодательства, давая их развернутые комментарии и классификации.

2. Международно-правовая школа акцентирует внимание на проблемах имплементации международных договоров, коллизиях между национальной и международной юрисдикцией, а также на сравнительно-правовом анализе военного законодательства России и зарубежных государств (НАТО, ОДКБ).

3. Инновационно-цифровая и аналитическая школа концентрируется на применении количественных методов, анализе данных судебной практики, правовом моделировании и исследовании влияния цифровых технологий (кибероперации, автономные системы вооружения) на содержание и применение норм военного права.

Каждое из выделяемых научных направлений персонализировано трудами ведущих современных ученых. Так, в рамках традиционной (догматической) школы фундаментальный вклад в систематизацию и доктринальное толкование норм о воинских преступлениях и деятельности органов военной юстиции внес А.Н. Савенков. Его исследования задают высокий стандарт отраслевого анализа и являются ориентиром для правоприменительной практики.

Становление и развитие международно-правовой школы неразрывно связано с именем А.В. Кудашкина. Его основополагающие работы по правовому статусу военнослужащих, сравнительному военному праву и имплементации норм международного гуманитарного права заложили методологическую основу для интеграции российской военно-правовой доктрины в глобальный контекст.

Проблемы технологической трансформации и цифровизации, актуальные для современной военно-юридической науки, исследуются с опорой на классический методологический базис. В этом ключе значимость сохраняют труды советских учёных, в частности В.М. Чхиквадзе, чьи работы заложили фундамент для понимания системной взаимосвязи права и военного строительства. Разработанные им подходы к анализу военно-правовых институтов создали основу для последующего переосмысливания правовых конструкций в новых условиях.

Сопоставление современных публикаций с историческими аналогами позволяет эксплицировать ряд устойчивых закономерностей:

1. Методологическая преемственность. Принципы системности и историзма, заложенные в XIX в., сохраняются, обогащаясь при этом новыми, более сложными исследовательскими методиками.

2. Гипертрофия практико-ориентированного подхода. Наблюдается дальнейшее усиление ориентации науки на непосредственные запросы правоприменительной практики, что особенно заметно в исследованиях, посвященных дисциплинарной и уголовной ответственности военнослужащих.

3. Конвергенция знаний и междисциплинарный синтез. Происходит активное заимствование понятийного аппарата и методов смежных научных дисциплин, что ведет к размыванию жестких границ военно-юридического знания и формированию комплексных исследовательских программ.

4. Институционализация новых научных школ. Ответом на вызовы времени становится не просто адаптация старых подходов [15, с. 67–73], а формирование принципиально новых научных направлений, сфокусированных на цифровизации, аналитике и глобальном контексте.

Таким образом, постсоветский этап характеризуется не просто модернизацией, а глубокой структурной перестройкой военно-юридической науки. Интеграция международного права и цифровых технологий, наряду с утверждением междисциплинарной парадигмы, привела к формированию синтетической модели знания, в которой исторические традиции диалектически

сочетаются с новаторскими подходами. Системный анализ закономерностей ее развития позволяет констатировать, что российская военно-юридическая наука демонстрирует устойчивую способность к системной эволюции, поддерживая динамический баланс между принципом преемственности и необходимостью перманентной инновационности.

Ретроспективный анализ 150-летнего развития военно-юридической науки в России позволяет идентифицировать её эволюцию как последовательную смену научно-исследовательских парадигм, институционально воплощенных в деятельности доминирующих научных школ. Каждая из этих школ не только реагировала на актуальные запросы государственно-военного строительства, но и вносила уникальный вклад в методологический арсенал дисциплины.

Историческая типология научных школ и их методологических доминант:

1. Классическая академическая школа (вторая половина XIX – начало XX в.), сформировавшаяся вокруг Александровской военно-юридической академии. Её основным научным достижением стала первичная систематизация отечественного военного законодательства и разработка доктринальных основ военно-юридического образования. Методологический фундамент школы составили принципы историзма, догматического анализа норм и их сопоставления с судебной практикой, что заложило традицию научного подхода к военному праву как к автономной отрасли знания.

2. Советская идеолого-прагматическая школа (середина 1920-х – 1980-е гг.). Данное направление характеризовалось гибридизацией юридического анализа с марксистско-ленинской доктриной и подчинением научных исследований задачам укрепления обороноспособности государства. Доминирующей установкой стал примат практической полезности: наука была ориентирована на обслуживание нужд военных трибуналов, органов прокуратуры и политического контроля в армии, что обусловило специфическую трактовку таких понятий, как «войнская дисциплина» и «преступление».

3. Современная школа междисциплинарного синтеза (рубеж XX–XXI вв. – по настоящее время). Её формирование связано с процессами глобализации, цифровизации и интеграции России в международное правовое пространство. Ключевой характеристикой этой школы является комплементарность – активное сочетание традиционного отраслевого анализа с инструментарием международного публичного права, сравнительного правоведения, цифровой аналитики и социологии права. Это позволяет исследовать военно-правовые явления в контексте глобальных вызовов и технологических трансформаций [15].

На протяжении всего исследуемого периода корпус научных публикаций структурировался вокруг нескольких сквозных, но динамично развивавшихся тематических блоков:

1. Регламентация юридической ответственности: от кодификации дисциплинарных взысканий и составов воинских преступлений в имперский период – через идеологически окрашенную доктрину уголовной репрессии в советскую эпоху – к комплексному анализу деликтных режимов в условиях действия международных стандартов прав человека.

2. Правовые основы управления и организации: фокус смешался от регулирования сословных принципов комплектования армии и уставной службы к правовому обеспечению деятельности массовой армии тоталитарного государства, а затем к вопросам административно-правового статуса профессионального военнослужащего в правовом государстве.

3. Гносеологические основания науки: первоначальный историко-догматический анализ эволюции законодательства трансформировался в советский период в классово-обусловленную историографию, чтобы в современную эпоху обогатиться сравнительно-правовыми и междисциплинарными исследовательскими подходами.

3. Экстернализация правового регулирования: если в первые два периода регулирование рассматривалось как сугубо внутренняя деятельность государства, то в XXI в. центральное место заняла проблематика имплементации норм международного гуманитарного права и юрисдикции международных судебных институтов.

4. Рефлексия научно-педагогической деятельности: от создания первых учебных курсов и методик в XIX в. наука перешла к разработке идеологически выверенных программ в СССР, а сегодня фокусируется на внедрении инновационных образовательных технологий и цифровых обучающих средств.

Вместе с тем, опираясь на научные разработки исследователей, занимающихся целенаправленно данной проблемой, обратимся к советскому периоду развития военного права в СССР и США. В сравнительном аспекте развитие военного права в СССР и США (с странами НАТО) пошло принципиально разными путями. В СССР теоретические разработки в области военного права, начавшиеся в 1940-х гг. и имевшие целью создать научную основу для правового регулирования военной деятельности, были целенаправленно свёрнуты в середине 1950-х гг. Это решение, принятое по политическим мотивам, фактически заморозило развитие данной правовой дисциплины. В США и странах НАТО наблюдалась противоположная картина. Здесь на протяжении длительного времени (в США – более 200 лет, в НАТО – с момента основания) велась фундаментальная научная работа в сфере военного права. Эта деятельность была настолько интенсивной и специализированной, что привела к формированию целого нового правового направления – оперативного права (оперативного права военных действий), детально регулирующего подготовку и проведение военных операций [16]. Но вузовская наука военного права в СССР не стояла в статичном положении. Деятельность сформированной в Военном университете научной школы оказалась крайне плодотворной: её представителями было подготовлено и защищено более 1200 диссертаций, из которых свыше 40 – докторские. Научные изыскания преимущественно охватывали сферы военно-административного и военно-уголовного права [16].

Современный период развития военного права связан с разработками отечественных научных учреждений и вкладом известных российских ученых, среди которых выделим А.В. Кудашкина, В.В. Кудашкина, А.Н. Савенкова. Как и в прошлом (в дореволюционном, советском периодах), на современном этапе именно личности определяют векторы и задают долгосрочные стратегические приоритеты развития военного права России на каждом историческом отрезке.

Появление фундаментальной трехтомной монографии «Военное право» к первой четверти XXI столетия несет важную стратегическую нагрузку, в полной мере которую оценият и потомки современников. «Военное право», структура которой включает: том I «История и теория военного права» (2021) – реконструкция генезиса и теоретических основ военно-правовой доктрины [17], том II «Современное состояние военного права (институты военного права)» (2021) – системный анализ институциональной архитектуры отрасли [19] и том III «Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований» (2022) [20] – идентификация ключевых дискуссионных вопросов и стратегических векторов развития дисциплины..

Первый том монографии предлагает системную реконструкцию исторической эволюции, генезиса и актуального состояния отечественного военного права. В его содержании последовательно раскрываются сущностные характеристики предмета и метода военно-правового регулирования, принципы и функциональное назначение данной отрасли, а также её структурно-источниковая модель. Важным методологическим компонентом исследования выступает сравнительно-правовой анализ, реализованный в форме репрезентативного обзора современного состояния военного права ведущих иностранных государств (США, Великобритания, Франции, Германии и др.). Несмотря на лаконичность, данный обзор отличается концептуальной глубиной и системностью. Структурно том состоит из предисловия, восьми глав, детализированных в рамках 30 параграфов, что обеспечивает логически стройное и содержательно полное раскрытие заявленной проблематики [18].

Второй том монографии представляет собой системное исследование ключевых институтов современного военного права, раскрывающее его комплексный характер через анализ взаимосвязанных элементов правового регулирования. В фокусе исследования находятся следующие структурные компоненты военно-правовой системы: основы кадрового обеспечения военной организации государства; правовой статус военной службы как особого вида федеральной государственной службы; специфика правосубъектности военнослужащих; механизмы юридической ответственности военнослужащих; система социальных гарантит и материального обеспечения военнослужащих, включая вопросы судебной защиты; особенности правового регулирования в силовых структурах (войска национальной гвардии); организационно-правовые основы военной юстиции и юридической службы; правовой статус военных организаций и финансово-экономические аспекты их деятельности; международно-правовые аспекты военного

дела; сравнительно-правовой анализ институтов военного права в зарубежных государствах. Такой многоаспектный подход позволяет выявить системные связи между административно-управленческими, социально-обеспечительными и правоохранительными компонентами военно-правового регулирования, демонстрируя его комплексный межотраслевой характер. Особого внимания заслуживает рассмотрение вопросов правового обеспечения оборонно-промышленного комплекса, что отражает современные тенденции интеграции военного права со смежными отраслями законодательства [18].

Заключительный том монографии осуществляет комплексный анализ ключевых структурных элементов современной военно-правовой системы, включая право вооружённых конфликтов, военно-административные, уголовно-правовые и социальные аспекты регулирования, а также вопросы совершенствования военного законодательства и международно-правовые измерения военной деятельности. Особую научно-методическую ценность представляет разработанный авторами тематический план перспективных исследований, задающий стратегические ориентиры для дальнейшего развития военно-правовой доктрины. Системность изложения обеспечивается единой структурой работы, состоящей из введения, семи тематических глав, детализированных в тридцати одном параграфе, и заключения, содержащего синтез полученных результатов и определение векторов дальнейших научных изысканий. Структурная организация тома позволяет последовательно раскрыть как отраслевую специфику отдельных компонентов военного права, так и их системное взаимодействие в рамках единого нормативно-правового комплекса [18].

Представленная периодизация томов демонстрирует методологическую последовательность исследования: от историко-теоретической ретроспектиды через диагностику современного состояния к проектированию будущей научной парадигмы. Каждый том формирует автономный, но концептуально взаимосвязанный сегмент общего научного замысла, что позволяет рассматривать монографию как системное произведение, задающее новые стандарты военно-правовых исследований. При этом авторы (на примере первого тома) провели очень важную работу сравнительного плана с зарубежными концепциями и разработками [21].

Заключение

Анализ 150-летнего развития российской военно-юридической науки позволяет сделать следующие научно обоснованные выводы:

1. Институциональная устойчивость через преемственность школ: формирование последовательно сменяющих друг друга научных школ выполняет функцию стабилизатора и аккумулятора знаний, обеспечивая трансисторическую передачу ключевых методологических установок (системность, историзм, практическая ориентированность) даже в условиях кардинальной смены политических режимов.

Адаптивная методологическая пластиность: способность науки к методологической трансформации – от догматики к идеологическому прагматизму и далее к междисциплинарному синтезу – является ключевым условием её выживания и релевантности в меняющемся мире, позволяя адекватно отвечать на вызовы цифровизации, глобализации и новых форм вооруженной борьбы.

Неизменность практико-ориентированного императива: несмотря на все парадигмальные сдвиги, ядро научного этоса российской военно-юридической мысли остается неизменным – это устойчивая ориентация на синтез теоретических изысканий с прикладными задачами правового обеспечения жизнедеятельности войск, что гарантирует социальную востребованность и прикладную значимость проводимых исследований.

Таким образом, российская военно-юридическая наука демонстрирует гармоничное сочетание исторической преемственности и инновационного развития, что делает её важной составной частью правовой культуры и образовательной системы в сфере военного права.

Список источников

1. Кузьмин-Караваев В. Военно-юридическая академия. 1866–1891 гг. Краткий исторический очерк. – СПб., 1891.
2. Бобровский П. О. Беседы о военных законах Петра Великого // Военный сборник. 1890. №1.

3. Левицкий Г. А. Памяти Николая Степановича Таганцева // Вестник Санкт-Петербургского Университета МВД России. 2006. № 2. С. 48–60.
4. Рязанцева Ю. В. Создание, становление и деятельность первой высшей военно-юридической школы в России. К 150-летию Александровской военно-юридической академии // Вестник военного права. 2016. № 1. С. 125–132.
5. Машкин Н.А. Высшая военная школа Российской империи XIX – начала XX века. – М.: Академия, 1997. 347 с.
6. Хитрово Н.П. Русский военно-уголовный процесс. Его возможная реорганизация и возможная реорганизация военной юстиции и Военно-юридической академии. М., 1900. 160 с.
7. Титов В.В. К вопросу о совершенствовании системы наказаний и применения военными судами мер уголовного наказания в военное время // Право в Вооруженных Силах – Военное правовое обозрение. 2021. № 8. С. 58–67.
8. Кудашкин А.В. Военное право: учебник. – М.: За права военнослужащих, 2004. 640 с.
9. Малышев А.И., Хахалев В.Ю. Анализ трансформации основных категорий военной конфликтологии в доктринальных основах РФ // Военная мысль. 2023. № 8. С. 6–16.
10. Военное право: монография: в 3 т. / Под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. История и теория военного права (с предисловием). М.: Центр правовых коммуникаций, 2021. 560 с.
11. Картаполов А.В. «Забытая» отрасль российской правовой системы «право вооруженных конфликтов» возрождается с выходом фундаментального научного труда – трехтомной монографии «Военное право» // Государство и право. 2023. № 8. С. 45–50.
12. Аулов В.К., Сотников А.Н., Туганов Ю.Н. Международное гуманитарное право (право вооруженных конфликтов): учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2024. 73 с.
13. Современная информационная война / Л.А. Журавлева, Е.В. Зарубина, А.В. Ручкин [и др.] // Образование и право. 2022. № 9. С. 18–26.
14. Савенков А.Н., Кудашкин А.В. Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 7–14.
15. Чхиквадзе В.М. Некоторые вопросы советского военного права // Советское государство и право. 1947. № 8. С. 33–34.
16. Кудашкин А.В., Кудашкин В.В. Фундаментально-теоретические основания военного права (парадигмальный генезис теории военного права) / Тр. Института государства и права РАН. 2024. Т. 19. № 1. С. 137–164.
17. Военное право / Под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. I. История и теория военного права (с предисловием). М.: Центр правовых коммуникаций, 2021. 560 с.
18. Сальников В.П., Большикова В.М., Захарцев С.И. Институализация военного права как отрасли права в постнеклассической научной рациональности (рецензия на монографию «Военное право» в 3-х томах) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 1. С. 251–261. DOI: 10.17323/2072-8166.2023.1.251.261
19. Военное право / А.В. Кудашкин, В.К. Аулов, В.В. Бараненков [и др.]. Т. II. Современное состояние военного права (институты военного права). М.: Центр правовых коммуникаций, 2021. 888 с.
20. Военное право / Е.А. Глухов, В.М. Корякин, А.В. Кудашкин [и др.]. Т. III. Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований. М.: Центр правовых коммуникаций, 2022. 712 с.
21. Исаев В.И., Бальчугов С.Г., Марков А.М. Историко-правовой анализ возникновения и развития военного права // Военно-исторический журнал. 2024. № 3. С. 116–119.

References

1. Kuzmin-Karavaev V. *The Military-Legal Academy. 1866-1891. A brief historical outline*. St. Petersburg; 1891. (In Russ.)
2. Bobrovsky P.O. Conversations on the military laws of Peter the Great. *Voiennyi Sbornik*. 1890;(1). (In Russ.)
3. Levitsky G.A. In memory of Nikolai Stepanovich Tagantsev. *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2006;(2):48–60. (In Russ.)
4. Ryazantseva Yu.V. (J). The creation, formation and activities of the first higher military-legal school in Russia. On the 150th anniversary of the Alexandrov Military Legal Academy. *Bulletin of Military Law*. 2016; (1):125–132. (In Russ.)

5. Mashkin N.A. Higher Military School of the Russian Empire in the 19th - early 20th centuries. Moscow: Akademiya; 1997. 347 p. (In Russ.)
6. Khitrovo N.P. *The Russian military-criminal process. Its possible reorganization and the possible reorganization of military justice and the Military-Legal Academy.* Moscow; 1900. 160 p. (In Russ.)
7. Titov V.V. On the issue of improving the system of punishments and the application of criminal penalties by military courts in wartime. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh - Voennoe Pravovoe Obozrenie.* 2021;(8): 58-67. (In Russ.)
8. Kudashkin A.V. Military Law: textbook. Moscow: Za prava voennosluzhashchikh; 2004. (In Russ.)
9. Malyshev A.I., & Khakhalev V.Yu. Analysis of the transformation of the main categories of military conflictology in the doctrinal foundations of the Russian Federation. *Voiennaia Mysl.* 2023;(8):6-16. (In Russ.)
10. *Military Law:* monograph in 3 volumes. Ed. by A.N. Savenkov, A.V. Kudashkin. Vol. I: History and Theory of Military Law (with a preface). Moscow: Tsentr pravovykh kommunikatsii; 2021. (In Russ.)
11. Kartapolov A.V. The "forgotten" branch of the Russian legal system "law of armed conflicts" is being revived with the publication of a fundamental scientific work - the three-volume monograph "Military Law". *Gosudarstvo i Pravo.* 2023;(8):45-50. (In Russ.)
12. Aulov V.K., Sotnikov A.N., & Tuganov Yu.N. *International Humanitarian Law (Law of Armed Conflicts):* textbook for universities. Moscow: Yurayt; 2024. 73 p. (In Russ.)
13. Zhuravleva L.A., Zarubina E.V., Ruchkin A.V., [et al.] (). Modern information warfare. *Obrazovanie i Pravo.* 2022;(9):18-26. (In Russ.)
14. Savenkov A.N., & Kudashkin A.V. Military Law: problem statement and solutions. *Gosudarstvo i Pravo.* 2021;(4):7-14. (In Russ.)
15. Chkhikvadze V.M. Some issues of Soviet military law. *Sovetskoe Gosudarstvo i Pravo.* 1947;(8):33-34. (In Russ.)
16. Kudashkin A.V., & Kudashkin V.V. (). Fundamental theoretical foundations of military law (paradigm genesis of the theory of military law). *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.* 2024;19(1):137-164. (In Russ.)
17. *Military Law.* Ed. by A.N. Savenkov, A.V. Kudashkin. Vol. I: History and Theory of Military Law (with a preface). Moscow: Tsentr pravovykh kommunikatsii; 2021. (In Russ.)
18. Salnikov V.P., Bolshakova V.M., & Zakhartsev S.I. Institutionalization of military law as a branch of law in post-non-classical scientific rationality (a review of the monograph "Military Law" in 3 volumes). *Pravo. Zhurnal Vysshei Shkoly Ekonomiki.* 2023;16(1):251-261. (In Russ.)
19. *Military Law /* A.V. Kudashkin, V.K. Aulov, V.V. Baranenkov, [et al.]. Vol. II: Current State of Military Law (Institutes of Military Law). Moscow: Tsentr pravovykh kommunikatsii; 2021. (In Russ.)
20. *Military Law /* E.A. Glukhov, V.M. Koryakin, A.V. Kudashkin, [et al.]. Vol. III: Main Problems and Promising Directions of Military-Legal Research. Moscow: Tsentr pravovykh kommunikatsii; 2022. (In Russ.)
21. Isaev V.I., Balchugov S.G., & Markov A.M. Historical and legal analysis of the origin and development of military law. *Military Historical Journal.* 2024;(3):116-119. (In Russ.)

Информация об авторах

Дж. Х. Сайдумов – доктор юридических наук, старший научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук; профессор, Чеченский государственный педагогический университет.

Х. Х. Магомадов – аспирант, Чеченский государственный университет им. А. А. Кадырова.

Information about the authors

Dzh. H. Saidumov – Dr. Sci. (Law), Senior Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; Professor of the Chechen State Pedagogical University.

Kh. Kh. Magomadov – Graduate Student, Chechen State University named after. A.A. Kadyrov.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.10.2025; одобрена после рецензирования 21.11.2025; принятая к публикации 24.11.2025.

The article was submitted 17.10.2025; approved after reviewing 21.11.2025; accepted for publication 24.11.2025.

К вопросу о триггере вооруженного восстания в Петрограде 27 февраля 1917 г.

Андрей Геннадьевич Данилов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления,
Ростов-на-Дону, Россия, agd7@mail.ru

Аннотация

Введение. Важным фактором победы революции в феврале 1917 г. стал переход 27 февраля на сторону рабочих значительной части войск столичного гарнизона. Триггером такого поведения солдат стали два взаимосвязанных события: приказ Николая II, отданный 25 февраля командующему Петроградским военным округом генералу С. С. Хабалову, с требованием прекратить «беспорядки» в столице и исполнение данного приказа войсками 26 февраля – стрельба в своей основной массе в безоружное население. И в научном, и в практическом плане важно исследовать, как триггер запускает переход одного состояния общества в другое, меняя ход событий.

Цель и задачи. Проанализировать причины и последствия посланной царем телеграммы С. С. Хабалову; выяснить, существовал ли иной вариант восстановления спокойствия в столице; рассмотреть, как действия Николая II вечером 25 февраля 1917 г. характеризуют его как государственного деятеля.

Теоретические основы. История вместе с другими науками изучает такие актуальные в научном и практическом плане вопросы, как:

- Соотношение закономерности и исторической случайности. Революции, крах политических режимов, войны – были закономерным следствием предшествующего хода истории или результатом совокупности случайностей?
- Роль личности в истории. Личности (Александр Македонский, Б. Наполеон, В. И. Ленин, И. В. Сталин) или массы (классы, народы) определяют ход истории?

В данной статье мы используем элитистский подход (парадигму), который предполагает сосредоточение внимания на изучении деятельности и роли отдельных личностей или их групп накануне и в ходе изучаемых событий.

Результаты. Исследована степень информированности Николая II во время его нахождения в Ставке в Могилеве о «беспорядках» в Петрограде 23–24 февраля 1917 г. Проанализированы его взгляды на власть самодержца и воздействие на его мировоззрение императрицы Александры Федоровны. Выявлены причины и последствия посланной царем 25 февраля телеграммы С. С. Хабалову. Проанализирован иной вариант возможных действий императора с целью успокоить население столицы. Рассмотрено, какие качества государственного деятеля продемонстрировал Николай II вечером 25 февраля 1917 г.

Выводы. 1. Направление 25 февраля приказа генералу С. С. Хабалову о немедленном прекращении волнений в столице было следствием внутреннего убеждения Николая II в том, что он обязан править единолично. Это убеждение постоянно подпитывалось энергичными наставлениями его супруги Александры Федоровны, которая требовала от императора проявить

твёрдость. 2. Отправкой анализируемой телеграммы император продемонстрировал на деле такие свои управленческие качества, как слабое знание ситуации в столице (недооценивал низкий авторитет власти в обществе и в армии), не умение предвидеть последствия своих решений и неспособность прогнозировать возможный ход событий. 3. В очередной раз в ситуации выбора между диалогом, компромиссом с обществом или насилием император выбрал насилие, как он это неоднократно делал предыдущие 22 года своего правления.

Ключевые слова: Император Николай II, императрица Александра Федоровна, Первая мировая война, Февральская революция, Государственная дума, В. Н. Войков, С. С. Хабалов, А. Д. Протопопов, Д. Н. Дубенский, триггеры в политике

Для цитирования: Данилов А. Г. К вопросу о триггере вооруженного восстания в Петрограде 27 февраля 1917 г. // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 4. С. 21–31. EDN MYYNCI

Original article

On the issue of the trigger of the armed uprising in Petrograd on February 27, 1917

Andrey G. Danilov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
South-Russian Institute of Management, Rostov-on-Don, Russia, agd7@mail.ru

Abstract

Introduction. An important factor in the victory of the revolution in February 1917 was the transfer of a significant part of the troops of the capital's garrison to the workers' side on February 27. The trigger for this behavior of the soldiers was two interrelated events: the order of Nicholas II, given on February 25 to the commander of the Petrograd Military District, General S. S. Khabalov, demanding that the "riots" in the capital be stopped, and the execution of this order by the troops on February 26 – shooting the majority of the unarmed population. Both scientifically and practically, it is important to investigate how a trigger triggers the transition from one state of society to another, changing the course of events.

Purpose and objectives. To analyze the causes and consequences of the telegram sent by the tsar to S. S. Khabalov; to find out whether there was another option for restoring calm in the capital; to consider how the actions of Nicholas II on the evening of February 25, 1917 characterized him as a statesman.

Theoretical Basis. History, along with other sciences, studies such scientifically and practically relevant issues as:

- The relationship between regularity and historical chance. Were revolutions, the collapse of political regimes, and wars a natural consequence of the previous course of history or the result of a combination of coincidences?
- The role of personality in history. Individuals (Alexander the Great, B. Napoleon, V. I. Lenin, I. V. Stalin) or the masses (classes, peoples) determine the course of history?

In this article, we use an elitist approach (paradigm), which involves focusing on studying the activities and roles of individuals or their groups on the eve and during the events being studied.

Results. The article examines the degree of awareness of Nicholas II during his stay at the Headquarters in Mogilev about the "riots" in Petrograd on February 23-24, 1917. His views on the power of the autocrat and the impact of Empress Alexandra Feodorovna on his worldview are analyzed. The causes and consequences of the telegram sent by the tsar to S. S. Khabalov on February 25 have been revealed. Another variant of the emperor's possible actions is analyzed in order to calm the population of the capital. It is considered what qualities of a statesman Nicholas II demonstrated on the evening of February 25, 1917.

Conclusions. 1. On February 25, the sending of an order to General S. S. Khabalov for the immediate cessation of unrest in the capital was the result of Nicholas II's inner conviction that he was obliged to rule alone. This conviction was constantly fueled by the energetic instructions of his wife Alexandra Feodorovna, who demanded that the emperor show firmness. 2. By sending the analyzed telegram, the emperor demonstrated in practice such managerial qualities as poor knowledge of the situation in the capital

(he underestimated the low authority of the authorities in society and in the army), the inability to foresee the consequences of his decisions and the inability to predict the possible course of events. 3. Once again, in a situation of choosing between dialogue, compromise with society, or violence, the emperor chose violence, as he had repeatedly done during the previous 22 years of his reign.

Keywords: Emperor Nicholas II, Empress Alexandra Feodorovna, World War I, February Revolution, State Duma, V. N. Voeikov, S. S. Khabalov, A.D. Protopopov, D. N. Dubensky, triggers in politics

For citation: Danilov A. G. On the issue of the trigger of the armed uprising in Petrograd on February 27, 1917. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(4):21–31. (In Russ.). EDN MYYNCI

Введение

Крах монархии в России стал следствием совокупности факторов. Один из существенных из них – это переход части солдат Петроградского гарнизона 27 февраля 1917 г. на сторону рабочих и среднегородских слоев столицы. Триггером («спусковым крючком») такого поведения солдат была реакция на кровь, пролитую 26 февраля на улицах столицы. В свою очередь стрельба по мирным жителям города была следствием приказа, данного командующему Петроградским военным округом С. С. Хабалову вечером 25 февраля императором Николаем II. Анализ всех известных на сегодняшний лень документов свидетельствует о том, что без вечерней телеграммы царя 25 февраля активного массового целенаправленного применения оружия против демонстрантов в Петрограде не было бы. Таким образом, по нашему мнению, более точным определением триггера вооруженного восстания в столице 27 февраля 1917 г. следует считать не одно, а два взаимосвязанных события: телеграмму царя генералу С. С. Хабалову от 25 февраля и ее исполнение на практике военными 26 февраля.

Советские, современные российские исследователи, эмигрантские и зарубежные историки проделали большую и кропотливую работу по изучению различных сюжетов Февральской революции и деятельности императора Николая II. Хроника расстрела в своем большинстве безоружного населения столицы 26 февраля, действия солдат Волынского, а вслед за ним и других полков, усилия левых сил, деятельность командования Петроградского военного округа, депутатов Государственной думы в течение 27 февраля реконструирована по часам. Глубоко изучена роль каждого актора событий.

Общеизвестный факт, что действия войск в столице 26 февраля были следствием телеграммы, посланной Николаем II генералу С. С. Хабалову вечером 25 февраля 1917 г. Многократно опубликован ее текст. Но обстоятельства направления императором данного приказа командующему Петроградским военным округом не были предметом изучения историками. Другими словами, если второе событие (стрельба 26 февраля) или вторая часть изучаемого триггера глубоко изучены, то первое событие (предыстория посыпки телеграммы Николая II) или первая часть триггера раскрыты в исследованиях слабо.

Теоретические основы

Причинами конфликтов всегда являются противоречия, которые могут долго существовать в скрытой форме. Именно триггеры переводят конфликт в открытую стадию. И в научном, и в практическом плане важно исследовать, как триггер запускает переход одного состояния общества в другое, выступая катализатором процессов, меняя интенсивность протекания конфликта и ход событий. В этом актуальность изучения проблемы триггера.

В политике существуют разные типы триггеров, в том числе, триггеры – события. Речь идет о масштабном резонансном событии, которое может перевести потенциальные или слабо выраженные конфликт и противоречия в открытые, запустить процесс осознания конфликта и принятия решений со стороны его участников. Яркими примерами таких резонансных событий являются расстрелы мирного населения столицы 9 января 1905 г. и 26 февраля 1917 г.

Цель и задачи

- проанализировать причины и последствия приказа царя С. С. Хабалову, данного 25 февраля 1917 г.;

- выяснить, существовал ли иной вариант восстановления спокойствия в столице;

- рассмотреть, как действия царя вечером 25 февраля 1917 г. характеризуют его как государственного деятеля.

Источниковую базу для изучения анализируемой проблемы составляют переписка императора Николая II с его супругой Александрой Федоровной, дневники и воспоминания лиц из ближайшего окружения царя (дворцового коменданта В. Н. Воейкова, генералов А. С. Лукомского, А. И. Спиридовича, градоначальника Петрограда А. С. Балка, официального историографа царя Д. Н. Дубенского, донесения в Ставку министра внутренних дел А. Д. Протопопова, военного министра М. А. Беляева, доклады начальника Петроградского охранного отделения генерала К. И. Глобачева, показания, данные Чрезвычайной следственной комиссии (ЧСК) Временного правительства командующим Петроградским военным округом С. С. Хабаловым. Эти и другие документы позволяют хотя бы частично реконструировать внутренний мир Николая II, под влиянием каких идей император принимал те или иные решения. Анализируемые материалы помогают понять, что конкретно царь, находясь в Ставке в Могилеве, знал о событиях в Петрограде, и когда (по дням и по часам) он получал эту информацию. Сведения А. П. Балка и С. С. Хабалова опровергают популярный тезис о критической ситуации с запасами продовольствия в Петрограде.

Результаты и обсуждение

23 февраля 1917 г. Верховный главнокомандующий русской армии Николай II прибыл в Ставку в Могилев. С августа 1915 г., когда он занял эту должность, император больше времени проводил в Ставке, чем в своей резиденции в Царском селе. Согласно официальной точке зрения, в конце февраля царь решил съездить на неделю на фронт с целью обсудить с начальником штаба генералом М. В. Алексеевым ход подготовки русской армии к весеннему наступлению. «Конспирологическая» версия утверждает: генералы – «заговорщики» и «предатели» якобы обманом выманили государя в Ставку. Ранее мы подробно анализировали неубедительность обоих подходов и сформулировали свою гипотезу причин, по которым Николай II прибыл на фронт [1, с. 164–166].

23 февраля по старому стилю – 8 марта по новому стилю. Это был Международный женский день, который в России стали отмечать с 1913 г. в разной форме (собрания, доклады и обсуждения положения женщины в обществе, демонстрации, стачки и т.д.). Поэтому ни о какой «внезапности» выступлений левых сил в Международный женский день 23 февраля (8 марта) 1917 г., о чём любят говорить «конспирологи», говорить не приходится.

В воспоминаниях дворцового коменданта (говоря современным языком, это – руководитель охраны императора) В. Н. Воейкова читаем: «В пятницу (24 февраля – А. Д.) днем я получил из Петрограда от своего начальника особого отдела известие, что в Петрограде неспокойно и происходят уличные беспорядки, которые могут принять серьезные размеры, но что пока власти справляются» [2, с. 181]. Но к датировке событий дворцовым комендантом необходимо относиться с большой осторожностью. Его воспоминания полны фактических неточностей.

Однако существуют свидетельства человека, которого называют официальным историографом Николая II и который ежедневно фиксировал действия царя и события в Ставке. Генерал Д. Н. Дубенский в своих записках за 24 февраля 1917 г. пишет: перед завтраком, который в Ставке начинался в 12.30, «тихо спрашивали друг друга: «Какие вести из Петрограда»; передавали, что только что полученные телеграммы сообщали о волнениях в рабочих кварталах» [3, с. 24]. Вечером 24 февраля Николай II звонил в Царское село и полчаса говорил по телефону с супругой [3, с. 28]. Сегодня мы не знаем, о чём они говорили. Но судя по содержанию письма императрицы от 24 февраля [4, Т. В. С. 214], она была в курсе начавшихся беспорядков в Петрограде и не могла не сообщить о них супругу. Д. Н. Дубенский примерно в то же время с телефонной станции звонил в Петроград своим домашним. От них он узнал, что «сегодня, 24-го февраля, в Петрограде были волнения на Выборгской стороне. Толпы рабочих требовали хлеба, и было несколько столкновений с полицией, но все это сравнительно скоро успокоилось. ... Передали также, что на завтра ожидаются гораздо большие волнения и беспорядки. Войска получили приказ ... быть готовыми к немедленному выступлению по требованиюластей» [3, с. 28]. Вечером в Ставку поступили телегramмы, которые также ничего радостного не сообщили [3, с. 28]. 24 февраля

Д. Н. Дубенский записал в своем личном дневнике: «В Петрограде были голодные беспорядки, рабочие патронного завода вышли на Литейный и двинулись к Невскому, но были разогнаны казаками» [5, т. VI, с. 392].

Таким образом, о народных выступлениях, начавшихся в столице 23 февраля, в Ставке узнали уже на следующий день, 24 февраля.

25-го февраля «уже с утра в Ставке стало известно, что волнения в Петрограде приняли широкие размеры. Толпы появились уже на Невском у Николаевского вокзала, а в рабочих районах, как и вчера, народ требовал хлеба и стремился производить насилия над полицией. Были вызваны войска, занявшие площади, некоторые улицы. Революционное настроение массросло. Государственная Дума, с Родзянко во главе, предъявляла правительству новые настойчивые требования о реорганизации власти» [3, с. 28].

Дворцовый комендант В. Н. Войков в своих воспоминаниях указывает, что 25 февраля передал императору сообщение министра внутренних дел А. Д. Протопопова о событиях в столице 23–25 февраля [2, с. 181–182]. Факт отправки телеграммы А. Д. Протопопова В. Н. Войкову 25 февраля упоминается в разных источниках [6, с. 57; 7, кн. III, с. 198]. Текст документа опубликован [8, с. 290; 9, с. 136] и широко известен исследователям.

25 февраля после 17 часов царь получил письмо от своей супруги, в котором было несколько строк о волнениях в столице.

Кроме достоверных документальных свидетельств есть еще мемуары генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего генерала А. С. Лукомского. Занимая вторую по значению должность в руководстве Ставки после начальника штаба генерала М. В. Алексеева, Александр Сергеевич был весьма информированным человеком. Если верить его воспоминаниям, в Ставке 25 февраля / 10 марта в течение дня были получены две телеграммы от военного министра генерала М. А. Беляева с описанием событий в Петрограде. [10, с. 317]. Тексты данных документов М. А. Беляева, в отличие от других анализируемых здесь материалов, нигде не опубликованы. Его телеграммы от 27, 28 февраля 1917 г. хорошо известны историкам, давно введены в научный оборот [11, с. 8, 9, 15, 16, 20]. А послания от 25 февраля пока не найдены. В воспоминаниях А. С. Лукомского читатель также находит фактические ошибки в датировке событий, поэтому нельзя со сто процентной уверенностью сказать, существовали ли телеграммы М. А. Беляева, были они получены в Могилеве именно 25 февраля?

Таким образом, документы опровергают один из мифов «конспирологов» (Н. В. Старикова, П. В. Мультатули и др.) о том, что в Могилеве Николай II якобы находился в информационной блокаде, организованной генералами-заговорщиками. И император, и военные в Ставке уже 24 и 25 февраля знали о народных волнениях в столице. Можно спорить, насколько полно царь был информирован о масштабах событий. Но это уже зависело не от действий якобы «заговорщиков в Ставке», а от степени понимания происходившего на улицах Петрограда ближайшими сотрудниками государя: министром внутренних дел А. Д. Протопоповым, военным министром М. А. Беляевым, командующим Петроградским военным округом С. С. Хабаловым и другими. Как мы ранее анализировали, перечисленные лица не были профессионалами в своем деле [12, с. 42–46; 13].

Из списка источников знаний императора о ситуации в Петрограде к моменту составления анализируемого приказа мы исключили донесение командующего войсками Петроградского военного округа С. С. Хабалова начальнику Штаба Верховного главнокомандующего М. В. Алексееву, полученное в Ставке 25 февраля 1917 г. в 18час.08мин. Ее содержание император узнает только утром на следующий день 26 февраля.

Важный момент, на который необходимо обратить внимание читателя. Полученные императором в Могилеве из Петрограда 24–25 февраля документы объединяют одна и та же мысль: причин для беспокойства царя нет, войска энергично справляются с разгоном демонстраций. Например, в конце донесения министра внутренних дел А. Д. Протопопова от 25 февраля 1917 г. есть такие строки: «Движение носит неорганизованный стихийный характер ... К прекращению дальнейших беспорядков принимаются энергичные меры военным начальством. В Москве спокойно» [8, с. 290]. Из письма императрицы от 24 февраля, полученного Николаем 25 февраля, царь узнал, что «Вчера (23 февраля – А.Д.) были беспорядки на Васильевском острове и на Невском,

потому что бедняки брали приступом булочные. Они вдребезги разнесли Филиппова (булочную Филиппова – А. Д.) и против них вызывали казаков. ... Беспорядки хуже в 10 часов (утра 24 февраля – А. Д.), в 1 (в 13 часов – А. Д.) меньше – теперь это в руках Хабалова» [4, т. V, с. 214–215]. Первая телеграмма военного министра М. А. Беляева, полученная по утверждению А. С. Лукомского в Ставке 25 февраля, заканчивается фразой «меры к прекращению беспорядков приняты и что ничего серьезного нет». В конце второй телеграммы, пришедшей в Могилев в тот же день, военный министр указывал: «к 26 февраля / 11 марта беспорядки будут прекращены» [10, с. 317].

Ничего экстраординарного. Какие только волнения не переживала столица, начиная с 1905 г. ... Поэтому неожиданно в тот же день, 25 февраля 1917 г. около 21 часа командующий Петроградским военным округом генерал С. С. Хабалов получил от царя телеграмму: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией» [5, т. I, с. 190].

В связи с посылкой данной телеграммы возникает целый ряд вопросов.

Если одна из функций истории – постараться выявить причины событий или мотивы людских поступков, то **первый вопрос** можно сформулировать так: что побудило императора отправить вечером С. С. Хабалову телеграмму, которая сыграла роль «камешка в горах, вызывающего лавину, все сметающую на своем пути» – вооруженное выступление в Петрограде 27 февраля?

При поисках ответа на данный вопрос стоит помнить, что многие, если не все, действия императора Николая II в течение его жизни были следствием двух взаимообусловленных и взаимосвязанных факторов.

1. Непоколебимое убеждение, что он – «хозяин земли Русской» – должен править самодержавно. Поэтому никаких уступок в вопросе делегирования части полномочий главы государству обществу, а в случае конфликта – не компромисс, а насилие.

2. Влияние на императора сильных личностей из его ближайшего окружения.

Вспомним факты.

7, 8 и 9 января 1905 г. вместо того, чтобы наладить диалог с обществом и тем самым предотвратить возможное кровопролитие, с самого начала было принято решение о силовом решении вопроса.

Во время всеобщей октябрьской политической стачки в 1905 г. Николай II до последнего не хотел идти навстречу чаяниям различных слоев общества. В сложившейся ситуации активные усилия председателя Кабинета министров С. Ю. Витте, Главнокомандующего войсками Гвардии и Санкт-Петербургского военного округа великого князя Николая Николаевича, некоторых других государственных деятелей привели к тому, что 17 октября 1905 г. царь все-таки подписал Манифест об усовершенствовании государственного порядка. О влиянии названных лиц писали не только современники событий. Так считала и императрица Александра Федоровна. В письме супругу от 17 июня 1915 г. она писала: «Н. (великий князь Николай Николаевич – А. Д.) и Витте виноваты в том, что Дума существует» [4, т. III, с. 224]. Если верить близкому другу царя генералу В. Н. Орлову, который рассказал подробности того исторического дня великим князьям Николаю Николаевичу и Андрею Владимирович в марте 1917 г., император воспринял только что сделанный им шаг как катастрофу. Когда все разъехались, царь попросил В. Н. Орлова остаться с ним. «Не покидайте меня сегодня, мне слишком тяжело. Я чувствую, что, подписав этот акт, я потерял корону. Теперь все кончено. И крупные слезы капали на стол». [14, с. 199]

Итак, для императора дарование политических свобод и создание Государственной думы – это катастрофа. Видимо, из этого внутреннего убеждения вытекает его нелюбовь к данному учреждению: вместо 5 лет работы первая Дума просуществовала 72 дня, вторая – 102 дня. В своем письме к министру внутренних дел Н. А. Маклакову от 18 октября 1913 г. царь пишет: «... считаю необходимым и благонамеренным немедленно обсудить в совете министров мою давнишнюю мысль об изменении статьи учреждения государственной Думы, в силу которой, если Дума не согласится с изменениями Государственного совета и не утвердит проекта, то законопроект уничтожается. Это – при отсутствии у нас конституции – есть полная бессмыслица!» [15, с. 92].

Принимать законы без одобрения Государственной думы – вот, оказывается, о чем все годы мечтал император. С такими внутренними убеждениями, практикой царя минимизировать роль парламента в управлении страной, многолетним отказом от диалога с обществом – при таком сочетании факторов какова вероятность того, что в условиях кризиса в феврале 1917 г. между уступкой Госдуме в вопросе формирования «ответственного министерства» и использованием силы Николай II выберет компромисс? Представляется, что ответ очевидный: минимальная вероятность.

К вопросу о влиянии сильных личностей в окружении царя на принимаемые им решения.

В октябре 1905 г. возле Николая II были крупные государственные деятели. Почти 12 лет спустя, 25 февраля 1917 г. в Могилеве в момент принятия решения о посылке телеграммы С. С. Хабалову некому было посоветовать императору пойти навстречу нуждам своих подданных. Не было уже С. Ю. Витте. Он умер 2 года назад, 28 февраля 1915 г. Не было рядом великого князя Николая Николаевича, отправленного летом 1915 г. на Кавказ. Но незримо рядом находилась волевая императрица Александра Федоровна. Можно спорить о степени ее влияния на супруга, но оспаривать сам факт влияния – значит, противоречить всем известным документам (переписка супругов и воспоминания участников событий). Как гипотеза, уважаемый читатель. Могли повлиять на действия царя в Ставке 25 февраля 1917 г. ее постоянные наставления проявить твердость и силу в отношениях с подчиненными и с «ревущими толпами», которые царь часто читал в письмах в 1915–1917 гг.?

Например, в письме от 14 июня 1915 г. читаем: «Будь более самодержавным, мой дорогой друг, покажи свою волю!» [4, т. III, с. 213]. В письме от 22 июня 1915 г. есть такие строки: «Ах, мой дружок, когда же наконец ты ударишь кулаком по столу ... Никто тебя не боится, а они должны – они должны дрожать перед тобой, иначе все будут на нас наседать ... О, мой мальчик, заставь всех дрожать перед тобой – любить тебя недостаточно, надо бояться тебя рассердить или не угодить тебе! Ты всегда слишком добр ...» [4, т. III, с. 236]. Из письма 4 декабря 1916 г.: «покажи всем, что ты властелин... Миновало время великой снисходительности и мягкости, – теперь наступает твое царство воли и моци!» [4, т. V, с. 154–155]. Строки из письма от 13 декабря: «Мы должны передать Бэби (сыну, наследнику престола Алексею – А. Д.) сильную страну и не смеем быть слабыми – ради него, иначе ему будет еще труднее царствовать, исправляя наши ошибки и крепко натягивая вожжи, которые ты распускаешь. ... Россия любит кнут!» [4, т. V, с. 184, 185]. Из письма Александры Федоровны от 14 декабря: «Будь Петром Великим, Иваном Грозным, императором Павлом – сокруши их всех! ... Я бы повесила Трепова¹ за его дурные советы. ... Ты должен быть твердым. ... Спокойно и с чистой совестью перед всей Россией я бы сослала Львова² в Сибирь, ... отняла бы чин у Самарина.³ Милюкова⁴, Гучкова⁵ и Поливанова⁶ – тоже в Сибирь. ... Будь властелином, и все преклонятся перед тобой! ... Мы богом поставлены на трон и должны сохранить его крепким и передать непоколебленным нашему сыну» [4, т. V, с. 189–191].

¹ Трепов Александр Федорович (1862–1928), в момент написания данного письма возглавлял Совет министров России (с 10 ноября по 27 декабря 1916 г.).

² Князь Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925), в 1915–1917 гг. руководитель Земско-городского союза.

³ Самарин Александр Дмитриевич (1868–1932), в июле – сентябре 1915 г. обер-прокурор Святейшего синода, в 1912–1917 гг. член Государственного совета (назначен лично царем), с декабря 1916 г. председатель Постоянного совета Объединенных дворянских обществ, действительный статский советник, егермейстер (по Табели о рангах соответствовал придворному чину 3-го класса). Нам сложно сказать, какой конкретно чин императрица предлагала отнять у А. Д. Самарина.

⁴ Милюков Павел Николаевич (1859–1943), лидер Конституционно-демократической партии (партии кадетов), депутат Государственной думы III и IV созывов (1907–1917), один из лидеров Прогрессивного блока (1915–1917).

⁵ Гучков Александр Иванович (1862–1936), лидер партии «Союз 17 октября» (партия «октябристов»), депутат Государственной думы III созыва (1907–1912) и даже ее председатель (1910–1911), член Государственного совета (1915–1917), председатель Центрального военно-промышленного комитета (1915–1917).

⁶ Поливанов Алексей Андреевич (1855–1920), военный министр (июнь 1915 – март 1916).

И подобных высказываний императрицы в посланиях супругу в 1915–1916 гг. можно привести еще не мало. Аналогичные мысли Александры Федоровны царь читал в письмах, написанные ею 22 и 24 февраля 1917 г., то есть, накануне принятия решения о силовом разгоне волнений в столице.

В письме 22 февраля в поезде по дороге из Петрограда в Ставку царь прочитает следующие строки: «Кажется, дела (в стране – А. Д.) поправляются. Только, дорогой, будь тверд, покажи властную руку, вот что надо русским. Ты никогда не упускал случая показать любовь и доброту, – дай им теперь почувствовать порой твой кулак. Они сами просят об этом – сколь многие недавно говорили мне: «нам нужен кнут!» Это странно, но такова славянская натура – величайшая твердость, жестокость даже и – горячая любовь. ... Они должны научиться бояться тебя – любви одной мало. Ребенок, обожающий своего отца, все же должен бояться разгневать, огорчить или ослушаться его!» [4, т. V, с. 208–209].

Мнение царицы о том, что «дела в стране поправляются», высказано ею 22 февраля, за 8 дней до отречения самодержца от власти и гибели монархии. Насколько оторванной была от реальной действительности императрица, считавшая своим долгом давать наставления императору и министрам, как им управлять Россией.

За 2–3 часа до направления приказа С. С. Хабалову 25 февраля Николай II получил очередное письмо Александры Федоровны от 24 февраля 1917 г. Царица продолжает убеждать супруга в необходимости показать свою силу. «Я надеюсь, что Кедринского¹ из Думы повесят за его ужасную речь – это необходимо (военный закон, военное время), и это будет примером. Все жаждут и умоляют тебя проявить твердость» [4, т. V, с. 215].

Постоянные наставления царицы не только в письмах, но, можно предположить, и в личном общении: «Быть Петром Великим, Иваном Грозным, сокрушить всех врагов, лидеров либералов сослать в Сибирь, премьер-министра повесить» и т.д. – не могли не повлиять на Николая II проявить решительность вечером 25 февраля 1917 г.

Второй вопрос. Каковы последствия данной телеграммы?

Через 25 дней, 22 марта 1917 г. на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии, созданной Временным правительством, генерал С. С. Хабалов дал следующую оценку этому приказу царя. «Эта телеграмма ... меня хватила обухом... Как прекратить завтра же? Сказано: «завтра же» ... государь повелевает прекратить, во что бы то ни стало... Что я буду делать? ... Царь велел: стрелять надо... Я убит был – положительно убит! – Потому что я не видел, чтобы это последнее средство, которое я пущу в ход, привело бы непременно к желательному результату...» [5, т. I, с. 190]. По свидетельству командующего округом С. С. Хабалова, именно эта телеграмма царя от 25 февраля заставила генералов отдать приказ войскам 26 февраля использовать оружие против демонстрантов в Петрограде. Кровь была пролита на многих улицах и площадях города. Военный министр М. А. Беляев в показаниях ЧСК от 19 апреля 1917 г. назвал несколько мест, откуда велась не только ружейная, но и пулеметная стрельба [5, т. II, с. 234]. Расстрел мирного населения 26 февраля стал детонатором, спусковым крючком перехода части войск столичного гарнизона на сторону восставшего народа 27 февраля и победы революции в Петрограде.

Третий вопрос. «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется ...» (Ф. И. Тютчев). Сам царь, требуя от С. С. Хабалова на следующий день, 26 февраля прекратить беспорядки в столице, понимал (предвидел), что это означает – стрелять и пролить кровь? Или он вкладывал какой-то иной смысл в текст своего приказа? Если царь не предполагал «стрелять», почему по телефону или телеграфу не разъяснил С. С. Хабалову свою позицию? Если Николай II не понимал, что его требование означает стрельбу – это яркий пример того, как глава государства принимает судьбоносные решения на основе неполной и неточной информации, не умея прогнозировать возможные последствия своих шагов.

Четвертый вопрос. В случае, если Николай II 25 февраля все-таки предвидел, что его приказ означает кровь на улицах Петрограда и был готов к такому повороту событий, не возникал

¹ Так Александра Федоровна по ошибке назвала А. Ф. Керенского (1881–1970), депутата Государственной думы IV созыва (1912–1917), с 1915 г. председателя фракции трудовиков.

ли у него еще 25 февраля вопрос: насколько войска в столице надежны и выполнят приказ императора? Если Николай II, посыпая телеграмму С. С. Хабалову, был уверен в войсках столичного гарнизона – он плохо понимал реальное положение дел. Как минимум, с ноября 1916 г. некоторые командиры запасных гвардейских батальонов, расквартированных в Петрограде, руководство МВД предупреждали о ненадежности солдат столичного гарнизона и недостаточности верных войск для подавления народных выступлений. Если император не был уверен, что в столице и ее окрестностях достаточно верных войск, то не логично было бы уже вечером 25 февраля или, в крайнем случае, утром 26 февраля приказать отправить с фронта верные престолу части для выполнения своего требования прекратить беспорядки? Почему этого не было сделано?

Пятый вопрос. Какие черты Николая II как руководителя показывает анализируемая ситуация с посылкой телеграммы?

Император:

- а) не желал думать о последствиях своих приказов?
- б) думал о последствиях своих действий, но был не способен просчитать или предвидеть их последствия?
- в) отдавал приказы, но не обеспечивал их соответствующими ресурсами, в данном случае – надежными войсками и энергичными генералами?

Любой ответ (черта характера), выбранный уважаемым читателем, свидетельствует о слабости Николая II как главы государства.

Шестой вопрос. Сегодня мы знаем судьбоносный выбор царя вечером 25 февраля 1917 г. Но возникает вопрос: существовал ли иной вариант действий власти с целью прекратить волнения в Петрограде? Да, в реальной действительности были возможны иные решения.

В докладе 5 февраля 1917 г. начальник Петроградского охранного отделения генерал К. И. Глобачев предупреждал власть: «Матери семей, изнуренные бесконечным стоянием в хвостах у лавок, исстрадавшиеся при виде своих полуголодных и больных детей, пожалуй, сейчас гораздо ближе к революции, чем г.г. Милюковы, Родичевы и К°; и, конечно, они гораздо опаснее, так как представляют собою тот склад горючего материала, для которого достаточно одной искры, чтобы вспыхнул пожар» [16, с. 388]. На основе анализа текущей ситуации за три недели до описываемых событий, 5 февраля 1917 г. был сформулирован вывод: накормить население Петрограда и Москвы в настоящий момент – значит предотвратить неизбежность катастрофически надвигающейся опасности для всей страны [16, с. 402].

Императрица в письмах и министры в докладах Николаю II указывали причину волнений жителей Петрограда 23–25 февраля – недостаток хлеба.

В Петрограде, по сведениям градоначальника А. П. Балка, «в городском запасе находился недельный запас муки для прокормления 3 миллионного населения». Кроме того, были еще и военные запасы, «и в крайнем случае можно было и ими воспользоваться ... Телеграммы получались со всех сторон, что мука идет (в Петроград – А. Д.) в большом количестве и что вот-вот столица будет залита мукой» [17, с. 28, 29]. По сведениям С. С. Хабалова к 23 февраля запасов муки было на 10-12 дней [5, Т. I. с. 186]. Итак, в столицу шли эшелоны с продовольствием. Надо было продержаться несколько дней. Правительство и командующий округом сами никогда не решатся использовать государственные запасы муки, продуктов для раздачи голодающим или продажи населению по низким ценам, чтобы накормить и успокоить столицу. Такое распоряжение мог дать только император. Но он избрал другой путь: не заботу о своих подданных, не накормить голодающих, а вооруженное подавление народных выступлений, к которым привела деятельность самой же власти.

Рассматривал ли Николай II вариант с раздачей государственных и военных запасов продовольствия населению столицы? В известных на сегодня источниках об этом не упоминается.

Заключение

1. Направление 25 февраля приказа генералу С. С. Хабалову о немедленном прекращении волнений в столице было следствием внутреннего убеждения Николая II в том, что он обязан править единолично, самодержавно. Это убеждение постоянно подпитывалось энергичными

наставлениями его супруги Александры Федоровны, которая не просила, а требовала от императора проявить твердость, «кнут». К мнению императрицы Николай прислушивался в силу ее влияния на него.

2. Вечером 25 февраля император показал на деле (отправкой телеграммы) такие свои управленческие качества, как слабое знание ситуации в столице (недооценивал низкий авторитет власти в обществе и в армии), не умение предвидеть последствия своих решений и неспособность прогнозировать возможный ход событий.

3. В очередной раз в ситуации выбора между диалогом, компромиссом с обществом или насилием император выбрал насилие, как он это делал предыдущие 22 года своего правления.

4. Выявление первых признаков проявления социального конфликта и прогнозирование его возможного обострения – одна из наиболее важных задач любой власти.

5. Конфликт без триггера имеет все шансы застыть в латентном состоянии. В ситуации, когда в стране или в обществе накопилось много «горючего материала», власть должна быть сверхосторожной в принимаемых решениях. В ином случае неудачное слово, заявление, тем более силовой разгон демонстраций и митингов может сыграть роль триггера, который качественно и мгновенно меняет ход событий в нелучшую для власти сторону.

Список источников

1. Данилов А. Г. Отъезд императора Николая II из Петрограда 22 февраля 1917 г. как фактор краха монархии // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 163–171.
2. Войиков В. Н. С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М.: «Захаров», 2016. 400 с.
3. Дубенский Д. Н. Как произошел переворот в России. Записки-дневники // Русская летопись. Кн. 3. Париж, 1922. С. 11–111.
4. Переписка Николая и Александры Романовых. 1914–1917 гг. т. III–V. М.–Л., Государственное издательство, 1923–1927.
5. Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства / Ред. П. Е. Щеголов. Т. I–VII. М.–Л.: Госиздат, 1924–1927.
6. Блок А. Последние дни императорской власти. Петербург: Алконост, 1921. 168 с.
7. Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция. 1914–1917 гг. Кн. III. Нью-Йорк, 1961. 315 с.
8. Пролетарская революция. 1923. Т. 1 (13).
9. Шляпников А. Г. Семнадцатый год. Кн. 1. (Январь, февраль и три дня марта). М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. 348 с.
10. Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М.: Айрис-пресс, 2012. 752 с.
11. Красный архив. Т. 2 (21), М.-Пг., 1927.
12. Данилов А. Г. Действия власти в Петрограде 23 – 28 февраля 1917 г.: некоторые уроки // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 36–58. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-3-36-58>
13. Данилов А. Г. К вопросу о кадровой политике императора Николая II. Министр внутренних дел А. Д. Протопопов // Клио. 2024. № 11. С. 122–129.
14. Из дневника А. В. Романова. Запись за 9 марта 1917 г. // Красный архив. 1928. Т. 1(26).
15. Письмо Николая II – А. Н. Маклакову. 18 октября 1913 г. / Монархия перед крушением. 1914–1917. Бумаги Николая II и другие документы. М.–Л.: Государственное издательство, 1927.
16. Доклад начальника Петроградского охранного отделения К. И. Глобачева. 5 февраля 1917 г. / Глобачев К. И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009. С. 381–402.
17. Балк А. П. Последние пять дней царского Петрограда (23–28 февраля 1917 г.) / Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 1. Л., 1991. С. 26–64.

References

1. Danilov A. G. Departure of Emperor Nicholas II from Petrograd on February 22, 1917 as a factor in the collapse of the monarchy. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(4):163–171. (In Russ.)
2. Voeikov V. N. *With the tsar and without the tsar: Memoirs of the last palace commandant of Emperor Nicholas II*. Moscow: Zakharov; 2016. 400 p. (In Russ.)
3. Dubensky D. N. How the coup took place in Russia. Notes-diaries. *Russian literature*. Book 3. Paris; 1922. Pp. 11-111. (In Russ.)
4. *Correspondence of Nikolai and Alexandra Romanov. 1914-1917 vol. III-V*. Moscow-Leningrad: State Publishing House; 1923–1927. (In Russ.)
5. The fall of the tsarist regime: Verbatim reports of interrogations and testimony given in 1917 in the Extraordinary Commission of Inquiry of the Provisional Government. Ed. P. E. Shshegolev. Vol. I-VII. Moscow-Leningrad: Gosizdat; 1924–1927. (In Russ.)
6. Blok A. *The last days of Imperial power*. St. Petersburg: Alkonost; 1921. 168 p. (In Russ.)
7. Spiridovich A. I. *The Great War and the February Revolution. 1914–1917*. Book III. New York; 1961. 315 p. (In Russ.)
8. *The Proletarian Revolution*. 1923. Vol. 1 (13). (In Russ.)
9. Shlyapnikov A. G. *The seventeenth year*. Book 1. (January, February and three days of March). Moscow; Petrograd: State Publishing House; 1923. 348 p. (In Russ.)
10. Lukomsky A. S. Essays from my life. Memoirs. Moscow: Iris Press, 2012. 752 p. (In Russ.)
11. *Red Archive*. Vol. 2 (21). Moscow; 1927. (In Russ.)
12. Danilov A. G. Actions of the Authorities in Petrograd of February 23 – 28, 1917: some lessons. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2021;(3):36–58. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-36-58>
13. Danilov A. G. On the issue of personnel policy of Emperor Nicholas II. Minister of Internal Affairs A.D. Protopopov. *Clio*. 2024;(11):122–129. (In Russ.)
14. From the diary of A.V. Romanov. Entry for March 9, 1917. *Red Archive*. 1928.;1(26). (In Russ.)
15. Letter from Nicholas II to A. N. Maklakov. October 18, 1913. In: *The Monarchy before the collapse. 1914–1917. Papers of Nicholas II and other documents*. Moscow: State Publishing House; 1927. (In Russ.)
16. Report by the head of the Petrograd security Department K. I. Globachev. February 5, 1917. In: Globachev K. I. *The Truth about the Russian Revolution: Memoirs of the former head of the Petrograd Security Department*. Moscow; 2009. P. 381–402. (In Russ.)
17. Balk A. P. The last five days of Tsarist Petrograd (February 23-28, 1917). *Russian Past. Historical and documentary almanac*. Book 1. Leningrad; 1991:26–64. (In Russ.)

Информация об авторе

А. Г. Данилов – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории права и государства, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления.

Information about the author

A. G. Danilov – Dr. Sci. (History), Professor of the Department of Theory and History of Law and State, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South-Russia Institute of Management.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 18.10.2025; одобрена после рецензирования 25.11.2025; принята к публикации 26.11.2025.

The article was submitted 18.10.2025; approved after reviewing 25.11.2025; accepted for publication 26.11.2025.

Учение Геннадия Васильевича Мальцева о нравственных основаниях права

Леонид Владимирович Акопов

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону,
Россия, norin.gospravo@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9909-7919>

Аннотация

Введение. В год 90-летия со дня рождения замечательного советского и российского мыслителя, члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Геннадия Васильевича Мальцева (1935–2013) автором представлено научное эссе о его фундаментальной монографии «Нравственные основания права». Как верно отмечено в аннотации к этому изданию, степень трансформации нравственных, правовых и иных ценностей так высока, что у общественной науки нет иного пути, кроме как, возвращаясь к своим выводам, искать новые лучшие решения.

Цель. Углубленный сравнительно-правовой анализ фундаментальной монографии профессора Г. В. Мальцева «Нравственные основания права», вобравшей в себя ключевые положения, раскрывающие суть его теоретических представлений о нравственных основаниях права.

Теоретические основы. Значение указанной работы известного ученого-правоведа Г. В. Мальцева трудно переоценить. Вместе с тем появившиеся в последние годы объемные публикации по той же проблематике прошли мимо вышеназванной монографии, что в определенной мере обеднило и логически понизило уровень их содержания. В этой связи в данной статье акцентировано внимание исследователей проблем права и правосознания, а также правового мышления в их имманентной взаимосвязи с моралью, религией и иными социальными нормативно-регулятивными системами, на необходимость осмыслиения тех идей, которые обоснованы в работе Г. В. Мальцева. Полагаем, что это будет способствовать появлению качественных публикаций и выработке оригинальных подходов в развитии этой важной сферы социальной жизни.

Результаты и выводы. Отмечено, что учение Г. В. Мальцева о нравственных основаниях права занимает одно из центральных мест в числе ряда его трудов, посвященных историческим, культурным и религиозным аспектам становления современного правопонимания как в России, так и в зарубежных странах. Крупное монографическое исследование Г. В. Мальцева, посвященное нравственным основаниям права, является существенным вкладом в понимание права и правосознания в их имманентной взаимосвязи с общественной нравственностью, культурой, моралью и религией. Полагаем, что новые работы по названной проблематике, несомненно, должны учитывать то, что уже достигнуто замечательным отечественным ученым в этой области научного поиска.

Ключевые слова: право, нравственность, мораль, традиции, законодательство, нормативно-регулятивные системы, правосознание, правовые ценности, правовая культура, понимание права, теории происхождения права, свобода личности, правопорядок, толкование права

Для цитирования: Акопов Л. В. Учение Геннадия Васильевича Мальцева о нравственных основаниях права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 4. С. 32–38. EDN IGEPLE

Original article

The doctrine of Gennady Vasilyevich Maltsev on the moral foundations of law

Leonid V. Akopov

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia,
norin.gospravo@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9909-7919>

Abstract

Introduction. In the year of the 90th anniversary of the birth of the remarkable Soviet and Russian thinker, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation Gennady Vasilyevich Maltsev (1935-2013), the author presents a scientific essay on his fundamental monograph "The Moral Foundations of Law". As correctly noted in the abstract to this publication, the degree of transformation of moral, legal and other values is so high that social science has no other way but to return to its conclusions and look for new and better solutions.

Purpose. To conduct an in-depth comparative legal analysis of Professor G. V. Maltsev's fundamental monograph "The Moral Foundations of Law", which includes key provisions that reveal the essence of his theoretical ideas about the moral foundations of law.

Theoretical Basis. The significance of this work by the famous legal scholar G. V. Maltsev cannot be overestimated. At the same time, the voluminous publications on the same subject that have appeared in recent years have passed by the above-mentioned monograph, which to a certain extent impoverished and logically lowered the level of their content. In this regard, this article focuses the attention of researchers of the problems of law and legal awareness, as well as legal thinking in their inherent relationship with morality, religion and other social regulatory systems, on the need to comprehend the ideas that are substantiated in the work of G.V. Maltsev. We believe that this will contribute to the emergence of high-quality publications and the development of original approaches to the development of this important area of social life.

Keywords: law, morality, morality, traditions, legislation, regulatory systems, legal awareness, legal values, legal culture, understanding of law, theory of the origin of law, individual freedom, law and order, interpretation of law

For citation: Akopov L. V. The doctrine of Gennady Vasilyevich Maltsev on the moral foundations of law. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(4):32-38. (In Russ.). EDN IGEPLE

Введение

В год 90-летия со дня рождения замечательного советского и российского мыслителя, члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Геннадия Васильевича Мальцева (1935 – 2013) считаю своим долгом обнародовать давно задуманное научное эссе о его фундаментальной монографии «Нравственные основания права», презентованной автором в свое время [1]. Как верно отмечено в аннотации к этому изданию степень трансформации нравственных, правовых и иных ценностей так высока, что у общественной науки нет иного пути, кроме как, возвращаясь к своим выводам, искать новые лучшие решения. Это подтверждается и тем, что в последние несколько лет российские авторы вновь обратились к этой проблематике, при этом, к сожалению, они почему-то не упоминали в своих публикации фундаментальной монографии Г. В. Мальцева¹. А без учета содержания глубокой разработки в книге Г. В. Мальцева учения о нравственных основаниях права вряд ли можно говорить о системности и полноте освещения данной научной темы. Исходя из этого,

¹ См, например: [2-3].

мы поставили своей целью суммировать по возможности все те аквизиты подлинно логического осмысления Г. В. Мальцевым нравственных скреп, которые имманентно присущи генезису права и правопонимания.

Теоретические основы и результаты исследования

В первой же главе книги Г. В. Мальцева глубоко раскрыта взаимосвязь права и морали в контексте старых и новых проблем. Справедливо критикуя Г. Ф. Шершеневича за неточную трактовку известного тезиса И. Канта, Г.В. Мальцев пишет: «заявлять, что нравственный закон и звездное небо находятся в одной и той же плоскости отношений к человеку явно неудачная попытка поправить Канта.., высшее назначение этики в том и состоит, что она перекидывает мост между величием внешнего мира и внутренним величием человека, соединяет смыслы объективного и субъективного бытия, связывает бытие мира с бытием человека, и далее с бытием его поступков»¹. На основе анализа Гегелевской философии права Г. В. Мальцев сформулировал обобщающий вывод о том, что в своем единстве и взаимовлиянии мораль и право принадлежат к более широкой социальной общности явлений, в качестве которой выступает нравственность; содержание ее по мнению ученого формируется «в результате практического действия всех или почти всех социальных регуляторов - морали, права, религии, политики и т.д.» [1, с. 38–39].

Симптоматично, что в своих размышлениях о взаимосвязи нравственности и права знаменитый российский исследователь М.М. Ковалевский сделал в самом начале XX -го века такой красноречивый вывод, а именно: « Если борьба за существование в конце концов не воспрепятствовала, а может быть даже косвенно содействовала образованию права, то только благодаря тому, что инстинкт самосохранения подсказал участникам этой борьбы необходимость организоваться в группы для более успешного ее ведения...На почве этой солидарности человеческих групп, предшествующих по времени образованию государства, и возникает право, еще ничем не отличающееся от нравственности, и подобно ей, имеющее религиозную окраску» [4, с. 63]. Подвергая уже в наше время критике естественно -правовой подход за смешение права и нравственности (морали и религии), известный ученый В.С. Нерсесянц утверждал, что в контексте юридической аксиологии такое смешение проявляется, в частности, в том, что «проблематика правовой ценности закона (позитивного права) и государства подменяется их нравственной (моральной, религиозной) оценкой и соответствующим требованием того или иного...нравственного (или смешанного нравственно -правового) содержания позитивного права и государственной деятельности» [5, с. 8].

Однако, нравственность в концепции Мальцева охватывает все нормативно - регулятивные системы лишь в строго определенном и практическом аспекте путем формирования системы общественных нравов, « то есть образов действия, типов и установок поведения, привычек, навыков, словом поведенческих стереотипов, которые... настраивают на более или менее единое понимание добра, блага, совести, справедливости, чести, достоинства и т.д.» [1, с. 40]. Характеризуя интегральную роль нравственности, Г.В. Мальцев указывает на то, что один и тот же нравственный факт по своему содержанию может быть связан и с выполнением моральной заповеди, и с исполнением юридического закона, и с реализацией политической директивы или какой-либо социальной традиции, правила, обычаев в одно и то же время [1, с. 41]. Таким образом суть пространного понимания нравственности по Мальцеву заключается в том, что нравственность является интегрирующей сферой для палитры нормативно -регулятивных систем и соответствующих институтов, мораль и право находят в ней свою общую и прочную основу, при этом они вовсе не отождествляются и не утрачивают присущей им специфики. Отсюда выводы о том, что «право не может выступать в качестве регулятора, лишенного нравственного значения» и о том, что «право относится к нравственности, принадлежит к миру нравственных явлений и лишь с учетом ценностей и задач этой сферы можно установить его самостоятельность и специфику, подчеркиваемые относительно другого или других нравственных феноменов общества» [1, с. 47]. Этим выводам вполне корреспондируют тезисы В.И Шепелева, который подчеркивает универсальный характер нормативных нравственных регуляторов, проявляющих себя

¹ Здесь и далее цитаты приводятся по: [1, с. 10–11].

во всех ведущих сферах общественной и частной жизни, «включая области правовой регламентации» [6, с. 123–124].

Подвергнув критическому обзору «Чистое учение о праве» Г. Кельзена, Г.В. Мальцев обосновано утверждает, что «позитивистское разделение права и морали последовательно выдерживается до тех пор, пока позитивист наотрез отказывается иметь дело с ценностями и ценностным сознанием» [1, с. 71]. Оценивая концепции англо-американского юридического позитивизма (Харт Х.Л.А., Дворкин Р. и другие), Мальцев считает их выстроеными на отличающейся от европейских правовых систем модели права, спецификой которой выступает признание дуализма права и морали [1, с. 71–78].

«Подлинные цели социального регулирования, – по убеждению Г.В. Мальцева, – могут быть достигнуты лишь при скоординированном развитии систем моральных и правовых норм в едином направлении, которое определяется ценностями общества. Странно, – пишет он далее, – что эту очевидную закономерность соционормативной сферы не замечают многие современные политические деятели и законодатели, полагающие, что ослабление моральных регуляторов не такая уж большая беда, что упадок морали может быть компенсирован за счет активизации средств правового регулирования, массового принятия законов. Без морально-ценостной поддержки либо объективно действующий против морали закон ничего не исправляет, сам становится деструктивным фактором в обществе» [1, с. 89]. Весьма примечательно в этом смысле то, что подчеркивал видный представитель русской религиозной философии С.Л. Франк, а именно: «Истинным базисом внешних законодательных реформ, социальных и политических, служит сфера свободно, непроизвольно слагающихся нравов, нравственных привычек и понятий; это есть сфера как бы промежуточная между областью принудительного закона и областью свободного нравственного действия любви в человеческом сердце... Само право держится свободными нравственными силами. И, наконец, неукоснительная строгость закона, необходимая для внешнего обуздания злой воли, но всегда тяжкая для человека и, в силу абстрактной общности закона, в частных случаях несправедливая и ненужно жестокая, может и должна смягчаться и тем самым достигать своей подлинной цели, только если исполнительная и судебная власть, применяющая закон, и общественное мнение, следящее за его применением, сами руководимы конкретным нравственным тактом, чутьем к конкретной правде, т.е. в конечном итоге если применение закона само пронизано и смягчено человечностью, т.е. любовью... Не нужно забывать, что нравственная воля должна стремиться совершенствовать жизнь..., что христианин морально обязан заботиться и о законодательной реформе порядков жизни в духе их приближения к христианской правде» [7, с. 349–350].

Концепция Г.В. Мальцева предполагает необходимость рассмотрения происхождения и развития нормативно-регулятивных систем религии, морали и права в качестве единого, более или менее синхронизированного исторического процесса [1, с. 95–97]. Как верно отмечал А.И. Титаренко: «Не только первобытное мышление характеризуется синкретическим, нерасчлененным характером, но и сознание людей рабовладельческого и, вероятно, даже феодального общества. Труд, обычай, мораль, искусство, мир, культ, правопорядок, слово, дело – все это было не столь резко отделено друг от друга, как в более поздних общественных устройствах. Ритуализация поведения сливалась мораль с регулирующей силой обычая, культа, мифа и т.п.» [8, с. 174]. Исходя из анализа структуры нравственного сознания по А.И. Титаренко и логики исследования Г.В. Мальцева вполне можно сделать вывод об имманентной включенности правосознания в структуру нравственного сознания в широком ее понимании. В этом контексте интересное мнение высказал Г.С. Працко, а именно: «Учитывая то обстоятельство, что нравственность всегда рассматривается критерием оценки права, очевидно значение категории справедливости и для этой сферы... Можно сказать, что нравственность должна рассматриваться в качестве максимума справедливости в праве, а право – в качестве минимума нравственной справедливости» [9, с. 356]. Добавим лишь, что в данном контексте следует принять во внимание и тезис известного ученого Н.Н. Алексеева о том, что «в нормальной и здоровой правовой системе внешнему статусу справедливости должен соответствовать внутренний статус добродетели.., что ошибочно

называть его минимумом нравственности. Внутренняя справедливость есть самостоятельная стихия, представляющая совокупность своих особых отношений и связей».¹

Особое внимание привлекает глава III монографии Г.В. Мальцева под названием «Право между моралью и имморализмом». Отмечая, что в области социального регулирования человеческого поведения мораль и право занимают в принципе совпадающие ценностные позиции, Г.В. Мальцев в то же время подчеркивает: «Возникала ситуация, когда некоторые нравственно порицаемые формы экономической деятельности являются юридически возможными, дозволенными. Среди них такие откровенные способы «добычи денег из людей» как искусственно поддержание высоких рыночных цен, произвольное повышение тарифов на оплату различного рода услуг при том же или даже снижающемся уровне обслуживания, хитроумные приемы перекладывания фирменных расходов на потребителей, клиентов и т.д. О моральной уязвимости ряда исходных принципов банковской, страховой, рекламной деятельности многое известно, тем не менее право признает эти принципы либо, по крайней мере, молчаливо с ними соглашается» [1, с. 296]. В этом контексте не представляется возможным согласиться с вынесенным на защиту положением докторской диссертации Ф.Х. Галипова о том, что якобы им «установлено, что в современном мире сложно найти юридическую норму, которая бы противоречила требованиям иных нормативных регуляторов общественных отношений, функционирующих в обществе в виде норм морали, религии, этики и т.д.».²

Более объективна и далека от самомнения наглядно подтвержденная нынешними реалиями позиция Г.В. Мальцева в этом вопросе, когда он прямо пишет: «Расхождение между государственной властью и группами граждан на почве политической морали наиболее часто возникают сегодня в социальной области. В современной политической практике многих государств, включая Россию, нередкими являются факты, когда государственные мероприятия и реформы, обещавшие людям процветание, значительно ухудшают их материальное положение, когда президенты и правительства не выполняют взятые на себя обязательства перед народом, которому не говорят всей правды о положении в стране и государственных делах, а политическая верхушка общества, состоящая из самозванцев и случайных людей, самоуверенно решает вопросы, которые относятся к ведению только самого народа» [1, с. 313].

Уместно здесь привести пророческие слова Бенедикта Спинозы, написанные без малого триста пятьдесят лет тому назад, о том, что конечная цель государства не в том, «чтобы господствовать и держать людей в страхе, подчиняя их власти другого, но, наоборот, в том, чтобы каждого освободить от страха, дабы он жил в безопасности, насколько это возможно, т.е. дабы он наилучшим образом удерживал свое естественное право на существование и деятельность без вреда себе и другому»³. И далее выдающийся философ резюмировал: «Цель государства, говорю, не в том, чтобы превращать людей из разумных существ в животных или автоматы, но, напротив, в том, чтобы их душа и тело отправляли свои функции, не подвергаясь опасности, а сами они пользовались свободным разумом и чтобы они не соперничали друг перед другом в ненависти, гневе или хитрости и не относились враждебно друг к другу. Следовательно, цель государства в действительности есть свобода» [12, с. 392].

К сожалению, мы по-прежнему далеки от воплощения мудрого совета классика, что и подтвердил в своей обстоятельной монографии Г.В. Мальцев, констатировав, что: «На самом деле социальные проекты искоренения форм агрессивного поведения путем раскрепощения сексуальности оказались чистейшим вымыслом, а либерализация половых нравов и отмена многих юридических запретов... никак не повлияли на очевидный процесс дальнейшего безостановочного роста насилия в мире: войны не прекратились, а стали более частыми и жестокими, преступность повсеместно увеличивается, приобретая невиданные масштабы, растет число убийств, изнасилований, грабежей, процветают рабство и торговля людьми, еще недавно считавшиеся изжитыми» [1, с. 351]. В этой связи крайне важно по мнению Г.В. Мальцева, чтобы мораль и право вновь воссоединились и поддерживали друг друга в борьбе за укрепление нравственных основ общественной жизни [1, с. 405].

¹ Воспроизведится по: [10, с. 128].

² Воспроизведится по: [11, с. 12].

³ Воспроизведится по: [12, с. 392].

Выводы и рекомендации

Подытоживая свое обстоятельное исследование, Г.В. Мальцев говорит о цивилизационной схеме, «в основе которой лежит мысль о реальном и потенциальном единстве религии, морали и права в рамках определенного типа культуры» [1, с. 525], который он, по нашему мнению, отождествляет с нравственностью общества в ее широком понимании. По мнению Г.В. Мальцева, вызревает общее убеждение в том, что путь к обновлению права лежит через религиозное возрождение и совершенствование нравственных оснований общества. «Проблема в том, – пишет Г.В. Мальцев, – чтобы теоретически обосновать систему практических мер, направленных на повышение уровня духовности права, погрязшего ныне в pragmatizme и торгаществе» [1, с. 536]. Таким образом, на наш взгляд, речь идет об осознании и действенном воплощении в общественной жизни аксиологической квинтэссенции права, вобравшей в себя и духовные и нормативные достижения человеческой культуры¹. Мы в этом контексте вполне разделяем вывод Г.В. Мальцева о том, что следует стремиться к сакрализации права, постоянно актуализировать его требования, всемерно сближая их с христианскими ценностями, предполагающими «умеренные жизненные претензии человека, идеалы братства и любви, свободу, преобладание духовного, а не материального начала в личной и общественной жизни» [1, с. 540]. «Право должно выступать, – как справедливо утверждает Г.В. Мальцев, – в ореоле священных понятий Истины, Добра, Справедливости, стать предметом знания и веры. В тесном единстве с религией и моралью право может не только успешно регулировать практику человеческих дел, но и придавать высший ценностный смысл этим делам, помочь человеку занять свое настояще место в мире и обществе» [1, с. 541].

Убеждены в том, что крупное монографическое исследование Г.В. Мальцева, посвященное нравственным основаниям права, является существенным вкладом в понимание права и правосознания в их имманентной взаимосвязи с общественной нравственностью, культурой, моралью и религией. Полагаем, что новые работы по названной проблематике, несомненно, должны учитывать то, что уже достигнуто замечательным отечественным ученым в этой области научного поиска.

Список источников

1. Мальцев Г. В. Нравственные основания права. М.: Изд-во СГУ, 2008. – 552 с.
2. Антонов В. Ф. Нравственные основания правового регулирования. Монография. М.: ООО «Проспект», 2024. 160 с.
3. Головкин Р. Б., Кужеков А. Ю., Третьякова О. Д. Нравственные основы правового регулирования: учебное пособие. Электронное издание. Эл. каталог D Space Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых. Владимир, 2022. 219 с.
4. Ковалевский М. Социология и конкретные науки об обществе. Исторический очерк развития социологии. С.-Петербург (СПб): Типография М.М. Стасюлевича, 1916.
5. Политико-правовые ценности: история и современность. Под ред. В. С. Нерсесянца. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 256 с.
6. Шепелев В. И. Право и нормы общественного поведения (взаимодействие в условиях формирования гражданского общества). Ростовский институт защиты предпринимателя. Ростов н/Д: Изд-во Академ-Лит, 2009. 200 с.
7. Франк С. С нами Бог. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. 380 с.
8. Титаренко А. И. Структуры нравственного сознания (Опыт этико-философского исследования). М.: «Мысль», 1974. 278 с.
9. Працко Г. С. Философия права: учебник. М.: РИОР, 2021. 424 с.
10. Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб.: Издательство «Лань», 1999. 256 с.
11. Галиев Ф. Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук по специальности 12.00.01. М., 2014. 55 с.

¹ Подробнее об этом: [13].

Problems of the Theory and History of Law and State

Akopov L. V. The doctrine of Gennady Vasilyevich Maltsev on the moral foundations of law

12. Спиноза Б. Богословско-политический трактат / Пер. с латинского М. Лопаткина. Мн (Минск): Литература, 1998. 528 с.

13. Акопов Л. В. Аксиологическая квинтэссенция права. Ростов н/Д: ООО «ДГТУ-Принт», 2022. 124 с.

References

1. Maltsev G. V. *The moral foundations of law*. Moscow: SSU Publishing House; 2008. 552 p. (In Russ.)
2. Antonov V. F. *The moral foundations of legal regulation*. Monograph. Moscow: OOO "Prospect"; 2024. 160 p. (In Russ.)
3. Golovkin R. B., Kuzhekov A. Yu., Tretyakova O. D. *The moral foundations of legal regulation: a textbook*. Electronic edition. Electronic catalog D Space of Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov. Vladimir, 2022. 219 p. (In Russ.)
4. Kovalevsky M. *Sociology and specific sciences of society. A historical sketch of the development of sociology*. – St. Petersburg (St. Petersburg): M.M. Stasyulevich Printing House; 1916. (In Russ.)
5. *Political and legal values: history and modernity*. Edited by V. S. Nersesyants. Moscow: Editorial URSS; 2000. 256 p. (In Russ.)
6. Shepelev V. I. *Law and norms of public behavior (interaction in the context of the formation of civil society)*. Rostov Institute of Entrepreneur Protection. Rostov-on-Don: Publishing house of Akadem-Lit; 2009. 200 p. (In Russ.)
7. Frank S. *God is with us*. Moscow: AST: AST MOSCOW: GUARDIAN, 2007. 380 p. (In Russ.)
8. Titarenko A. I. *Structures of moral consciousness (Experience of ethical and philosophical research)*. Moscow: Mysl; 1974. 278 p. (In Russ.)
9. Pratsko G. S. *Philosophy of Law*: textbook. Moscow: RIOR; 2021. 424 p. (In Russ.)
10. Alekseev N. N. *Fundamentals of the philosophy of law*. St. Petersburg: Lan Publishing House; 1999. 256 p. (In Russ.)
11. Galiev F. H. *Syncretism of the legal culture of modern Russia: theoretical, methodological, historical and applied research*. Abstract of the dissertation of the Doctor of Law. Moscow; 2014. 55 p. (In Russ.)
12. Spinoza B. A *Theological and political treatise*. Translated from Latin by M. Lopatkin. Mn (Minsk): Literature; 1998. 528 p. (In Russ.)
13. Akopov L. V. *The axiological quintessence of law*. Rostov-on-Don: DSTU-Print LLC; 2022. 124 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Л. В. Акопов – доктор юридических наук, профессор кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины», ДГТУ.

Information about the author

L. V. Akopov – Dr. Sci. (Law), Professor of the Department «Criminal law and public-legal disciplines», Don State Technical University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 23.10.2025; одобрена после рецензирования 26.11.2025; принята к публикации 27.11.2025.

The article was submitted 23.10.2025; approved after reviewing 26.11.2025; accepted for publication 27.11.2025.

ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА

Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 4. С. 39–46
North Caucasus Legal Vestnik. 2025;(4):39–46

Научная статья
УДК 342
EDN HBBYMF

Конституционная культура правосудия: сочетание нормоконтрольных и правотворческих аспектов

Эмиль Эдуардович Баринов

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия,
emil.barinov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9056-4878>

Аннотация

Введение. Доктринальное понимание феномена конституционной культуры правосудия требует обращения к судебной деятельности как к одному из ее источников и, одновременно, сфере реализации. В этой связи особое значение приобретает рассмотрение вопроса об особенностях юридической природы правовых позиций высших судов, в частности Конституционного Суда РФ, как особых источников правоприменения, а также уяснение места и роли судебной практики в современной правовой системе России.

Цель. Раскрытие содержательных и функциональных характеристик конституционной культуры правосудия, определение ее значения для укрепления конституционной стабильности, поддержания общественного доверия к суду и формирования ценностных ориентиров деятельности судебной власти в Российской Федерации, а также анализ деятельности Конституционного Суда РФ, правовые позиции которого выступают ключевыми средствами формирования и развития конституционной культуры правосудия.

Методы. Использовались системный, формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой и аксиологический методы. Их применение позволило рассмотреть конституционную культуру правосудия как многомерное явление, объединяющее правовые и ценностные аспекты функционирования судебной власти. Использование комплексного и междисциплинарного подхода обеспечило возможность анализа данного феномена не только с юридической, но и с социологической и культурологической точек зрения.

Результаты. Проведенное исследование показало, что конституционная культура правосудия представляет собой ключевой элемент современной правовой системы, обеспечивающий связь между нормами Конституции и их практической реализацией. Установлено, что посредством конституционного правосудия формируются устойчивые ценностные ориентиры судебной практики, выражющиеся в обеспечении принципов справедливости и равенства. Тем самым конституционная культура правосудия выступает инструментом укрепления общественного доверия к судебной власти и фактором конституционной стабильности государства.

Выводы. Конституционная культура правосудия – это совокупность правовых, институциональных и ценностных установок, определяющих характер и специфику судебной власти и судебной деятельности в государстве. Ключевое значение для характеристики конституционной культуры правосудия имеет вопрос о ее источниках, среди которых отдельное место принадлежит высшим органам судебной власти. Относительно самостоятельной проблемой в этой связи выступает уяснение юридической природы такого нетипичного источника правоприменения, как конституционная судебная практика.

Особое значение решений Конституционного Суда РФ, имеющих доктринальную природу, заключается в их влиянии на правовое оформление ценностных культурологических ориентиров законодательной и правоприменительной деятельности. Правовые позиции Конституционного Суда, представленные на уровне конституционно-судебного толкования, рекомендаций законодателю и конституционных разъяснений, требуют самостоятельного рассмотрения с точки зрения оценки их воздействия на конституционную культуру. Юридическая природа решений Конституционного Суда РФ как особых источников правоприменения характеризуется сочетанием нормо-контрольных и правотворческих аспектов. Сложившаяся практика обращений в Конституционный Суд РФ предопределила значительное преобладание в его деятельности элементов конкретного нежели абстрактного нормоконтроля, что актуализирует использование социологических подходов к пониманию специфики конституционного судопроизводства.

Ключевые слова: законность, конституционная культура правосудия, конституционный контроль, Конституционный Суд РФ, Конституция РФ, правосудие, равенство, справедливость, судебная власть, судебная деятельность, судебная практика

Для цитирования: Баринов Э. Э. Конституционная культура правосудия: сочетание нормоконтрольных и правотворческих аспектов // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 4. С. 39–46. EDN HBBYMF

Original article

Constitutional culture of justice: balancing judicial review and law-making dimensions

Emil E. Barinov

Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia,
emil.barinov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9056-4878>

Abstract

Introduction. The doctrinal understanding of the phenomenon of the constitutional culture of justice requires referring to judicial activity as one of its sources and, at the same time, the sphere of implementation. In this regard, it is of particular importance to consider the specifics of the legal nature of the legal positions of the supreme courts, in particular the Constitutional Court of the Russian Federation, as special sources of law enforcement, as well as to clarify the place and role of judicial practice in the modern legal system of Russia.

Purpose. The disclosure of the substantive and functional characteristics of the constitutional culture of justice, the definition of its importance for strengthening constitutional stability, maintaining public confidence in the court and forming value orientations for the activities of the judiciary in the Russian Federation, as well as an analysis of the activities of the Constitutional Court of the Russian Federation, whose legal positions are key means of forming and developing the constitutional culture of justice.

Methods. Systematic, formal-legal, historical-legal, comparative-legal and axiological methods were used. Their application made it possible to consider the constitutional culture of justice as a multidimensional phenomenon combining the legal and value aspects of the functioning of the judiciary. The use of an integrated and interdisciplinary approach made it possible to analyze this phenomenon not only from a legal, but also from a sociological and cultural point of view.

Results. The conducted research has shown that the constitutional culture of justice is a key element of the modern legal system, providing a link between the norms of the Constitution and their practical implementation. It is established that through constitutional justice, stable value orientations of judicial practice are formed, expressed in ensuring the principles of justice and equality. Thus, the constitutional culture of justice acts as a tool for strengthening public confidence in the judiciary and a factor in the constitutional stability of the state.

Conclusions. The constitutional culture of justice is a set of legal, institutional and value attitudes that determine the nature and specifics of judicial power and judicial activity in the state. The key to characterizing the constitutional culture of justice is the question of its sources, among which a special place belongs to the highest judicial authorities. A relatively independent problem in this regard is the clarification of the legal nature of such an atypical source of law enforcement as constitutional judicial practice.

The special significance of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, which are of a doctrinal nature, lies in their influence on the legal formulation of cultural value orientations of legislative and law enforcement activities. The legal positions of the Constitutional Court, presented at the level of constitutional and judicial interpretation, recommendations to the legislator and constitutional explanations, require independent consideration in terms of assessing their impact on constitutional culture. The legal nature of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation as special sources of law enforcement is characterized by a combination of regulatory and law-making aspects. The established practice of appeals to the Constitutional Court of the Russian Federation has predetermined the significant predominance of elements of concrete rather than abstract rule control in its activities, which actualizes the use of sociological approaches to understanding the specifics of constitutional legal proceedings.

Keywords: legality, constitutional culture of justice, constitutional review, Constitutional Court of the Russian Federation, Constitution of the Russian Federation, justice, equality, fairness, judicial authority, judicial activity, judicial practice

For citation: Barinov E. E. Constitutional culture of justice: balancing judicial review and law-making dimensions. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(4):39–46. (In Russ.). EDN HBBYMF

Введение

Традиционно сложившееся понимание категории «правосудие» в отечественной Конституции и национальном законодательстве связывается с поиском истины и восстановлением справедливости в ситуациях возможного нарушения прав и свобод личности либо при разрешении споров между субъектами права. При этом законодатель сознательно отходит от такой, характерной для советского периода, цели правосудия как обеспечение законности, стремясь наполнить его содержание более высоким нравственным смыслом. В любых возможных вариациях вопрос о справедливости правосудия в России выступает как один из базовых по отношению к деятельности органов судебной власти и, следовательно, напрямую отражает уровень конституционной культуры правосудия, в которой справедливость понимается не только как правовая, но и как моральная категория. Напомним, что «справедливость» была провозглашена одной из традиционных ценностей российского государства (Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809). Это придает особый вес проблеме развития конституционной культуры правосудия в условиях сложной современной геополитической ситуации и необходимости отстаивания Россией своего государственного суверенитета.

Следует отметить, что проблема справедливого правосудия нередко рассматривается как часть более широкой – проблемы реализации идеи социального государства (в ее конституционно-правовом смысле) и идеи социальной справедливости. Таким образом, формирование конституционной культуры правосудия становится важнейшим элементом укрепления доверия к судебной системе и воплощения в жизнь принципа социального государства. Тот факт, что законодатель столь часто использует категории «правосудие» и «осуществление правосудия», свидетельствует о стремлении уйти от нейтрального, лишенного ценностного содержания термина «осуществление судебной власти». Более того, подобная терминология способствует укоренению самой идеи конституционной культуры правосудия, где судебная деятельность мыслится как часть нравственного порядка общества.

Использование категории «правосудие» на уровне законодательных актов имеет и практическое значение: оно позволяет избежать таких явно неудачных формулировок, как «судебная деятельность судебных органов» (ст. 104 Конституции СССР 1936 г.). Стремление придать этическое измерение функционированию судебной власти, связав результат ее деятельности с понятием «высшей справедливости», заслуживает безусловного одобрения. Однако при этом необходимо учитывать, что состояние и развитие конституционной культуры правосудия следует рассматривать также сквозь призму уровня конституционного правосознания общества, профессиональной этики судейского корпуса и способности судебной системы служить основополагающей идеи справедливости как фундаментальной конституционной ценности.

Теоретические основы

Особое место в обеспечении единства судебной практики, преодолении пробелов в праве и развитии конституционной культуры правосудия принадлежит Конституционному Суду Российской Федерации. В основе конституционно-судебной деятельности лежит поиск баланса между порой конфликтующими друг с другом ценностями. При этом речь идет не столько о построении строгой иерархии правовых приоритетов (хотя и это не исключается), сколько о нахождении оптимального способа разрешения конституционно-правового конфликта или противоречия. Такой подход непосредственно способствует укреплению конституционной культуры правосудия, основанной на уважении к балансу прав, принципу соразмерности и идеи верховенства Конституции.

Существенная роль в обеспечении конституционной стабильности принадлежит институту конституционного контроля, который в отечественной правовой науке традиционно рассматривается не только как форма защиты и охраны Конституции Российской Федерации, но и как ключевой механизм поддержания конституционной безопасности. В то же время судебный конституционный контроль, осуществляемый Конституционным Судом РФ, выступает важнейшим инструментом реализации конституционной культуры правосудия, поскольку именно через него обеспечивается воплощение в практику высших правовых и этических ориентиров Конституции.

Современную систему российского конституционного строя невозможно представить вне механизма конституционного правосудия: именно на основе решений Конституционного Суда формируются системообразующие направления дальнейшего развития государственной правовой политики. Неслучайно его правовые позиции в научной литературе рассматриваются не только как «квазистратегии права» [1, с. 9–16], но и как «нетипичные правоприменительные источники метаправового уровня» [2, с. 5–27]. Эти правовые позиции не просто уточняют смысл конституционных норм, но и формируют ценностные основания конституционной культуры правосудия, обеспечивая единство правопонимания и правоприменения.

Осмысление юридической природы данных правовых позиций стало самостоятельным направлением отечественных исследований. При этом, независимо от существующих методологических и аксиологических споров относительно их правовой природы, в практике преподавания конституционного права студентам уже утвердилось восприятие правовых позиций Конституционного Суда РФ как полноправных источников российского права (в широком смысле данного понятия) и как важного элемента формирования конституционной культуры правосудия в современном государстве.

Результаты и обсуждение

Подходы к систематизации функций Конституционного Суда РФ сформировались в отечественной юридической науке достаточно давно и уже приобрели устойчивый характер. Традиционно выделяются различные формы конституционного контроля – абстрактный и конкретный, предварительный и последующий, формальный и материальный. При этом в российской практике преобладает именно последующий, конкретный и материальный контроль, в рамках которого реализуются ключевые элементы конституционной культуры правосудия, основанные на верховенстве Конституции и защите прав личности. Такой контроль осуществляется как по запросам судов, так и по жалобам граждан, однако статистически основная часть обращений поступает именно от граждан. Следует отметить, что институт обращения в Конституционный Суд претерпел заметные изменения с момента своего формирования, что, в свою очередь, повлияло и на развитие конституционной культуры правосудия, отражая процесс постепенного совершенствования механизмов доступа граждан к правосудию.

В первоначальной редакции Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде РФ» содержалась норма, согласно которой Суд мог проверять конституционность закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан (п. 3 ст. 3). Аналогичные положения присутствовали и в действовавшей тогда редакции Конституции РФ. Однако в 2010 г. возможности граждан

по обращению в Конституционный Суд РФ были существенно ограничены (Федеральный конституционный закон от 03.11.2010 № 7-ФКЗ). С этого момента обращение стало допустимым лишь после вынесения судебного решения в отношении заявителя по конкретному делу. Это изменение, в свое время вызвало значительный резонанс, в контексте соблюдения принципа доступности правосудия.

Конституционная реформа 2020 года внесла дальнейшие изменения: полномочия Конституционного Суда РФ, связанные с рассмотрением запросов судов и жалоб граждан, были разграничены уже на уровне текста Конституции. Одновременно специальный закон уточнил условия подачи жалоб – теперь гражданин может обратиться в Конституционный Суд РФ только после использования всех доступных средств внутригосударственной защиты (Федеральный конституционный закон от 09.11.2020 № 5-ФКЗ). В то же время обновленный закон предусмотрел исключение из данного правила: Конституционный Суд РФ вправе признать внутригосударственные средства судебной защиты исчерпанными, даже если формальные условия не выполнены, в случае если «иное применение оспариваемого нормативного акта, чем имевшее место в конкретном деле, не предполагается» (ст. 97).

Таким образом, институт обращения граждан в Конституционный Суд РФ дошел до наших дней в более ограниченной, по сравнению с изначальной, форме, хотя именно жалобы граждан по-прежнему составляют основную часть поводов для возбуждения конституционного судопроизводства. Опасения некоторых исследователей о том, что очередное ограничение прав граждан на обращение приведет к фактическому упразднению института конституционного контроля, не подтвердились [3, с. 33–43]. Официальная статистика показывает, что сколько-нибудь заметного сокращения количества рассматриваемых жалоб не произошло. Вместе с тем практика, при которой граждане самостоятельно оценивают достаточность использования внутригосударственных средств защиты, остается спорной и продолжает вызывать дискуссии относительно баланса между доступностью правосудия и требованиями процессуальной дисциплины – одних из ключевых категорий конституционной культуры правосудия.

Напомним, что конституционные поправки 2020 года значительно расширили компетенцию как Конституционного Суда РФ, так и Президента РФ, наделив их дополнительными полномочиями, в том числе в области предварительного конституционного контроля. Первоначальный замысел реформы предусматривал применение этого механизма исключительно к федеральным конституционным и федеральным законам. Однако стремление законодателя повысить легитимность конституционных поправок и придать процессу их принятия более сложную и одновременно прозрачную структуру – включающую, в том числе, обращение в Конституционный Суд РФ с запросом о соответствии поправок Конституции – привело к тому, что аналогичный порядок был установлен и для Закона о поправке к Конституции РФ. Эти изменения заложили еще одну институциональную основу конституционной культуры правосудия, в которой судебный контроль выступает инструментом укрепления доверия к публично-властным институтам.

Следует отметить, что технические аспекты конституционной реформы 2020 года, включая использованный механизм предварительного конституционного контроля (часть исследователей не считает состоявшуюся процедуру обращения в Конституционный Суд РФ предварительным конституционным контролем в его классическом понимании), до сих пор остаются предметом активных научных дискуссий. В юридической литературе подчеркивается проблемность ситуации, при которой уже вступившая в силу часть закона предоставляет Конституциальному Суду РФ полномочие проверять конституционность другой, еще не вступившей в силу части того же самого закона. Подобная конструкция воспринимается как отклонение от классических представлений о действии нормативных актов и как противоречие принципу правовой определенности [4, с. 48–59].

Институт внешнего и внутреннего предварительного контроля, осуществляемого в процессе законодательной деятельности, имеет в России достаточно долгую, но неоднозначную историю [5, с. 11–19]. Напомним также, что Конституционный Суд РФ на протяжении длительного времени последовательно воздерживался от включения в свою деятельность элементов предварительного конституционного контроля. Доходило до того, что Конституционный Суд

отказывал в рассмотрении обращений, если соответствующий законопроект находился на стадии обсуждения или рассмотрения в Государственной Думе. Вместе с тем из этого общего правила существовали исключения – например, в деле о возможности сокращения срока полномочий Государственной Думы в связи с переносом дня голосования (Постановление Конституционного Суда РФ от 1 июля 2015 г. № 18-П). Подобные решения демонстрируют способность Конституционного Суда гибко интерпретировать границы своих полномочий, что также является проявлением конституционной культуры правосудия.

Надо сказать, что ряд исследователей рассматривают отказ Конституционного Суда от проведения конкретного нормоконтроля в указанной ситуации, особенно по жалобам граждан, как спорное решение. В обоснование этой позиции приводятся следующие аргументы: установить прямую связь между жалобой и законопроектом, находящимся в рассмотрении, возможно лишь при наличии прямого упоминания о нем в тексте обращения; Конституционный Суд не располагает достоверными сведениями о сроках рассмотрения законопроекта и о вероятности его принятия, что делает момент восстановления нарушенного права неопределенным; в условиях постоянных изменений законодательства практически всегда может существовать проект закона, частично совпадающий по предмету с жалобой, а ожидание его принятия вступает в противоречие с установленным годичным сроком допустимости обращений [6, с. 164–183].

Следует подчеркнуть, что даже после закрепления за Конституционным Судом РФ специальных полномочий в сфере предварительного нормоконтроля, последний продолжил отстаивать свою прежнюю позицию, согласно которой смешение толкования Конституции РФ и предварительного контроля нормативных актов недопустимо. Этот подход последовательно отражен и в подготовленной к 30-летию Конституционного Суда Информации «Методологические аспекты конституционного контроля», где отмечается, что в ряде случаев запрос о толковании Конституции фактически превращается в попытку получить предварительную оценку конституционности отдельных положений законопроекта. При этом было особо подчеркнуто, что толкование Конституции не должно подменять собой иные формы конституционного судопроизводства – позиция, органично вытекающая из принципов конституционной культуры правосудия, предполагающей строгое соблюдение пределов судебной компетенции.

Напомним, что Конституционный Суд РФ в своей практике нередко фактически преодолевает правовые пробелы и противоречия (хотя формально подобные полномочия за ним не закреплены), а также формирует обязательное и единственно возможное толкование правовых норм. Возникает закономерный вопрос: допустимо ли, чтобы Конституционный Суд выполнял аналогичные функции и на стадии предварительного нормоконтроля, если в этом будет усмотрена очевидная практическая необходимость? Так, Закон Российской Федерации о поправке к Конституции от 14 марта 2020 года впервые закрепил в тексте Конституции РФ понятие «государствообразующий народ» (ст. 68 Конституции РФ). Часть научного сообщества расценила это как конституционное признание категории «русский народ», в то время как другие исследователи настаивали: в тексте Конституции говорится не о «русском народе» как таковом, а о «государствообразующем» народе без уточнения его этнической принадлежности. Тем не менее Конституционный Суд, осуществляя проверку данного закона о поправке, в своем заключении использовал термин «русский народ» (Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3). Учитывая принцип обязательности официального толкования, данного Конституционным Судом, можно утверждать, что в результате разъяснения, данного им в ходе предварительного контроля, на уровне конституционного текста фактически был не только легализован термин «русский народ», но и закреплен его статус как «государствообразующего».

В целом же, по прошествии значительного времени с момента конституционной реформы 2020 г., можно констатировать, что институт предварительного конституционного контроля на сегодняшний день не имеет в России сколько-нибудь внятных перспектив своего применения.

Заключение

Конституционная культура правосудия – это не только совокупность правовых, институциональных и ценностных установок, определяющих специфику организации и осуществления судебной власти. Она выражает степень зрелости правовой системы, в которой справедливость и равенство не сводятся к формальным категориям, а становятся внутренним ориентиром

не только судебной и всей публично-правовой деятельности. Фундаментом конституционной культуры правосудия выступает признание того, что справедливость и равенство могут быть реализованы лишь через единство и последовательность судебной практики. В этом смысле конституционная культура правосудия не только задает стандарты поведения судебной власти, но и служит мерой доверия к публичной власти в целом, определяя качество ее диалога с обществом. По своей сути она соединяет нормативное и ценностное измерения правосудия: опираясь на конституционные принципы, обеспечивает соотнесение судебной деятельности с нравственными основаниями государственной и общественной жизни. Именно поэтому развитие конституционной культуры правосудия становится одним из ключевых условий укрепления легитимности судебной системы и поддержания баланса между интересами власти и гражданина.

Сочетание нормоконтрольных и правообразующих аспектов в деятельности Конституционного Суда РФ характеризует двуединую природу его полномочий в сфере реализации конституционной культуры правосудия. Вопрос о конституционной судебной практике как источнике конституционной культуры правосудия предполагает оценку ее ценностного и нормативного потенциала в формировании устойчивых ориентиров правового развития, а также выявление места судебных решений и иных актов органов судебной власти в системе источников правоприменения. Исследование юридической природы правовых позиций Конституционного Суда РФ с использованием междисциплинарного подхода представляется одним из важнейших направлений в юридической науке.

Анализ практики Конституционного Суда РФ также наглядно демонстрирует значительное преобладание в его деятельности элементов конкретного, нежели абстрактного нормоконтроля, что подтверждает актуальность использования деятельностных и социологических подходов к пониманию конституционной культуры правосудия. В свою очередь, новые полномочия Конституционного Суда по предварительному нормоконтролю (появившиеся по итогам конституционной реформы 2020 г.), сделавшие его фактическим участником законотворческого процесса, принципиальным образом не изменили природу его деятельности. Вместе с тем сама идея судебного конституционного контроля органично вписывается в логику конституционной культуры правосудия, отражающей активную роль Конституционного Суда РФ в формировании ценностных ориентиров развития отечественной правовой системы.

Список источников

1. Полищук Н.И. Квазисторонники права и их роль в нормотворческой деятельности государства // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2019. № 16. С. 9–16.
2. Бондарь Н.С. Нетипичные источники судебного правоприменения: конституционные механизмы формирования и реализации // Журнал российского права. 2024. № 2. С. 5–27.
3. Жуйков В., Воскобитова Л., Ярков В. и др. Конституционные поправки и независимость суда // Закон. 2020. № 2. С. 33–43.
4. Шустров Д.Г. Полномочия Конституционного Суда РФ по предварительному конституциальному контролю за поправками к Конституции РФ: конституционные и законодательные новеллы // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 8. С. 48–59.
5. Баринов Э.Э. Перспективы применения предварительного конституционного контроля в России // Российская юстиция. 2024. № 3. С. 11–19.
6. Галяева И.С. Институт предварительного конституционного контроля законов в конституционной истории России: есть ли преемственность? // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 1. С. 164–183.

References

1. Polishchuk N.I. Quasi-sources of law and their role in the law-making activity of the state. *Bulletin of the Public Research Laboratory "Interaction between the Penal System and Civil Society Institutions: Historical, Legal, and Theoretical-Methodological Aspects"*. 2019;(16):9–16. (In Russ.)

2. Bondar N.S. Atypical sources of judicial law enforcement: constitutional mechanisms of formation and implementation. *Journal of Russian Law*. 2024;(2):5–27. (In Russ.)
3. Zhiukov V., Voskobitova L., Yarkov V. et al. Constitutional amendments and the independence of the judiciary. *Zakon (Law)*. 2020;(2):33–43. (In Russ.)
4. Shustrov D.G. Powers of the Constitutional Court of the Russian Federation in the preliminary constitutional review of amendments to the Constitution: constitutional and legislative innovations. *Constitutional and Municipal Law*. 2021;(8):48–59. (In Russ.)
5. Barinov E.E. Prospects for applying preliminary constitutional review in Russia. *Russian Justice*. 2024;(3):11–19. (In Russ.)
6. Galyaeva I.S. The institution of preliminary constitutional review of laws in the constitutional history of Russia: is there continuity? *Comparative Constitutional Review*. 2022;(1):164–183. (In Russ.)

Информация об авторе

Э. Э. Баринов – член Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой конституционного и муниципального права, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ).

Information about the author

E. E. Barinov, member of the Higher Qualification Collegium of Judges of the Russian Federation, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law at the Rostov State University of Economics.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 22.10.2025; одобрена после рецензирования 24.11.2025; принята к публикации 25.11.2025.

The article was submitted 22.10.2025; approved after reviewing 24.11.2025; accepted for publication 25.11.2025.

Проблемы и перспективы совершенствования административно-правового регулирования реализации избирательных прав граждан в Российской Федерации

Неман Гиджранович Рагимов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления, Ростов-на-Дону, Россия, Neman.ragimov@yandex.ru

Аннотация

Введение. В статье рассматриваются проблемы и направления совершенствования административно-правового регулирования реализации избирательных прав граждан в Российской Федерации. Актуальность темы обусловлена обеспечением законности, транспарентности и доверия общества к избирательной системе. Автор подчёркивает, что эффективное административно-правовое регулирование выступает системообразующим элементом функционирования демократических институтов и гарантией политического равенства всех граждан. **Цель** исследования заключается в комплексном анализе проблем действующего административно-правового механизма реализации избирательных прав и определении направлений его модернизации в условиях цифровизации выборов и трансформации публичного управления.

Теоретическую основу исследования составили труды С.А. Авакьяна, В.А. Зюзина, А.И. Стравхова, Т.Ю. Фроловой и других исследователей, а также применяются положения Конституции Российской Федерации, федеральных законов в области защиты избирательных прав.

Результаты. В ходе анализа выявлены ключевые деформации правоприменения: сложности с использованием изображений, сформированных искусственным интеллектом; нераспространённость на федеральном уровне сбора подписей через портал «Госуслуги» и другие. Представлена авторская критика существующих норм, аргументирована необходимость совершенствования административно-правового регулирования. Автор выдвигает концептуальные предложения по совершенствованию административно-правового регулирования и повышению открытости избирательных процедур в условиях демократического развития общества.

Выводы. Доказывается, что укрепление гарантий реализации избирательных прав граждан требует комплексной модернизации административно-правовых институтов, усиления судебного контроля и развития правового просвещения всего населения. Реализация предложенных мер обеспечит баланс публичных и частных интересов, устойчивость демократических институтов и повышение доверия общества к выборам.

Ключевые слова: избирательные права граждан, административно-правовое регулирование, выборы, избирательное законодательство, избирательные комиссии, административный ресурс, судебная защита, цифровизация выборов, применение искусственного интеллекта, правовое просвещение

Для цитирования: Рагимов Н. Г. Проблемы и перспективы совершенствования административно-правового регулирования реализации избирательных прав граждан в Российской Федерации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 4. С. 47–55. EDN GFVLLA

Original article

Problems and prospects of improving the administrative and legal regulation of the exercise of citizens' electoral rights in the Russian Federation

Neman G. Ragimov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
South-Russia Institute of Management, Rostov-on-Don, Russia, Neman.ragimov@yandex.ru

Abstract

Introduction. The article discusses the problems and directions of improving the administrative and legal regulation of the exercise of citizens' electoral rights in the Russian Federation. The relevance of the topic is due to ensuring legality, transparency and public confidence in the electoral system. The author emphasizes that effective administrative and legal regulation is a system-forming element of the functioning of democratic institutions and a guarantee of the political equality of all citizens.

The purpose of the study is to comprehensively analyze the problems of the current administrative and legal mechanism for the exercise of electoral rights and to determine the directions for its modernization in the context of digitalization of elections and transformation of public administration.

The theoretical basis of the research is based on the works of S.A. Avakian, V.A. Zyuzin, A.I. Strakhov, T.Yu. Frolova and other researchers, and the provisions of the Constitution of the Russian Federation and federal laws on the protection of electoral rights are applied.

Results. The analysis revealed key deformations of law enforcement: difficulties using AI-generated images; non-proliferation of signature collection at the federal level through the Gosuslugi portal, and others. The author's criticism of the existing norms is presented, and the need to improve administrative and legal regulation is argued. The author puts forward conceptual proposals for improving administrative and legal regulation and increasing the openness of electoral procedures in the context of democratic development of society.

Conclusions. It is proved that strengthening guarantees for the exercise of citizens' electoral rights requires a comprehensive modernization of administrative and legal institutions, strengthening judicial control and developing legal education for the entire population. The implementation of the proposed measures will ensure a balance of public and private interests, the stability of democratic institutions, and increased public confidence in elections.

Keywords: electoral rights of citizens, administrative and legal regulation, elections, electoral legislation, election commissions, administrative resource, judicial protection, digitalization of elections, application of artificial intelligence, legal education

For citation: Ragimov N. G. Problems and prospects of improving the administrative and legal regulation of the exercise of citizens' electoral rights in the Russian Federation. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(4):47–55 (In Russ.). EDN GFVLLA

Введение

Реализация избирательных прав граждан является основополагающим условием построения правового демократического государства и неотъемлемой частью правового статуса личности в Российской Федерации. Право избирать и быть избранным закреплено в статье 32 Конституции РФ¹ и относится к числу конституционных политических прав, обеспечивающих участие граждан в управлении государством. При этом механизмы реализации данных прав не могут быть эффективными без надлежащего административно-правового регулирования, который играет ключевую роль в обеспечении прозрачности, законности и равенства условий избирательного процесса.

¹ «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 4.10.2025)

В условиях стремительных трансформаций избирательной системы – цифровизации процедур голосования, расширения дистанционных форм участия, усложнения технологии избирательных кампаний – обуславливаются проблемой правового характера, связанной с защитой прав участников выборов, законностью действий избирательных комиссий и административных органов, а также с обеспечением эффективного контроля со стороны общества. Неоднородность избирательного законодательства в субъектах Российской Федерации, проблемы правового регулирования дистанционного электронного голосования и низкий уровень правовой грамотности избирателей делают особенно актуальным научное переосмысление действующего административно-правового механизма.

Актуальность избранной темы обусловлена необходимостью повышения эффективности административно-правовых механизмов, обеспечивающих реализацию избирательных прав, в целях укрепления доверия граждан к избирательной системе, соблюдения принципов политического равенства, гласности и правовой определённости. Научная значимость выбранной темы раскрывается в необходимости системного анализа проблем регулирования данной сферы и выработки направлений её совершенствования в контексте административной реформы и развития институтов прямой демократии.

Целью данного исследования является комплексный анализ проблем и перспектив административно-правового регулирования реализации избирательных прав граждан в Российской Федерации.

Методологической основой исследования считаются общенаучные и специальные юридические методы. Исследование направлено на выявление закономерностей и противоречий в регулировании избирательных прав, оценку эффективности существующих механизмов правовой защиты и разработку обоснованных предложений по их совершенствованию с учётом российской правовой специфики, а также зарубежного опыта.

Результаты и обсуждение

Административно-правовое регулирование реализации избирательных прав граждан можно охарактеризовать как совокупность норм и институтов, направленных на обеспечение эффективного, справедливого и правомерного функционирования избирательной системы в условиях публично-властных отношений. Данное регулирование напрямую охватывает не только полномочия государственных органов, ответственных за организацию выборов, но и процедурные гарантии для граждан и кандидатов, механизмы контроля и ответственности, а также порядок рассмотрения жалоб и обращений. В этой связи следует сказать о том, что административное право выполняет одновременно регулятивную, охранительную и процедурную функцию в сфере избирательных отношений. Особую значимость в данной системе имеет нормативная основа, регулирующая порядок реализации избирательных прав. Помимо Конституции Российской Федерации, важнейшее значение имеет Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»¹. Он является базовым рамочным актом, распространяющим своё действие на выборы всех уровней. Закон устанавливает гарантии равенства, гласности, открытости избирательного процесса, определяет статус избирательных комиссий, порядок проведения агитационных мероприятий, процедуры обжалования различных нарушений. К числу источников административно-правового регулирования также относятся иные федеральные законы, регулирующие конкретные виды выборов, законы субъектов Российской Федерации, указы Президента РФ, постановления Правительства, нормативные правовые акты Центральной избирательной комиссии и территориальных комиссий. Следовательно, административное регулирование в этой сфере характеризуется высокой степенью сложности правового анализа и управления на множестве уровней, что требует особого внимания к вопросам согласования, систематизации и единообразного применения норм.

¹ Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12.06.2002 № 67-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/ (дата обращения: 4.10.2025)

Важной особенностью административно-правового регулирования избирательных прав граждан является также их публично-правовой характер. Государство выступает в роли гаранта соблюдения избирательных прав и одновременно – организатором избирательного процесса. Такое двойственное положение требует особой процессуальной прозрачности и организационного нейтралитета, что не всегда достигается на практике. Административные органы, в том числе избирательные комиссии, по своей сути являются носителями публичной власти, что требует от них неукоснительного соблюдения принципов законности, равенства субъектов, недопущения административного давления и избирательного вмешательства. Следует подчеркнуть, что административное регулирование избирательных прав тесно связано с иными отраслями права. Так, гражданское законодательство регулирует порядок финансирования избирательных кампаний, аренды помещений, оформления договоров на агитационные материалы; уголовное и административное право содержат санкции за правонарушения в избирательной сфере; конституционное право создаёт основополагающие принципы защиты прав граждан. Тем не менее, именно административное право обеспечивает повседневную реализацию норм, регулирующих взаимодействие органов власти, кандидатов, избирателей и других участников в сфере избирательных отношений.

В научной литературе подчёркивается, что эффективность административно-правового регулирования в сфере выборов во многом зависит от степени его соразмерности, предсказуемости и справедливости. Как отмечает С. А. Авакян [1, с. 281], без должной административной поддержки любые демократические выборы рисуют стать лишь формальной процедурой, не обеспечивающей подлинной реализации народного суверенитета. В. А. Зюзина указывает на то, что именно чёткая административная регламентация позволяет превратить абстрактные политические права в реальные инструменты участия в государственном управлении [2, с. 105]. В свою очередь, Дудченко О. С., Фролова Т. Ю. справедливо обращают внимание на необходимость постоянного обновления нормативной базы в полном соответствии с социально-политическими изменениями и техническим прогрессом [3, с. 16].

Сфера избирательных правоотношений как понятие достаточно объёмное, в общем, кратко, подразумевает под собой совокупность правоотношений, связанных с организацией и проведением выборов и референдумов в России. Очевидно, что сфера избирательных правоотношений содержательно намного шире, уже исходя из структуры избирательного права, следует различать правоотношения, складывающиеся как в выборный, так и в межвыборный периоды, в ходе реализации избирательного или референдумного процесса, в ходе применения на выборах избирательных систем, в сфере ответственности за нарушение правил избирательного законодательства, отзыва выборных лиц и др.

Организация и проведение выборов (референдума) представляет собой сложный многоэтапный процесс с большим количеством правил, требований и запретов. Все этапы организации и проведения выборов (референдумов), в зависимости от того, затрагиваются ли ими избирательные права и свободы граждан, можно подразделять на организационно-технические (назначение даты выборов, формирование избирательных округов, формирование избирательных участков, комиссий и др.), и организационно-содержательные, к организации деятельности участников на которых предъявляются повышенные требования и внимание законодательства к охране реализуемых на данных стадиях правоотношений взаимоувязанных с избирательными правами граждан (регистрация кандидатов, предвыборная агитация, подсчет голосов и др.) [4, с. 84].

Разнообразие правоотношений, реализуемых в выборных и референдумных процессах, прав и свобод граждан в период их проведения обуславливает существование большого количества классификаций административных правонарушений в данной сфере, рассмотрение которых позволит нам уяснить с конституционных позиций сущность избирательных правоотношений как объекта охраны и защиты в связи с уяснением характеристик посягательств, сформулированных в статьях КоАП РФ, общественной опасности и угроз, исходящих от данных видов административных правонарушений.

Несмотря на развитую систему правового регулирования избирательных прав, в Российской Федерации сохраняется несколько значимых проблем, препятствующих их полноценной

реализации в административно-правовом контексте. Эти проблемы имеют правовой, а также организационно-процедурный характер, порождая ситуации, в которых формально закреплённые в Конституции РФ и федеральном законодательстве права де-факто ограничиваются или нивелируются [5].

Наряду с этим, широко раскрывается проблема ограничения доступа к СМИ и отсутствие равной агитационной нагрузки. Хотя часть 2 статьи 65 Федерального закона от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов государственной думы Федерального собрания Российской Федерации»¹ устанавливает равные условия доступа кандидатов к эфирному времени и печатным изданиям, на практике представители парламентских партий получают преимущество за счёт включения их в программы новостей и участие в официальных мероприятиях. Данная ситуация фактически является завуалированной агитацией. Внепарламентские кандидаты сталкиваются с отказами в размещении агитационных материалов или с требованием согласования в рамках нарушении принципов свободы распространения информации. Правозащитные организации неоднократно фиксировали данные случаи во многих российских регионах за последние 4 года.

Необходимо отметить проблему низкой правовой осведомлённости граждан. Несмотря на существование правовых просветительских программ, уровень понимания гражданами собственных прав, обязанностей и процедуры участия в выборах остаётся крайне слабым. Отсутствие систематической правовой просветительской работы со стороны государственных органов реально снижает уровень избирательной активности и способствует возникновению правового нигилизма.

В контексте правоприменения ключевое значение приобретает обеспечение баланса между публичными интересами государства в стабильности избирательной системы и частными интересами участников избирательного процесса, включая кандидатов, членов комиссий и избирателей. Практика последних лет выявляет ряд ситуаций, требующих переосмысления с точки зрения административно-правовых критериев противоправности, ответственности и превенции нарушений [6].

Разберём один из таких примеров. На избирательном участке № 435 (Трусовский район г. Астрахани) кандидат от КПРФ потребовал от секретаря комиссии дать ему некие документы, попытался вырвать документы из рук секретаря комиссии, причинив физическую боль. Действия были пресечены сотрудниками полиции, в отношении кандидата был составлен протокол об административном правонарушении по статье 6.1.1 КоАП РФ (побой), кандидат был признан виновным, постановлением суда назначен административный штраф².

В другом примере отмечается, что в Саратовской области на УИК № 131 член комиссии с правом решающего голоса от партии КПРФ пытался воспрепятствовать открытию избирательного участка, не давал опечатать стационарный ящик для голосования. Председатель УИК попыталась пресечь незаконные действия члена комиссии, после чего кандидат повалил с ног на пол, в результате чего она была госпитализирована. Заводской районный суд г. Саратова удовлетворил административное исковое заявление членов УИК № 131 и отстранил члена УИК № 131 с правом решающего голоса от работы указанной комиссии, он был удален с участка³.

Проанализировав эти примеры, можно отметить, что действия кандидатов и членов избирательных комиссий, препятствующие нормальному ходу выборов, квалифицируются в соответствии со статьями 5.69, 5.70, 6.1.1 КоАП РФ как воспрепятствование осуществлению избирательных прав граждан или работе комиссии, а также как посягательство на здоровье должностных лиц. Административно-правовой анализ показывает, что применение общей

¹ Федеральный закон «О выборах депутатов государственной думы Федерального собрания Российской Федерации» от 22.02.2014 № 20 – ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 4.10.2025)

² Памфилова Э.А. Сообщение о происшествии на УИК № 435 (Трусовский р-н, Астрахань) на брифинге ЦИК РФ от 14.09.2025 // [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2025/09/14/26726294.shtml> (дата обращения: 6.11.2025).

³ Саратовский избирком направил в МВД заявление об избиении председателя УИК // [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/proisshestviya/25050357> (дата обращения: 6.11.2025).

нормы статьи 6.1.1 КоАП РФ в избирательных спорах не отражает специфики данных отношений: объектом посягательства здесь выступает не только здоровье, но и функционирование публично-властного института – избирательной комиссии. В связи с этим представляется целесообразным законодательно уточнить диспозицию статьи 5.69 КоАП РФ, установив квалифицирующий состав для случаев насилиственного воспрепятствования деятельности комиссий. Кроме того, предлагается закрепить в законодательстве специальный механизм временного отстранения членов комиссии, совершивших противоправные действия, до вступления решения суда в свою законную силу. Это позволит устраниТЬ правовую неопределенность, когда подобные меры принимаются судами в порядке административного иска.

Далее стоит обозначить ещё одну проблему, которая связана с возникновением споров о правильности опломбирования избирательных ящиков. В настоящий период времени нет доведённой до субъектов официальной документированной позиции ЦИК России с закрытым списком вариантов основного и допустимых способов опломбирования ящиков для голосования, а также критериев неисправности ящиков для голосования по аналогии с сейф-пакетами. С административно-правовой точки зрения данный факт входит в противоречие принципу правовой определённости. Предлагается в целях устранения пробела осуществить следующие действия:

1. Разработать и утвердить ЦИК России единый административный регламент опломбирования и проверки ящиков для голосования.
2. Установить исчерпывающий перечень допустимых способов опечатывания. Ими могут быть пломба, номерная лента, одноразовые пластиковые замки.
3. Ввести административную ответственность за отступление от утверждённого регламента как за нарушение порядка обеспечения сохранности избирательной документации.

Отдельного внимания заслуживает ситуация, связанная с применением в нынешних условиях цифровизации и правовых пределов использования искусственного интеллекта в ходе административно-правового регулирования избирательного процесса. Здесь необходимо рассмотреть Иск Челябинского отделения КПРФ об отмене Постановления Избирательной комиссии Челябинской области от 22 августа 2025 г. № 125/1520-7 «Об обращении Якушевой Н.Г.», в результате которого был наложен запрет на распространение агитационных материалов, содержащих сгенерированные нейросетью изображения людей, был 10 сентября поддержан областным судом: приняты аргументы истца, что сгенерированное изображение людей не тождественно понятию «физическое лицо».

Рассмотренная судебная практика по этому делу продемонстрировала отсутствие законодательного регулирования в части использования технологий искусственного интеллекта при проведении предвыборной агитации. Отнесение сгенерированных нейросетью изображений к объектам агитационных материалов поставило вопрос о том, кто является субъектом ответственности, и можно ли считать ИИ-изображение портретом физического лица. С точки зрения административного права, в данной ситуации требуется внедрение нового правового института – цифровой административной ответственности за распространение недостоверных или манипулятивных материалов, созданных искусственным интеллектом. В этой связи рекомендуется внести в Федеральный закон № 67-ФЗ новую статью, которая будет закреплять определение понятий «сгенерированное изображение» и «цифровая агитация», порядок их маркировки, основание несения административной ответственности за умышленное использование искусственного интеллекта в целях введения избирателей в заблуждение. Одновременно целесообразно разработать при ЦИК России экспертный совет по применению искусственного интеллекта в избирательных технологиях, который формирует официальное заключение о корректности применения подобных цифровых материалов. Всё это позволит обеспечить необходимую институциональную модернизацию избирательного процесса в условиях цифровизации публичного управления.

Современный этап цифровизации избирательного процесса в Российской Федерации закономерно ставит вопрос о необходимости расширения административно-правовых механизмов, обеспечивающих реализацию конституционного права граждан на участие в выборах

посредством электронных сервисов. Одной из важных инноваций выступает институт сбора подписей в поддержку кандидатов через единую государственную платформу «Госуслуги».

В настоящий период данный механизм ограниченно применяется на региональном уровне – в ряде субъектов Российской Федерации с 2020 г. дистанционный сбор подписей разрешён на основании решений региональных избирательных комиссий с ограничением по объёму – не более 50 % общего числа подписей может быть собрано посредством электронного голосования. Такие ограничения обусловлены необходимостью обеспечить баланс между предоставлением цифровых форм реализации избирательных прав и предупреждением цифрового неравенства, вызванного разным уровнем цифровой инфраструктуры и интернет-покрытия в регионах.

При этом отсутствие единообразного федерального регулирования и делегирование полномочий по внедрению электронного сбора подписей регионам создаёт правовую асимметрию в доступе кандидатов к современным средствам поддержки на избирательных кампаниях. В частности, механизм электронного сбора подписей через «Госуслуги» согласно действующему законодательству не внедрён и не применяется на федеральных выборах – выборах депутатов Государственной Думы и Президента Российской Федерации.

В целях устранения данного правового пробела Центральная избирательная комиссия Российской Федерации в 2024 г. инициировала предложения по законодательному закреплению возможности применения механизма электронного сбора подписей на всех уровнях выборов, в том числе и федеральном. Реализация этого предложения будет способствовать повышению транспарентности, прозрачности и эффективности процедур сбора подписей, а также снизит административные издержки для кандидатов и избирательных комиссий.

Особое внимание при этом следует уделить административным гарантиям недопущения цифрового неравенства между субъектами Российской Федерации. Рекомендуется определить переходный период, в рамках которого применение электронного сбора подписей будет осуществляться с учётом уровня цифровизации каждого региона и объективных инфраструктурных ограничений. Такой адаптивный подход позволит обеспечить равенство избирательных прав граждан, исключая ограничение пассивного избирательного права в менее развитых в цифровом плане территориях.

Таким образом, законодательное закрепление и развитие института электронного сбора подписей через «Госуслуги» на федеральном уровне является необходимым шагом в модернизации избирательной системы Российской Федерации и обеспечении баланса между новейшими цифровыми технологиями и гарантиями равного участия всех граждан в выборах.

В целом, анализ существующих проблем административно-правового регулирования реализации избирательных прав граждан Российской Федерации позволяет сделать вывод о существовании системных, а также точечных деформаций, касающихся ключевых компонентов избирательного процесса: от регистрации кандидатов до подсчёта голосов и обжалования нарушений. Данные проблемы требуют не только корректировки отдельных норм, но и системного реформирования подходов к обеспечению законности, прозрачности и справедливости в избирательной сфере. Современное состояние административно-правового регулирования реализации избирательных прав в Российской Федерации свидетельствует о необходимости системной и многоуровневой модернизации соответствующих институтов. Решение выявленных ранее проблем потребует интеграции правовых, организационных, технологических и просветительских механизмов, способных обеспечить не только соблюдение формальных процедур, но и подлинную реализацию политических прав граждан на участие в управлении государством.

В целях повышения информационной открытости и транспарентности выборов необходимо создать единую цифровую платформу агитации, функционирующую под контролем Центральной избирательной комиссии, где каждому кандидату будет гарантирован равный объём размещения материалов, в том числе с использованием алгоритмической ленты без дискриминации по охвату и видимости. Это особенно важно в условиях уменьшения роли традиционных СМИ и перехода политической коммуникации в цифровую среду.

В целом предлагаемые меры позволяют не только устраниТЬ выявленные ранее проблемы, но и создать реальные условия для устойчивого и справедливого функционирования

избирательной системы. Комплексное реформирование административно-правового механизма, основанного на принципах правового государства, транспарентности и уважения к правам личности, станет залогом повышения доверия к выборам, легитимности избираемых органов и стабильности политического режима в долгосрочной перспективе.

Заключение

Подводя итоги проведённого исследования, можно сделать вывод о том, что административно-правовой механизм реализации избирательных прав граждан в Российской Федерации нуждается в глубокой и всесторонней модернизации. Несмотря на наличие достаточно разветвлённой нормативной базы и устоявшейся структуры избирательных комиссий, действующая система административного регулирования не обеспечивает в полной мере реализацию заложенных Конституцией РФ принципов политического равенства, гласности, законности и справедливости. Особую обеспокоенность вызывает тенденция к расширению дискреционных оснований для отказа в регистрации кандидатов, усиление административного давления на оппозиционные силы и избирателей, неравный доступ к информационным ресурсам, слабая эффективность судебного и административного контроля за нарушениями. Эти и другие обстоятельства не только снижают доверие граждан к избирательной системе, но и подрывают легитимность формируемых органов власти.

Предложенные в ходе исследования меры по совершенствованию административно-правового регулирования избирательных прав направлены на устранение выявленных дисфункций. Особое внимание уделено необходимости усиления судебной защиты избирательных прав и внедрению просветительских механизмов, способствующих росту правовой культуры и избирательной активности населения. Полагаем, что в целом административно-правовое регулирование избирательных прав граждан должно развиваться в направлении большей открытости, технологической надёжности, юридической определённости и социальной справедливости. Реализация предложенных подходов позволит не только устраниить существующие правовые деформации, но и создать институциональные условия для устойчивого развития демократических институтов в России.

Список источников

1. Авакьян С. А. Конституционное право России. Учебный курс: учебное пособие: в 2 т. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. 864 с.
2. Административное право Российской Федерации: учебник / под ред. А. И. Стакхова, В. А. Зюзина. М.: РГУП, 2022. 420 с.
3. Дудченко О. С., Фролова Т. Ю. Особенности совершенствования защиты избирательных прав в условиях внедрения цифровых технологий // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 9 (166). С. 11–17.
4. Кондращенко Д. А. Конституционно-правовое регулирование механизмов защиты избирательных прав граждан в Российской Федерации // Образование и право. 2024. № 4. С. 82–88.
5. Огнева К. О. К вопросу о правовой природе судебной защиты избирательных прав // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2025. № 2 (126). С. 145–155.
6. Спиридовон А. И. К вопросу о понятии «воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий» // Криминалистъ. 2023. № 3 (44). С. 65–71.

References

1. Avakian S. A. *Constitutional law of Russia*. Training course: textbook: in 2 volumes. 6th ed., revised. and add. Moscow: Norma: INFRA-M; 2020. 864 p. (In Russ.)
2. *Administrative law of the Russian Federation*: textbook. Edited by A. I. Stakhov, V. A. Zyuzin. Moscow: RGUP; 2022. 420 p. (In Russ.)

3. Dudchenko O. S., Frolova T. Yu. Features of improving the protection of electoral rights in the context of the introduction of digital technologies. *Actual problems of Russian law*. 2024;19(166):11-17. (In Russ.)
4. Kondrashchenko D. A. Constitutional and legal regulation of mechanisms for the protection of citizens' electoral rights in the Russian Federation. *Education and law*. 2024;(4):82-88. (In Russ.)
5. Ogneva K. O. On the issue of the legal nature of judicial protection of electoral rights. *Bulletin of the O. E. Kutafin University*. 2025;2(126):145-155. (In Russ.)
6. Spiridonov A. I. On the issue of the concept of "obstruction of the exercise of electoral rights or the work of election commissions". *Criminalist*. 2023;3(44):65-71. (In Russ.)

Информация об авторе

Н. Г. Рагимов – аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления.

Information about the author

N. G. Ragimov – Postgraduate Student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South-Russia Institute of Management.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 16.10.2025; одобрена после рецензирования 21.11.2025; принятая к публикации 24.11.2025.

The article was submitted 16.10.2025; approved after reviewing 21.11.2025; accepted for publication 24.11.2025.

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 4. С. 56–66
North Caucasus Legal Vestnik. 2025;(4):56–66

Научная статья
УДК 341
EDN DWSXXX

Анализ правовых механизмов преодоления трудностей, возникших с завершением международной налоговой реформы, проводимой Организацией экономического сотрудничества и развития на глобальном уровне

Лариса Ивановна Волова

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, volova-li@yandex.ru

Аннотация

Введение. В статье проводится научный анализ и осуществляется осмыслением автором комплекса новых и сложных проблем преодоления трудностей, возникших с завершением глобальной налоговой реформы, проводимой «Организацией экономического сотрудничества и развития» (ОЭСР) с 2021 г. Реформа предусматривает изменение порядка распределения глобальной прибыли, генерируемой многонациональными предприятиями (их чаще называют «транснациональными корпорациями») в юрисдикциях ведения ими коммерческой деятельности (в налоговых правилах это именуется юрисдикции присутствия).

Налоговая реформа предусматривает также изменение порядка взимания глобального корпоративного налога с прибыли многонациональных предприятий (МНП). В статье дается авторская оценка разработанного специалистами ОЭСР единого международного подхода к процедуре взыскания этого налога по дифференцированной системе обложения.

Цель. Выявить причины, почему уплата глобального корпоративного налога многонациональными предприятиями по новым правилам обложения и реализация ими правил GloBE оказались сложными для них самих, а также для юрисдикции их присутствия, что в итоге привело к переносу сроков завершения Международной налоговой реформы.

Методы. Методологическую основу исследования составляет комплекс научных методов исследования, применяемых для достижения научных целей: общенаучные методы познания, также как аналитический, диалектический, системный, функциональный и другие. В ходе проведения исследования использовались также такие специальные методы, как: исторический, сравнительно-правовой, формально-юридический и другие. Сочетание всех этих методов позволило провести всесторонний и многоаспектный анализ важного института международного налогового права – Международной налоговой реформы, проводимой ОЭСР. Исследование было проведено с помощью следующих правовых инструментов: многостороннего анализа налоговых категорий, метода «мягко-правового регулирования», прогнозирования перспектив в развитии исследуемых налоговых институтов.

Результаты. Автором приводятся доказательства о своевременности и полезности для укрепления мирового налогового правопорядка проводимой ОЭСР на глобальном уровне международной налоговой реформы. Высказаны убедительные аргументы в защиту вводимого ОЭСР дифференцированного порядка взимания глобального корпоративного налога с прибыли многонациональных предприятий. Даны авторская оценка роли глобальных налоговых правил GloBE в распределении и регулировании налоговых прав и обязательств государств.

Выводы. Полученные в ходе исследования результаты привели к выводу, что достоинством международной налоговой реформы является установление дифференцированной налоговой ставки глобального корпоративного налога, определяемой в зависимости от прибыли и рентабельности многонациональных предприятий.

Проведенный автором анализ позволил подтвердить, что для государств более приемлемым вариантом налогообложения прибыли многонациональных предприятий, является проект, разработанный ОЭСР, нежели введение ими односторонних мер (цифровых налогов). Основываясь на результатах проделанного исследования, подтвержденного финансовыми отчетами государств, а также принимая во внимание результаты прогноза о получении государствами реальных выгод, автор пришел к выводу о целесообразности не вводить государствами в своих странах цифровые налоги, а присоединиться к разработанным Инклюзивной структурой ОЭСР глобальным налоговым правилам GloBE.

Ключевые слова: глобальная прибыль, международная налоговая реформа, минимальный глобальный налог, «дополнительный» налог, сложности с уплатой налога, отсрочка реформы, односторонние меры, позиция России по реформе, перспективы реформы, налоговая конкуренция

Для цитирования: Волова Л. И. Анализ правовых механизмов преодоления трудностей, возникших с завершением международной налоговой реформы, проводимой Организацией экономического сотрудничества и развития на глобальном уровне // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 4. С. 56–66. EDN DWSXXX

Original article

Analysis of legal mechanisms to overcome the difficulties that arose with the completion of the international tax reform carried out by the Organization for Economic Cooperation and Development at the global level

Larisa I. Volova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, volova-li@yandex.ru

Abstract

Introduction. The article provides a scientific analysis and comprehension by the author of a set of new and complex problems of overcoming the difficulties that have arisen with the completion of the global tax reform carried out by the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD) since 2021. The reform provides for a change in the distribution of global profits generated by multinational enterprises (they are more often referred to as "multinational corporations") in the jurisdictions where they conduct business (in the tax rules, this is referred to as the jurisdiction of presence). The tax reform also provides for a change in the procedure for collecting global corporate tax on profits of multinational enterprises (MNPs). The article presents the author's version of the unified international approach developed by OECD experts to the procedure for collecting this tax under a differentiated taxation system.

Purpose. To identify the reasons why the payment of global corporate tax by multinational enterprises under the new taxation rules and their implementation of the GLS rules proved difficult for them, as well as for the jurisdiction of their presence, which eventually led to the postponement of the completion of the International Tax Reform.

Methods. The methodological basis of the research is a set of scientific research methods used to achieve scientific goals: general scientific methods of cognition, as well as analytical, dialectical, systemic, functional and others. In the course of the research, special methods such as historical, comparative law, formal law, and others were also used. The combination of all these methods allowed for a comprehensive and multidimensional analysis of an important institution of international tax law, the International Tax Reform carried out by the OECD. The study was conducted using the following legal instruments: a multilateral analysis of tax categories, the method of "soft law regulation", forecasting prospects for the development of the studied tax institutions.

Results. The author provides evidence on the timeliness and usefulness of the international tax reform carried out by the OECD at the global level to strengthen the global tax order. Convincing arguments have been made in defense of the differentiated procedure for collecting global corporate tax on profits of multinational enterprises introduced by the OECD. The author's assessment of the role of global tax rules in MOLDOVA in the distribution and regulation of tax rights and obligations of states is given.

Conclusions. The results obtained in the course of the study led to the conclusion that the advantage of international tax reform is the establishment of a differentiated global corporate tax rate, determined depending on the profits and profitability of multinational enterprises. The analysis carried out by the author allowed us to confirm that a project developed by the OECD is a more acceptable option for states to tax the profits of multinational enterprises, rather than introducing unilateral measures (digital taxes). Based on the results of the conducted research, confirmed by the financial reports of the states, as well as taking into account the results of the forecast about the receipt of real benefits by the states, the author came to the conclusion that it would be advisable not to introduce digital taxes by the states in their countries, but to join the global tax rules developed by the OECD Inclusive Structure.

Keywords: global profit, international tax reform, minimum global tax, "additional" tax, difficulties with paying taxes, postponement of reform, unilateral measures, Russia's position on reform, prospects for reform, and tax competition

For citation: Volova L. I. Analysis of legal mechanisms to overcome the difficulties that arose with the completion of the international tax reform carried out by the Organization for Economic Cooperation and Development at the global level. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(4):56–66 (In Russ.). EDN DWSXXX

Введение

Актуальность статьи подтверждается той ролью, которую играет Международная налоговая реформа в укреплении международного налогового правопорядка [1, с. 52–53]. В сложившихся условиях ее актуальность возрастает, так как автор исследует и комментирует каждую причину, послужившую основанием для незавершения реформы к назначенному сроку (конец 2024 г.).

Данная статья представляет собой продолжение и дальнейшее развитие научных исследований по тематике: Международная налоговая реформа, проводимая ОЭСР на глобальном уровне с 2021 года. Она представляет интерес для финансовых ведомств, налоговых администраций и всех лиц, связанных с решением налоговых проблем, а также для всех, интересующихся проблемами международного налогообложения в условиях цифровизации.

Ученые, обратившиеся к рассматриваемой теме, положительно оценивают и считают приемлемым единый международный подход ОЭСР к налогообложению прибыли многонациональных предприятий [1, с. 50–52; 2, с. 37–38; 3, с. 13–14; 4, с. 43–44].

В предыдущих научных трудах главным образом уделялось внимание правовому механизму уплаты глобального корпоративного налога многонациональными предприятиями (ТНК). В них не была разработана проблема дифференцированного обложения таким налогом прибыли структур многонациональных предприятий. К тому же в ранее опубликованных работах не исследовалась проблема распределения глобальной прибыли, генерируемой многонациональными предприятиями, между юрисдикциями присутствия. В них также не раскрывались обязательства головных компаний и дочерних структур многонациональных предприятий по уплате ими так называемого «дополнительного» налога [5, с. 5–6, 37–39; 6, с. 163–166].

Материал статьи и цели исследования направлены на преодоление выявленных трудностей и создание максимально приемлемых условий для достижения соглашения между государствами и юрисдикциями по спорным вопросам.

Результаты и обсуждение

Затруднения возникли с начислением и уплатой Минимального глобального налога структурами многонациональных предприятий. Но самые большие трудности возникли с уплатой «дополнительного» налога структурными подразделениями многонациональных предприятий в юрисдикции присутствия в связи с недоплатой обычной части налога в некоторых из них.

Из-за возникших трудностей с реализацией единого международного подхода ОЭСР к налогообложению многонациональных предприятий некоторые государства стали вводить в своих странах односторонние меры по такому налогообложению, а отдельные из них приняли так называемые «цифровые налоги» [7, с. 59–60]. Проведенный автором прогноз последствий использования таких мер позволил сделать вывод, что это может привести к нарушению процесса налоговой конкуренции, к увеличению налоговой нагрузки на многонациональные предприятия и к выводу налогооблагаемой базы на территории с низким уровнем налогообложения. Для преодоления отрицательных последствий необходимо расширять налоговое сотрудничество государств и укреплять налоговый правопорядок¹.

В настоящее время реформа продолжается, и для ее успешного завершения была организована правовая и организационная деятельность специально созданного Руководством ОЭСР представительного и полномочного органа под названием «Инклюзивная структура», наделенная специальными полномочиями по разработке и представлению государствам для изучения и присоединения глобальных налоговых правил GloBE.

Инклюзивная структура, кроме того, разрабатывает правовые документы, обеспечивающие процесс проведения Международной налоговой реформы, составляет проекты налоговых соглашений и дает разъяснения и комментарии по каждому в отдельности налоговому правилу. [8, с. 41–42].

Автор на основе полученных в ходе исследования данных дает прогноз о дальнейшем развитии и оптимизации глобальных налоговых правил GloBE. Он своей задачей посчитал также выявить особые признаки такого специфического объекта международного налогообложения, как глобальная прибыль в бизнес-проектах в нескольких юрисдикциях структур многонациональных предприятий.

Такие сложные по структуре и управлению холдинги в различных документах и научных исследованиях именуются по-разному: транснациональными корпорациями, группами предприятий или многонациональными предприятиями.

В правовых актах ОЭСР используется только термин «многонациональные предприятия», он применяется в пока единственном правовом акте, специально посвященном регулированию (хотя и в источнике «мягкого права» (Soft Laws) под названием: «Правила деятельности многонациональных предприятий» от 27 июня 2000 г. [9]

Для многонациональных предприятий характерно то, что их составные части: головная компания и дочерние предприятия имеют присутствие (зарегистрированы) в различных юрисдикциях, ведут в них бизнес-проекты и получают по новым налоговым правилам, разработанным ОЭСР, долю глобальной прибыли при условии, если такие многонациональные предприятия сгенерировали доход не менее 1 млн евро на территории государства – места ведения коммерческой деятельности.

Эти новые налоговые правила получения и распределения глобальной прибыли многонациональных предприятий между юрисдикциями обсуждаются в научной литературе [1, с. 51–532; 2, с. 37–39; 10, с. 336–339].

Анализ пакета актов, разработанных Инклюзивной структурой ОЭСР, позволил автору выделить и дать комментарий правовых инструментов преодоления трудностей, возникших у государств и юрисдикций с механизмом распределения глобальной прибыли и введенным ОЭСР дифференцированным порядком уплаты многонациональными предприятиями глобального корпоративного налога. В статье также рассматривается процесс трансформации глобальных налоговых правил GloBE, отражаются особенности процесса их развития и практического применения налогоплательщиками.

В статье, кроме того, используется метод прогнозирования идается обоснованный ответ на вопрос: какие последствия наступят для многонациональных предприятий в случае неприсоединения их к Двухкомпонентному проекту ОЭСР по Международной налоговой реформе и отказу от внедрения правил GloBE в свое национальное налоговое законодательство.

¹ OECD «Налоговое сотрудничество в целях развития». 30 июня 2025 года. https://www.oecd.org/en/publications/tax-co-operation-for-development_cf95c967-en.htm (accessed 09.07.2025)

Автор идет дальше в своем исследовании и на основе их результатов приводит аргументы в пользу решения вопроса: есть ли смысл в настоящее время вводить в российское законодательство изменения, предусматривающие присоединение России к Международной налоговой реформе, в ходе которой должно вводиться в действие налоговое правило об уплате российскими Многонациональными предприятиями минимального глобального налога.

На основании подтвержденного фактами прогноза ситуации в будущем автором формулируется вывод о том, что при изменении отношения Руководства ОЭСР к нашей стране, она вполне сможет изменить свою позицию, существующую на сегодняшний день и принять решение внедрить глобальные налоговые правила GloBE в свое законодательство.

Автором было установлено, что препятствием к завершению Международной налоговой реформы к намеченному сроку (конец декабря 2024 г.) стало то, что вышеуказанной Инклюзивной структуре ОЭСР не удалось добиться консенсуса государств-членов данной Организации и участвующих в обсуждении реформы делегаций государств по некоторым принципиальным налоговым правилам как первого компонента (Pilar 1), так и второго компонента (Pilar 2) Двухкомпонентного проекта ОЭСР.

При этом на практике оказалось, что вместо вполне ожидаемых и предсказываемых сложностей с принятием первого компонента данного проекта, предусматривающего механизм уплаты глобального корпоративного налога многонациональными предприятиями с более крупных сумм генерируемой ими прибыли и вносящего изменения правил распределения налога на прибыль между государствами, трудности возникли с присоединением государств и юрисдикций ко второму компоненту проекта (Pilar 2), устанавливающего взыскание минимального глобального налога с гораздо большего количества многонациональных предприятий, так как его плательщиками являются те из них, которые генерируют не столь большие суммы годовой прибыли, а именно не более 750 млн. евро¹. Основной идеей второго компонента проекта является введение мировой минимальной налоговой ставки в размере 15% от прибыли.

Чтобы ускорить процесс завершения Международной налоговой реформы к теперь уже продленному сроку, к 31 декабря 2025 г., Инклюзивная структура разработала и представила на обсуждение членов ОЭСР и делегаций государств текст Многосторонней конвенции по имплементации Суммы А Двухкомпонентного подхода ОЭСР. Данная Конвенция закрепляет определенные требования, выполнение которых необходимо для подготовки государств к ее подписанию. В Конвенции также определены условия отмены уже введенных государствами цифровых налогов и соответствующих им аналогичных мер после вступления ее в силу, а также закреплено обязательство государств с того же времени не вводить новые цифровые налоги.

К тексту подписанной Конвенции будет приложено Пояснительное заявление, в котором будет раскрыто содержание статей, закрепленных в ней. Планировалось, что Конвенция будет открыта для подписания государствами со второй половины 2023 г. Нормами права предусматривалась процедура ратификации государствами Конвенции в установленном порядке. Она должна была вступить в силу при условии ее ратификации не менее чем 30-ю государствами. Первоначально планировалось, что это произойдет к концу 2024 г., но этого не произошло и срок был продлен до конца 2025 г.

Признаки глобальных налоговых правил GloBE

Налоговые правила GloBE отражают новый подход ОЭСР к налогообложению многонациональных предприятий в условиях цифровизации. Значительное увеличение размера глобальной прибыли, генерируемой многонациональными предприятиями в разных юрисдикциях, а значит и повышение сумм их налогооблагаемой базы, потребовали внесения изменений в ранее действовавшие налоговые правила, в первую очередь касающиеся порядка обложения глобальным корпоративным налогом прибыли многонациональных предприятий.

¹ ОЕДС. Обновление первого компонента от сопредседателей инклюзивной структуры по борьбе с BEPS. 13 января 2025 года. <https://www.oecd.org/en/about/news/announcements/2025/01/pillar-on-update-co-chair-statement-oecd-g20-inclusive-framework-on-beps.html>(accessed 09.06.2026)

В новых условиях расширения масштабов цифрового бизнеса эффективным может быть именно дифференцированный порядок взимания такого налога с прибыли многонациональных предприятий. Поэтому такое новое налоговое правило было введено в комплекс норм глобальных налоговых правил GloBE. По мнению ряда специалистов, обложение глобальным корпоративным налогом прибыли многонациональных предприятий по дифференцированной ставке является рациональным [2, с. 38; 11, с. 334–335].

Правила GloBE разграничивают налоговые обязательства структурных подразделений многонациональных предприятий между юрисдикциями присутствия. В соответствии с ними требуется определить: есть ли недоплата суммы налога в установленном размере какой-либо из структур: головной компанией или дочерними предприятиями и кто из них в этом случае должен уплачивать «дополнительный налог».

В статье обращается внимание на то, что эти правила не предусматривают обложение «дополнительным» налогом прибыли структур многонациональных предприятий в том случае, если они уже облагались таким же налогом в других юрисдикциях в соответствии с признанным «квалифицированным» законодательством этих структур. Для финансовых органов государств важно выяснить чьи компании: свои национальные или иностранные должны будут уплачивать «дополнительный» налог в бюджеты иностранных юрисдикций. Государства заинтересованы в том, чтобы суммы такого налога оставались в их бюджетах, а не перечислялись в бюджеты зарубежных стран.

С 2022 г. Министерство финансов Российской Федерации изучает и исследует материалы, на основе которых возможно делать прогноз: в интересах ли нашей страны в данное время присоединяться ко второму компоненту (Pilar 2) Двухкомпонентного проекта ОЭСР по налоговой реформе.

На сегодняшний день более 50-ти, в основном западных стран, приняли решение включить налоговые правила GloBE в свое законодательство. В то же время следует обратить внимание на то, что в странах глобального Юга власти не торопятся делать это, исключение составляют Гонконг и Малайзия.

Роль инклюзивной структуры ООН в правовом обеспечении процесса завершения Международной налоговой реформы

Как уже было сказано выше, у государств и юрисдикций возникли сложности с толкованием и применением подходов, проектов и глобальных налоговых правил GloBE, разработанных органами ОЭСР по Международной налоговой реформе. Решать эту проблему во многом помогла и помогает Инклюзивная структура ОЭСР как полномочный орган, специально созданный для правового и организационного обеспечения процесса проведения реформы.

Инклюзивная структура ОЭСР вносит заметный вклад в процесс ускорения процесса завершения Международной налоговой реформы. С этой целью этот орган ОЭСР разрабатывает специальные документы по разъяснению и упрощению механизмов взимания минимального глобального налога с прибыли многонациональных предприятий и порядка уплаты «дополнительного» налога структурами этих предприятий в бюджеты юрисдикций своего присутствия в случае недоплаты ими основной части налога в соответствующие бюджеты. Такие акты очень нужны налогоплательщикам, испытывающим трудности с исполнением своих налоговых обязательств. Особенно им необходимы и полезны комментарии и рекомендации Инклюзивной структуры по процедуре присоединения государств к глобальным налоговым правилам GloBE и механизму имплементации этих правил в национальное налоговое законодательство.

На протяжении 2023–2025 гг. Инклюзивная структура разработала и опубликовала ряд разъяснений и комментариев по упрощению процедуры исполнения ряда налоговых обязательств. (Разъяснение от 17 июня 2024 г.; Разъяснение от 15 декабря 2025 г. и др.). Особое значение для оказания реальной помощи налоговым администрациям и налогоплательщикам имело опубликованное 17 июня 2024 г. специальное Руководство по выполнению налоговых норм

второго компонента Двухкомпонентного проекта ОЭСР (Pilar 2)¹. В данном Руководстве дано последовательное разъяснение комплекса действий головной компании и дочерних структур многонациональных предприятий по выполнению ими обязательства выплаты «дополнительного» налога, в случае необходимости. Рассматриваемый пакет руководств будет включен в разрабатываемый Комментарий к Типовым правилам GloBE².

В рамках своей компетенции Инклюзивная структура ОЭСР располагает важным полномочием давать оценку налоговому законодательству тех государств, которые внедрили в своей стране уже оптимизированные Инклюзивной структурой, а значит, как считается, правильные, глобальные налоговые правила GloBE. В случае положительной оценки Инклюзивная структура уполномочена присваивать налоговому законодательству данного государства «квалифицированный статус». В целях укрепления международного налогового правопорядка государствам было предложено имплементировать в свое налоговое законодательство нормы о получении их законодательством «квалифицированного статуса». Таким образом, Инклюзивной структурой был введен в действие новый правовой инструмент под названием приздание ею «квалифицированного статуса» налоговому законодательству государств. Она также ведет учет тех государств, налоговому законодательству по Международной налоговой реформе которых присвоен указанный статус.

Позиция государств, принявших односторонние меры (цифровые налоги) по регулированию налогообложения прибыли цифровых компаний

Некоторые государства (в основном западные) не приняли во внимание положительный прогноз специалистов об итогах реализации единого международного подхода ОЭСР к глобальной налоговой реформе и ввели в одностороннем порядке в своих странах цифровой налог, объясняя это своей большой заинтересованностью в поступлении дополнительных налоговых платежей в свои бюджеты. К сожалению, они не учитывали ряд обстоятельств, в первую очередь, что это может отрицательно отразиться на результатах деятельности отечественных цифровых компаний. Во-вторых, принятие таких мер может ограничивать процесс расширения ими пределов использования новейших иностранных цифровых технологий при осуществлении коммерческих бизнес-проектов³. Кроме того, введение государствами цифровых налогов может привести к двойному налогообложению поставляемых компаниями цифровых услуг. В такой ситуации возможно также использование ответных мер со стороны других государств, таких, например, как установление тарифов, что может нанести серьезный ущерб цифровому бизнесу национальных компаний.

Введение государством цифровых налогов рассматривается Руководством ОЭСР в качестве временной меры.

В научных трудах цифровые налоги справедливо подвергаются критике [10, с. 37–38; 11; 12, с. 92–93; 13, с. 14–17; 14].

Специалисты ожидают, что кроме тех государств, которые уже приняли законы о цифровых услугах, еще некоторые государства все же введут либо односторонние, либо многосторонние налоговые меры для защиты своей налоговой базы и налоговых доходов, генерируемых от оказания иностранными компаниями цифровых услуг.

¹ OECD «Сводный отчет о сумме В». 24 февраля 2025 года. https://www.oecd.org/en/publications/consolidated-report-on-amount-b_182b47ad-en.html (accessed 09.06.2025 г.)

² OECD Международная налоговая реформа: выпуск новых инструментов для применения принципа «сумма Б», упрощающего правила трансфертного ценообразования. 19 декабря 2024 года.

<https://www.oecd.org/en/about/news/announcements/2024/12/release-of-new-tools-for-the-implementation-of-amount-b-relating-to-the-simplification-of-transfer-pricing-rules.html> (accessed 09.06.2025 года)

³ Digital Services Taxes DST – global tracker. Available at: URL: <https://www.vatcalc.com/global/digital-services-taxes-dst-global-tracker/> (accessed: 09.06.2025)

Целесообразно ли России в настоящее время присоединяться к единому Международному подходу ОЭСР к налогообложению прибыли многонациональных предприятий

Исследованием было установлено, что до начала введения западными странами пакетов антироссийских санкций для российских властей было нецелесообразно воздерживаться от участия нашей страны в обсуждении и возможном присоединении к единому Международному подходу ОЭСР к налогообложению прибыли многонациональных предприятий, тем более что структуры российских многонациональных предприятий подпадали под действие налоговых правил этого подхода в иностранных юрисдикциях своего присутствия.

К тому же ситуация менялась. Так, с 2022 г. руководство ОЭСР под воздействием позиции западных стран прекратило взаимодействие с нашей страной по вопросам участия России в Международной налоговой реформе.

Учитывая все обстоятельства, для российских властей, экспертов и представителей научного сообщества очень важно дать аргументированный ответ на вопрос: следует ли России в настоящее время вводить в свое налоговое законодательство уже оптимизированные Инклюзивной структурой к настоящему времени глобальные налоговые правила GloBE.

Проведенный нами научный поиск позволил найти важный правовой инструмент для решения поставленной проблемы. Он содержится в том числе в значимом для российских налоговых органов и налогоплательщиков документе: Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики РФ за 2024 год. В данном правовом акте предусмотрено проведение финансовыми органами анализа аргументов «за» и «против» целесообразности вносить в российское налоговое законодательство изменения, касающиеся обложения минимальным глобальным налогом российских многонациональных предприятий, соответствующих требованиям уже оптимизированных правил GloBE.

Следует указать, что Министерство финансов РФ с 2023 года по настоящее время отслеживает и анализирует процесс присоединения государств и юрисдикций к глобальным налоговым правилам GloBE.

К анализу поставленного в статье вопроса присоединились специалисты, которые прежде всего стали оценивать возможные последствия, которые могут наступить для нашей страны в результате ее присоединения к единому Международному подходу ОЭСР к глобальной налоговой реформе.

Экспертами и учеными приводятся аргументы «за» и «против» решения вопроса: нужна или не нужна корректировка российского налогового законодательства с целью введения в него налоговых норм об уплате многонациональными предприятиями минимального глобального налога, а в случае необходимости еще и об уплате «дополнительного» налога головной компанией или дочерними предприятиями в юрисдикциях своего присутствия.

Для нашей страны важно, будет ли это выгодно или не выгодно российским многонациональнм предприятиям и поступят ли суммы «дополнительного» налога в российский бюджет или будут зачислены в бюджеты иностранных государств. Такой риск есть, поэтому необходимо продумать, как защитить интересы России, как избежать наступления нежелательных для нее ситуаций, состоящих в том, что в случае введения нашей страной в свое законодательство налоговых правил GloBE, недружественные страны (в основном западные) продолжат действовать в отношении российских многонациональных предприятий таким образом, как если бы Россия не присоединилась к этим правилам, что, несомненно: приведет к серьезным финансовым потерям российских компаний.

Оценка последствий внедрения в российское законодательство налоговых правил GloBE убеждает в том, что пока нецелесообразно присоединяться нашей стране к рассматриваемому проекту ОЭСР еще и по следующим основаниям. Даже при условии, если в России будут действовать глобальные налоговые правила GloBE, но не признанные Инклюзивной структурой ОЭСР «квалифицированным» законодательством согласно установленным требованиям, все равно это будет невыгодно для российских многонациональных предприятий, имеющих присутствие в недружественных государствах. Реально есть опасение, что даже если будут внесены изменения в российское законодательство, связанные с имплементацией в него налоговых правил GloBE,

оно не получит «квалифицированный статус», и поэтому с дочерних компаний российских многонациональных предприятий на территории иностранных государств будут взыскивать «дополнительный» налог, что не выгодно нашей стране.

Анализ последствий внедрения правил GloBE в российское законодательство приводит к выводу, что в этом случае российские головные компании многонациональных предприятий должны будут доплачивать в бюджеты иностранных государств суммы налога, неоплаченного ее дочерними структурами в юрисдикциях присутствия, что не отвечает интересам России и самим многонациональнм предприятиям.

Возможна и другая ситуация, а именно, когда у самой головной компании налоговая ставка была ниже установленной ставки налога в 15% от прибыли, в этом случае недостающую сумму налога за саму головную компанию будут уплачивать дочерние структуры в юрисдикциях присутствия. Все эти возможные последствия необходимо учитывать при решении проблемы: присоединяться государству к налоговым правилам GloBE или пока воздержаться.

Прогноз возможных последствий подтверждает правильность вывода, что при сложившихся условиях пока не следует присоединяться нашей стране к проекту ОЭСР по глобальной реформе международного налогообложения.

В будущем при наступлении новой ситуации Россия вполне сможет изменить свою позицию по вопросу присоединения к налоговым правилам GloBE и внедрить их в российское налоговое законодательство.

По мнению экспертов и ученых, это может быть возможно после составления и анализа первого финансового отчета по результатам применения второго компонента Двухкомпонентного проекта ОЭСР (Pilar 2) относительно уплаты минимального глобального налога. При этом налоговая декларация за 2024 год должна быть подана налогоплательщиками в срок до 1 июля 2026 г. По показателям отчета можно будет выявить, какое количество российских многонациональных предприятий попало под действие второго компонента и, следовательно, должны были уплатить установленную сумму минимального глобального налога, а в случае необходимости и «дополнительного» налога со своей прибыли.

По отчету будет установлено, в какой сумме с прибыли российских многонациональных предприятий был взыскан «дополнительный налог» в бюджеты иностранных юрисдикций на том основании, что ставка налога головной компании, зарегистрированной на территории России, была ниже установленного налоговыми правилами ОЭСР предела 15% от прибыли. Для нашей страны важно обеспечить, чтобы «дополнительный» налог с прибыли российских многонациональных предприятий доплачивался бы в российский бюджет, а не поступал бы в бюджеты иностранных государств.

В результате анализа пакета документов, разработанных Инклузивной структурой ОЭСР, и с помощью использования метода прогноза, автору удалось выработать свою позицию по рассматриваемому вопросу. Она заключается в том, что в сложившихся особых условиях, нашей стране не нужно окончательно отказываться от участия в Международной налоговой реформе, а целесообразно отложить решение этого вопроса. При изменении обстановки к лучшему Россия сможет вернуться к возобновлению взаимодействия с органами ОЭСР и возобновить свое участие в обсуждении и согласовании своих действий по реализации единого международного подхода ОЭСР к глобальной налоговой реформе. Это может произойти тогда, когда увеличится количество государств, на территории которых у российских многонациональных предприятий зарегистрированы дочерние компании, тогда наша страна сможет внедрить в свое национальное законодательство налоговые правила GloBE. Именно при таких обстоятельствах у нашей страны появится интерес к присоединению к рассматриваемому проекту ОЭСР, поскольку в этом случае суммы основного и «дополнительного» налога будут зачисляться в российский бюджет, что и необходимо для развития российской экономики.

Заключение

Возрастание мобильности многонациональных предприятий (в первую очередь, крупнейших цифровых компаний) и расширение пределов реализации ими бизнес-проектов приводит к увеличению генерируемых ими сумм глобальной прибыли на рынках иностранных юрисдикций. Это актуализирует проблему установления приемлемой для всех государств – богатейших

и развивающихся, правового механизма распределения глобальной прибыли между юрисдикциями. Глобальная прибыль составляет часть налогооблагаемой прибыли Многонациональных предприятий, поэтому они заинтересованы в установлении эффективной системы налогообложения всей их прибыли.

Проведенной в данной статье анализ подтверждает вывод, что в интересах государств и юрисдикций серьезно отнести к проработке подходов и проектов ОЭСР к проведению Международной налоговой реформы и на основе полученных результатов решить вопрос о возможности присоединения к глобальным налоговым правилам GloBE.

Альтернативой может быть только, как показывает практика, введение в своих странах односторонних мер, чаще всего цифрового налога. Однако, как было сказано выше, его действие связано с наступлением некоторых отрицательных последствий. Те страны, которые уже ввели цифровые налоги, объясняют свои действия необходимостью защиты своей налоговой базы от имеющих налоговые преимущества зарубежных крупнейших цифровых компаний (гигантов).

Можно сделать прогноз, что цифровые налоги и дальше будут вводиться государствами, как они полагают, для развития цифровой экономики. Но они не учитывают среднесрочные и особенно дальнесрочные последствия его действия и возможное негативное влияние на развитие экономических процессов в своей стране.

Принятые Инклюзивной структурой ОЭСР на протяжении 2022–2025 годов документы, вошедшие в Пакет руководств по разъяснению, упрощению и конкретным рекомендациям, как на практике применять глобальные налоговые правила. GloBE оказали положительное влияние на обеспечение процесса завершения международной налоговой реформы. Они оказались полезными на данном этапе длящейся 5 лет глобальной налоговой реформы, которая еще не завершена.

Ее успешное завершение возможно после достижения консенсуса между Руководством ОЭСР и делегациями государств, участвующих в официальных встречах по обсуждению хода результатов реформы. Для этого необходимы их совместные усилия. От завершения реформы зависит более справедливое распределение глобальной прибыли многонациональных предприятий (ТНК), сохранение налоговой базы структур таких предприятий, реализация дифференциированного порядка обложения этих предприятий Минимальным глобальным налогом. Все это обуславливает необходимость вступления реформы в свой завершающий этап. На этом этапе должна быть подписана и ратифицирована Международная конвенция.

Список источников

1. Международно-правовые проблемы современного международного экономического правопорядка: коллективная монография кафедры международного права ВАВТ МЭР РФ / Под ред. В. М. Шумилова. М.: ВАВТ, 2024. 175 с.
2. Лифшиц И. М. Трансграничное налогообложение: «Золушка» международного права, которая мечтает стать королевой // Журнал ВШЭ по международному праву. 2023. № 1. С. 37–39. <https://doi.org/10.17323/jil.2023.17446>
3. Пономарева К. А., Зарипов В. М. Перспективы налогообложения глобальной прибыли цифровых компаний // Налоговед. 2020. № 4. С. 12–16.
4. Маглинова Т. Г. О проблемах глобальной налоговой реформы транснациональных корпораций // Вестник ИМСИта. 2024. №2. С. 42–45.
5. Шохин С. О., Кудряшова Е. В., Шашкова А. В. Налогообложение цифровой экономики. Конец оптимизма // Международные процессы. 2021. № 2. С. 5–10.
6. Иванова Е. А., Овсянников А. С. Преимущества и недостатки налоговой реформы 2024–2025 годов // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. № 10-1. С. 163–166.
7. Краснобаева А. М. Правила цифрового налога: о налогообложении выручки от оказания цифровых услуг // Финансы. 2021. № 3. №4. С. 59–63.
8. Шпырко П. С. Международные налоговые соглашения: анализ принципов и механизмов противодействия уклонению от платы налогов // Аграрное и земельное право. 2023. №8 (224). С. 40–43.
9. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Правила для многонациональных предприятий (27 июня 2000 г.) // Журнал международного частного права. 2003. № 3 (41). С. 57–79.

10. Кудряшова Е. В. Цифровые налоги или новая архитектура международного налогообложения? // Налоги. 2021. № 4. С. 37–40.
11. Пономарева К. А. Сравнительный анализ опыта введения налога на цифровые услуги в зарубежных странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Том 16. №4. С. 334–356.
12. Королева Л. П. Налогообложение цифровых услуг: вопросы теории, зарубежной практики и отечественных предпосылок // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 3. С. 91–106.
13. Краснобаева А. М. Зарубежный опыт введения цифрового налога: тенденции и закономерности // Аудит и финансовый анализ. 2020. № 3. С. 14–17.
14. Lowry S. Digital Services Taxes (DSTs): Policy and Economic Analysis. Congressional Research Service Report, R45532. February 25, 2019.

References

1. *International legal problems of modern international economic order: a collective monograph of the Department of International Law of the Russian Academy of Economics, Mayor of the Russian Federation*. Edited by V. M. Shumilov. Moscow: VAVT; 2024. 175 p. (In Russ.)
2. Lifshits I. M. Transboundary taxation: "Cinderella" of international law who dreams to become a queen. *HSE University Journal of International Law*. 2023;(1):37–39. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/jil.2023.17446>
3. Ponomareva K. A., Zaripov V. M. Prospects of taxation of global profits of digital companies. *Tax specialist*. 2020;(4):12–16. (In Russ.)
4. Maglinova T. G. On the problems of global tax reform of transnational corporations. *Bulletin of IMSIT*. 2024;(2):42–45. (In Russ.)
5. Shokhin S. O., Kudryashova E. V., Shashkova A.V. Taxation of the digital economy. The end of optimism. *International processes*. 2021;(2):5–10. (In Russ.)
6. Ivanova E. A., Ovsyannikov A. S. Advantages and disadvantages of the tax reform of 2024–2025. *Economics and Business: theory and practice*. 2024;(10-1):163–166. (In Russ.)
7. Krasnobaeva A. M. Rules of digital tax: on taxation of revenue from the provision of digital services. *Finance*. 2021;3(4):59–63. (In Russ.)
8. Shpyrko P. S. International tax agreements: an analysis of the principles and mechanisms of countering tax evasion. *Agrarian and Land law*. 2023;8(224):40–43. (In Russ.)
9. Organization for Economic Cooperation and Development (OECD). Rules for Multinational Enterprises (June 27, 2000). *Journal of International Private Law*. 2003;3(41):57–79. (In Russ.)
10. Kudryashova E. V. Digital taxes or a new architecture of international taxation? *Taxes*. 2021;(4):37–40. (In Russ.)
11. Ponomareva K. A. Comparative analysis of the experience of introducing a tax on digital services in foreign countries. *Pravo. Journal of the Higher School of Economics*. 2023;16(4):334–356. (In Russ.)
12. Koroleva L. P. Taxation of digital services: issues of theory, foreign practice and domestic prerequisites. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2019;12(3):91–106. (In Russ.)
13. Krasnobaeva A. M. Foreign experience of introducing a digital tax: trends and patterns. *Audit and financial analysis*. 2020;(3):14–17. (In Russ.)
14. Lowry S. *Digital Services Taxes (DSTs): Policy and Economic Analysis*. Congressional Research Service Report, R45532. February 25, 2019.

Информация об авторе

Л. И. Волова – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры международного права ЮФУ.

Information about the author

L. I. Volova – Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Worker of Higher Education in the Russian Federation, Professor at the Department of International Law at Southern Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest

Статья поступила в редакцию 14.10.2025; одобрена после рецензирования 21.11.2025; принятая к публикации 24.11.2025.

The article was submitted 14.10.2025; approved after reviewing 21.11.2025; accepted for publication 24.11.2025.

Интеллектуальная собственность в международном частном праве: вопросы коллизионного регулирования, унификации и гармонизации

Анна Борисовна Арзуманян

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия,
rumi12@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4182-0884>

Аннотация

Введение. Интеллектуальная собственность в XXI веке стала одним из ключевых активов глобальной экономики. Ее трансграничный характер, обусловленный международным разделением труда, цифровизацией и повсеместным использованием объектов интеллектуальной собственности в сети Интернет, вступает в фундаментальное противоречие с территориальным принципом, исторически лежащим в основе ее правовой охраны, что порождает сложности коллизионного регулирования. Разрешение коллизионных вопросов в международном частном праве происходит как на уровне национального коллизионного регулирования, так и на международном уровне. Особое место отводится таким ключевым процессам, как унификация и гармонизация права.

Цель. Провести комплексный анализ современного состояния коллизионного регулирования отношений в сфере интеллектуальной собственности, а также роли международной унификации и гармонизации в преодолении правовой неопределенности в условиях роста трансграничного обмена правами на интеллектуальную собственность (ИС).

Методы. В работе использованы общие и специальные методы научного познания: метод системного и логического анализа, формально-юридический, историко-правовой и сравнительно-правовой методы.

Результаты. В цифровую эпоху территориальный принцип сталкивается с особой проблемой: использование объекта ИС в сети Интернет по своей природе является трансграничным и повсеместным. Нарушение, начатое в одной юрисдикции, может мгновенно причинить вред в десятках других. Это порождает сложные вопросы локализации нарушения и определения применимого права. Можно выделить три основные группы отношений в сфере ИС, нуждающиеся в коллизионном регулировании: интеллектуальный статут (признание, действие, объем прав ИС); договорные обязательства из прав ИС; внедоговорные (деликтные) обязательства, связанные с нарушением прав на ИС. Национальное законодательство демонстрирует, как правило, фрагментарность коллизионного регулирования; попытки международной унификации сталкиваются неразрешимыми противоречиями в подходах государств к коллизионному вопросу в сфере ИС. Инструментом преодоления этих противоречий становятся процессы международной гармонизации.

Выводы. Коллизионное регулирование отношений в сфере интеллектуальной собственности находится в состоянии динамичного развития, обусловленного противоречием между территориальным характером прав и экстерриториальным характером их использования. Значимым вектором развития международного частного права в сфере интеллектуальной собственности стала международная гармонизация. Незавершенность межгосударственных инициатив

по унификации была компенсирована продуктивной работой экспертного сообщества по созданию частноправовых кодификаций. Они сформировали полноценную модель регулирования, предлагающую специализированные подходы ко всем ключевым категориям частноправовых отношений в сфере ИС. Национальные законодательства, включая российское, демонстрируют смешанный подход, сочетая материально-правовые нормы с фрагментарным коллизионным регулированием; в перспективе можно ожидать сближения с подходами, предложенными в актах гармонизации.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, коллизионное регулирование, коллизионные механизмы, лицензионные договоры, международная унификация, международная гармонизация, международное частное право, международные соглашения

Для цитирования: Арзуманян А. Б. Интеллектуальная собственность в международном частном праве: вопросы коллизионного регулирования, унификации и гармонизации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 4. С. 67–74. EDN FDYNTV

Original article

Intellectual property in private international law: issues of conflict of laws regulation, unification and harmonization

Anna B. Arzumanyan

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,
rumi12@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4182-0884>

Abstract

Introduction. Intellectual property has become one of the key assets of the global economy in the 21st century. Its cross-border nature, due to the international division of labor, digitalization and widespread use of IP objects on the Internet, comes into fundamental conflict with the territorial principle that historically underlies its legal protection, which creates difficulties in conflict-of-laws regulation. Conflict of laws issues in private international law are resolved both at the level of national conflict of laws regulation and at the international level. A special place is given to such key processes as the unification and harmonization of law.

Purpose. The article provides a comprehensive analysis of the current state of conflict-of-laws regulation of relations in the field of intellectual property, as well as the role of international unification and harmonization in overcoming legal uncertainty in the context of the growing cross-border exchange of intellectual property rights (IP).

Methods. The work uses general and special methods of scientific knowledge: the method of systematic and logical analysis, formal legal, historical, legal and comparative legal methods.

Results. In the digital age, the territorial principle faces a special problem: the use of an IP object on the Internet is by its nature cross-border and ubiquitous. A violation initiated in one jurisdiction can instantly cause harm in dozens of others. This raises difficult issues of localization of the violation and determination of the applicable law. There are three main groups of IP relations that need conflict-of-laws regulation: intellectual statute (recognition, effect, scope of IP rights); contractual obligations from IP rights; non-contractual (tort) obligations related to the violation of IP rights. National legislation demonstrates, as a rule, the fragmentation of conflict-of-laws regulation; attempts at international unification face insoluble contradictions in the approaches of States to the conflict-of-laws issue in the field of IP. The processes of international harmonization are becoming a tool for overcoming these contradictions.

Conclusions. Conflict-of-laws regulation of relations in the field of intellectual property is in a state of dynamic development due to the contradiction between the territorial nature of rights and the extraterritorial nature of their use. International harmonization has become a significant vector in the development of private international law in the field of intellectual property. The incompleteness of interstate unification initiatives was offset by the productive work of the expert community on the creation of private law codifications. They have formed a full-fledged regulatory model offering specialized approaches to all key categories of private law relations in the field of IP. National legislation, including Russian legislation, demonstrates a mixed approach, combining substantive legal norms with fragmented conflict-of-laws regulation; in the future, we can expect convergence with the approaches proposed in the harmonization acts.

Keywords: intellectual property, conflict of laws regulation, conflict of laws mechanisms, licensing agreements, international unification, international harmonization, private international law, international agreements

For citation: Arzumanyan A. B. Intellectual property in private international law: issues of conflict of laws regulation, unification and harmonization. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2025;(4):67–74 (In Russ.). EDN FDYNTV

Введение

Интеллектуальная собственность (ИС) в XXI веке стала одним из ключевых активов глобальной экономики. Ее трансграничный характер, обусловленный международным разделением труда, цифровизацией и повсеместным использованием объектов ИС в сети Интернет, вступает в фундаментальное противоречие с территориальным принципом, исторически лежащим в основе ее правовой охраны. Согласно этому принципу, исключительные права действуют лишь в пределах того государства, где они были признаны или зарегистрированы.

Нематериальный характер ИС и территориальный принцип ее охраны порождает сложности коллизионного регулирования. В общем виде коллизионное регулирование ИС направлено на разрешение следующих вопросов: право какого государства применяется к возникновению прав ИС, их объему, нарушению и договорным обязательствам в отношении объектов ИС; суд какого государства обладает компетенцией по рассмотрению трансграничных споров в этой области; как осуществляется признание и исполнение иностранных судебных решений по таким спорам¹.

Разрешение этих вопросов в международном частном праве происходит как на уровне национального коллизионного регулирования, так и на международном уровне. Особое место отводится таким ключевым процессам, как унификация и гармонизация права. Если унификация, направленная на создание обязательных международно-правовых норм, долгое время не приносила достаточных результатов в области ИС, то гармонизация, как более гибкий процесс сближения правовых подходов, доказала свою практическую значимость, немаловажную роль в этом сыграли частноправовые кодификации.

Методы. В работе использованы общие и специальные методы научного познания: метод системного и логического анализа, формально-юридический, историко-правовой и сравнительно-правовой методы.

Результаты и обсуждение

Коллизионное регулирование в сфере ИС неразрывно связано с территориальным принципом, закрепленным в ключевых международных договорах, таких как Парижская конвенция по охране промышленной собственности (1883 г.) и Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений (1886 г.). Суть его заключается в том, что патент или товарный знак, зарегистрированный в одной стране, не имеет силы в другой; охрана авторского права, хотя и возникает автоматически, также ограничена территорией конкретного государства (принцип независимой охраны), что создает значительные препятствия для международной торговли и инноваций.

В цифровую эпоху территориальный принцип сталкивается с особой проблемой: использование объекта ИС в сети Интернет по своей природе является трансграничным и повсеместным. Нарушение, начатое в одной юрисдикции, может мгновенно причинить вред в десятках других. Это порождает сложные вопросы локализации нарушения и определения применимого права. Основная задача международного частного права в сфере ИС – разработать такие коллизионные механизмы, которые, признавая территориальность, могли бы адекватно реагировать на трансграничный характер современных экономических отношений.

Применимое право. Коллизионное регулирование отвечает на вопрос о том, право какого государства подлежит применению к тем или иным отношениям, связанным с ИС. В свою очередь, можно выделить три основные группы отношений в сфере ИС, нуждающиеся в коллизионном регулировании: интеллектуальный статут (признание, действие, объем прав ИС); договорные

¹ Вопрос о признании и исполнении иностранных судебных решений по спорам из ИС вынесен за рамки настоящей статьи.

обязательства из прав ИС; внедоговорные (деликтные) обязательства, связанные с нарушением прав на ИС [1, с. 10].

В мировой практике доминируют несколько основных коллизионных привязок. *Lex loci protectionis* (право страны, где испрашивается охрана) – основная и наиболее распространенная привязка, применяемая к вопросам существования, объема, срока действия и нарушения исключительных прав. Ее логика напрямую вытекает из территориального принципа: поскольку право действует на определенной территории, то и его содержание должно определяться правом этой территории. В частности, такой подход отражен в Регламенте Рим II 2007 г. (статья 8).

Lex fori (право страны суда). Данная привязка означает применение права той страны, где испрашивается защита прав на ИС. Этот подход отражен, в частности, в законодательстве стран ЕАЭС (ст. 1132 ГК Республики Беларусь; ст. 1291 ГК Республики Армения), в Законе Венгрии «О международном частном праве» 2017 г. В научной литературе отмечается, что применение этой привязки не связано с любыми мерами защиты. Поскольку речь может идти и о внесудебных мерах защиты, то к таким случаям применяется привязка *lex loci protectionis*.

Lex contractus (право, применимое к договору). Для лицензионных договоров, договоров об отчуждении прав и других соглашений в сфере ИС действуют общие принципы автономии воли сторон. Стороны могут выбрать применимое право, хотя это право часто ограничивается императивными нормами страны охраны (*lex loci protectionis*) в вопросах, касающихся собственно интеллектуальных прав.

Lex originis (право страны происхождения). Эта привязка предлагает применять право страны, где произведение было создано или объект ИС был впервые зарегистрирован. Несмотря на свою привлекательность для упрощения регулирования, она имеет ограниченное применение, так как противоречит устоявшейся практике территориальности.

Lex loci delicti commissi (право страны, где совершено нарушение). В отношении внедоговорных обязательств в сфере ИС действует общая для гражданско-правовых деликтов коллизионная привязка, если только национальным законом или международным обязательством не определяется специальное правило для деликтов в сфере ИС. Так, например, Кодекс МЧП Болгарии 2005 года определяет на этот случай привязку *lex loci protectionis* (статья 110 Кодекса).

Российское законодательство демонстрирует фрагментарный подход к коллизионному регулированию ИС, что проявляется в сочетании материально-правовых и коллизионных норм в части 4 ГК РФ. Так, личные неимущественные права иностранных авторов охраняются на основе национального режима без требования взаимности (п. 1 ст. 1231 ГК РФ), что выходит за рамки международных обязательств России. Исключительные (имущественные) права признаются в одностороннем порядке в строго определенных случаях: для произведений, обнародованных в России, или для произведений российских граждан (ст. 1256 ГК РФ).

Коллизионные нормы части 4 ГК РФ действуют для определения автора произведения, созданного и обнародованного за рубежом и для определения объема охраны. Так, п. 3 статьи 1256 ГК РФ устанавливает, что в случаях, когда охрана предоставляется на основании международного договора, автор определяется по праву страны, где имел место юридический факт, послуживший основанием для приобретения авторских прав (*lex loci actus*). Фактически это означает применение права страны, где произведение было создано.

Объем охраны объектов ИС определяется в соответствии с п. 2 статьи 1231 ГК РФ: это односторонняя коллизионная норма, устанавливающая, что содержание исключительного права, его ограничения и способы защиты определяются российским правом, если международным договором не предусмотрено иное. Данная норма подчеркивает приверженность законодателя территориальному принципу. При этом в научной литературе справедливо обращается внимание на не совсем удачную формулировку о «признании» исключительного права «в соответствии с международным договором» [2, с. 50–53]. В то же время российский законодатель избегает комплексного решения коллизионной проблемы в разделе VI ГК РФ (статут ИС – регулирование договорных обязательств – регулирование внедоговорных обязательств). В ходе реформы гражданского законодательства 2012–2014 гг. не был воплощен в жизнь проект о введении в часть 3 ГК РФ отдельной статьи, посвященной статуту ИС – проект статьи 1207.2, определявший применимое право

к исключительным правам на ИС. В действующей редакции части 3 ГК РФ коллизионная привязка устанавливается только в отношении договорных обязательств о распоряжении исключительными правами на ИС (пп. 6-8 статьи 1211 ГК РФ).

В отношении внедоговорных обязательств действует общее правило статьи 1219 ГК РФ (*lex loci delicti commissi*), а также субсидиарное правило *lex loci delicti damni* (право страны причинения вреда). Согласно п. 4 статьи 1219 ГК РФ стороны также могут заключить соглашение о выборе права после того, как деликт совершен. Остается нерешенным вопрос, насколько это правило применимо к деликтам из нарушения прав ИС с учетом территориального принципа охраны. Так, например, Закон Швейцарии «О международном частном праве» 1987 г. прямо допускает возможность выбора права сторонами спора из прав ИС, в то время как Регламент Рим II исключает такую возможность.

Подсудность. Решение коллизионного вопроса о юрисдикции суда, компетентного рассматривать споры в области прав ИС, зависит от множества факторов, таких как основания иска; коллизионные нормы законодательства страны суда; нормы международных и региональных соглашений; наличие соглашения сторон о выборе суда; постоянное место жительства ответчика. Если спор бывает связан одновременно с несколькими юрисдикциями, например, ответчики постоянно проживают в разных государствах, иск может быть предъявлен по месту постоянного проживания любого из них.

Пример международной унификации в этой области – Гаагская конвенция о соглашениях о выборе суда 2005 г. К ее недостаткам можно отнести ограниченную сферу применения: Конвенция распространяется только на исключительные соглашения о выборе суда; из ее сферы действия прямо исключается ряд споров об ИС (статья 2(2)). Пример региональной унификации – Регламент «Брюссель I bis» 2012 г.: определяет юрисдикцию только в отношении судов стран ЕС; устанавливает принцип рассмотрения дел по месту домицилия ответчика и принцип тесной связи; определяет исключительную юрисдикцию по делам, связанным с регистрацией и действительностью прав на объекты ИС, нуждающиеся в регистрации.

При решении вопроса о подсудности особое внимание уделяется исключительной подсудности споров об ИС, что рассматривается как соблюдение принципа территориальности¹. Так, Регламент «Брюссель I bis» устанавливает исключительную юрисдикцию по делам о регистрации и действительности патентов, товарных знаков и других объектов ИС, которые нуждаются в регистрации или депонировании. Подобный подход использует и национальный законодатель. Например, в соответствии с АПК РФ подсудность споров в отношении тех объектов ИС, которые нуждаются в обязательной государственной регистрации, исключительно российская (п. 1 статьи 248).

Наиболее сложными вопросы юрисдикции становятся в случаях споров, связанных с нарушениями в сети Интернет, когда нарушение и его последствия имеют место на территории разных государств. Например, для определения связи спора с юрисдикцией конкретного государства могут устанавливаться различные «связующие факторы», такие как место нахождения нарушителя; место причинения ущерба; государства, в которых пользователи имеют доступ к объекту ИС (например, к объекту авторского права); местонахождение сервера и другие². В таких случаях суды могут сталкиваться с необходимостью предварительно сделать вывод о том, имело ли место нарушение на территории конкретного государства.

Унификация. Следует отметить, что процессы международной унификации, сыгравшие большую роль в области материально-правового регулирования ИС, совершенно иначе проявляют себя в коллизионном регулировании. Как отмечает С. Крупко, попытки унификации коллизионных норм и норм международного гражданского процесса в сфере ИС под эгидой Гаагской конференции по международному частному праву и других организаций остаются в значительной степени незавершенными [3, с. 113–114]. Разработка Конвенции о юрисдикции и иностранных решениях по гражданским и коммерческим делам, а также специального проекта Конвенции по ИС (2001 г.) столкнулась с непреодолимыми разногласиями между государствами по ключевым вопросам: применимое право к нарушениям в сети Интернет; международная

¹ Когда международное частное право пересекается с правом интеллектуальной собственности. Руководство для судей. WIPO, НССН. 2019. 110 с. // https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo_pub_1053.pdf

² Там же.

подсудность при множественности нарушителей; признание и исполнение решений, затрагивающих действительность национальных патентов и товарных знаков.

Успехи унификации носят точечный характер и касаются в основном процедурных аспектов (Договор о патентной кооперации, Мадридская система регистрации товарных знаков) или узких коллизионных вопросов (например, определение права на евразийский патент для служебных изобретений в Евразийской патентной конвенции). В научной литературе так и не сложилось единого мнения по поводу существования коллизионной привязки в статье 5(2) Бернской конвенции [2, с. 39–42; 4, с. 11–12]. Принцип территориальности прав ИС, заложенный в международных конвенциях по ИС, все чаще подвергается критике в научной литературе под влиянием практической сложности его реализации в условиях развития цифровой экономики и роста интеграционных процессов, неизбежно и повсеместно затрагивающих вопросы использования этих прав [5, с. 106–116]. Тем не менее, практика международной унификации показывает, что вопросы ИС слишком «чувствительны» для национальных экономик и правовых систем. Это связано с особым интересом государств в охране ИС, с вопросами не только правового, но также технологического и информационного суверенитета [6, с. 446–449; 7, с. 39–44].

Гармонизация. Гармонизация представляет собой более мягкий процесс сближения правового регулирования, который может осуществляться не только через межгосударственные договоры, но и через негосударственные регуляторы (модельные законы, руководящие принципы, доктринальные разработки). В зависимости от этого различают два вида гармонизации: активную – путем имплементации гармонизированных принципов в национальное законодательство и пассивную – через влияние на судебную и арбитражную практику, когда суды используют эти принципы для толкования норм и восполнения пробелов в праве. Именно гармонизация стала доминирующим способом преодоления фрагментации в регулировании трансграничных отношений в сфере ИС.

Ключевой вклад в гармонизацию ИС в международном частном праве вносят такие международные организации, как:

1) **ВОИС**, которая сыграла ключевую роль в выявлении «зон разногласий». Принятые в 1999–2001 гг. Совместные рекомендации (по общеизвестным знакам, знакам в Интернете, лицензиям на товарные знаки) хотя и не содержат коллизионных норм, но четко обозначили материально-правовые вопросы, по которым государства не смогли достичь консенсуса (например, критерии нарушения в сети Интернет, правовой статус лицензий). Эти «чувствительные» вопросы напрямую влияют на формирование коллизионных привязок. Кроме того, ВОИС инициировала масштабные исследовательские проекты и публикации (например, доклад Эндрю Кристи 2015 г. об онлайн-нарушениях, Руководство для судей 2019 г.), которые заложили доктринальную основу для гармонизации;

2) **Гаагская конференция по международному частному праву**. Несмотря на отсутствие специализированной конвенции по ИС, вопросы ИС учитывались при разработке документов общего характера, таких как Гаагские принципы о выборе применимого права к международным коммерческим договорам 2015 года. В комментариях к ним прямо указано, что они распространяются на лицензионные договоры и договоры о передаче технологий, что подтверждает применимость общих принципов автономии воли к контрактам в сфере ИС;

3) **ЮНСИТРАЛ**. Комиссия ООН по праву международной торговли способствует гармонизации через призму коммерческого права. В Модельном законе по обеспеченным сделкам 2016 г. содержится специальная статья 99, устанавливающая коллизионные правила для обеспечительных прав в отношении ИС, в основном отдавая предпочтение праву страны, где ИС охраняется (*lex loci protectionis*).

Наиболее значимым проявлением международной гармонизации стало создание частноправовых кодификаций, детализированных сводов принципов, разработанных ведущими мировыми экспертами и научными центрами¹. Анализ этих принципов позволяет говорить

¹ Intellectual Property: Principles Governing Jurisdiction, Choice of Law, and Judgments in Transnational Disputes. American Law Institute: Intellectual Property ; St. Paul, MN : American Law Institute, 2008.; European Max Planck Group. (2011). Principles on conflict of laws in intellectual property (CLIP); Private International Law Association of the Republic of Korea and Japan. (2010). Joint Proposal on the Principles of private international law on intellectual property rights.; International Law Association. (2020). Guidelines on intellectual property and private international law ("Kyoto Guidelines").

о сложившейся системе коллизионно-правового регулирования, состоящей из следующих ключевых групп отношений [8, с. 152]: содержание и сфера основной коллизионной привязки (*lex loci protectionis*); первоначальное правообладание (initial ownership); передаваемость прав; договорные отношения (лицензии, отчуждение, трудовые договоры); автономия воли сторон при нарушении прав; случаи, когда компетентны несколько правопорядков; нарушения, затрагивающие несколько стран (множественные и повсеместные нарушения); последующие (вторичные) нарушения; средства защиты нарушенных прав и их объем.

Не обладая обязательной юридической силой, частноправовые кодификации служат важным инструментом пассивной гармонизации. На практике они используются судьями и арбитрами для толкования норм, восполнения пробелов и выработки единообразных подходов; законодателями в качестве модельного акта при реформе национального законодательства, а также участниками оборота для выработки правовой позиции по сложным трансграничным спорам. Особое внимание следует уделить *Киотским руководящим принципам 2020 г.* Они разработаны Комитетом Ассоциации международного права и представляют собой наиболее современный, универсальный и сбалансированный документом, синтезирующий опыт предыдущих кодификаций. Киотские руководящие принципы предлагают детализированный алгоритм для разрешения споров о повсеместных нарушениях в Интернете, включая правила о юрисдикции, территориальной сфере действия судебных запретов и координации параллельных процессов.

Несмотря на значительный прогресс, достигнутый благодаря гармонизации, ряд проблем остается актуальным. Среди перспективных направлений дальнейшего развития можно выделить такие проблемные области, как:

споры, связанные с большими данными, искусственным интеллектом, невзаимозаменяемыми токенами (NFT) и цифровыми объектами искусства: коллизионные подходы к ним только начинают формироваться;

возможность передачи споров, связанных с действительностью патентов и товарных знаков, в международный коммерческий арбитраж остается дискуссионным, хотя частноправовые кодификации (Киотские принципы) закрепляют такую возможность;

поиск оптимального баланса между территориальностью и универсальностью: развитие таких концепций, как «право страны наиболее тесной связи» и автономия воли сторон применительно к договорам в сфере ИС, свидетельствует о движении в сторону большей гибкости.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

Коллизионное регулирование отношений в сфере ИС находится в состоянии динамичного развития, обусловленного противоречием между территориальным характером прав и экстерриториальным характером их использования.

Значимым вектором развития международного частного права в сфере ИС стала международная гармонизация. Частноправовые кодификации сформировали полноценную модель регулирования, предлагающую специализированные подходы ко всем ключевым категориям отношений: правам *in rem*, договорным и внедоговорным обязательствам.

Национальные законодательства, включая российское, демонстрируют смешанный подход, сочетающий материально-правовые нормы с фрагментарным коллизионным регулированием; в перспективе можно ожидать сближение с подходами, предложенными в актах гармонизации.

Таким образом, современное коллизионное регулирование интеллектуальной собственности представляет собой многоуровневую систему, в которой национальные нормы, международные договоры и, что особенно важно, негосударственные регуляторы взаимодействуют, стремясь обеспечить правовую определенность и эффективную защиту прав в условиях цифровой экономики и технологических вызовов.

Список источников

1. Суспицына М. В. Коллизионное регулирование отношений интеллектуальной собственности: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.03: М., 2013. 24 с.
2. Крупко С. И. Деликтные обязательства в сфере интеллектуальной собственности в международном частном праве: монография. М.: Статут, 2018. 279 с.

3. Крупко С. И. Развитие международного частного права в сфере интеллектуальной собственности: опыт международной унификации // Международное правосудие. 2023. № 2. С. 92–114. DOI: 10.21128/2226-2059-2023-2-92-114
4. Тиунова А. И. Нарушение исключительных прав в сети Интернет: сравнительный анализ регулирования по вопросу применимого права. // Цифровое право. 2022. № 3(2). С. 8–24. DOI: 10.38044/2686-9136-2022-3-2-8-24
5. Моргунова Е. А., Шахназаров Б. А. Право интеллектуальной собственности в условиях развития новых технологий: монография. Москва: Норма, ИНФРА-М, 2023. 152 с.
6. Проблемы унификации международного частного права: монография / Н.В. Власова, Н.Г. Доронина, Т.П. Лазарева и др.; отв. ред. Н.Г. Доронина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИЗиСП, Юриспруденция, 2023. 672 с.
7. Матюк Ю. С. Правовая политика в сфере использования систем искусственного интеллекта в контексте обеспечения технологического суверенитета страны // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2024. Т. 11. № 1. С. 39-44. DOI 10.18522/2313-6138-2024-11-1-5
8. Шахназаров Б. А. Общая характеристика системы коллизионно-правового регулирования объектов промышленной собственности // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 2. С. 144-155. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.99.2.144-155

References

1. Suspitsyna M. V. *Conflict of laws regulation of intellectual property relations*: abstract of the dissertation of the Candidate of Law: 12.00.03: Moscow, 2013. 24 p. (In Russ.)
2. Krupko S. I. *Tort obligations in the field of intellectual property in private international law*: a monograph. Moscow: Statute, 2018. 279 p. (In Russ.)
3. Krupko S. I. Development of private international law in the field of intellectual property: experience of international unification. *International justice*. 2023;(2):92–114. DOI: 10.21128/2226-2059-2023-2-92-114. (In Russ.)
4. Tiunova A. I. Violation of exclusive rights on the Internet: a comparative analysis of regulation on the issue of applicable law. *Digital law*. 2022;3(2):8–24. DOI: 10.38044/2686-9136-2022-3-2-8-24. (In Russ.)
5. Morganova E. A., Shakhnazarov B. A. *Intellectual property law in the context of the development of new technologies*: monograph. Moscow: Norma, INFRA-M; 2023. 152 p. (In Russ.)
6. *Problems of unification of private international law*: a monograph / N.V. Vlasova, N.G. Doronina, T.P. Lazareva et al.; edited by N.G. Doronin. 2nd ed., revised and additional. Moscow: IZiSP, Jurisprudence; 2023. 672 p. (In Russ.)
7. Matyuk Yu. S. Legal policy in the field of the use of artificial intelligence systems in the context of ensuring the technological sovereignty of the country. *Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University*. 2024;11(1):39–44. DOI: 10.18522/2313-6138-2024-11-1-5. (In Russ.)
8. Shakhnazarov B. A. General characteristics of the system of conflict-of-laws regulation of industrial property objects. *Actual problems of Russian law*. 2019;(2):144–155. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.99.2.144-155. (In Russ.)

Информация об авторе

А. Б. Арзуманян – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права юридического факультета ЮФУ.

Information about the author

A. B. Arzumanyan – Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of International Law at the Law Faculty, Southern Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 17.10.2025; одобрена после рецензирования 20.11.2025; принятая к публикации 21.11.2025.

The article was submitted 17.10.2025; approved after reviewing 20.11.2025; accepted for publication 21.11.2025.

ПРОБЛЕМЫ СЕМЕЙНОГО ПРАВА

Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 4. С. 75–82
North Caucasus Legal Vestnik. 2025;(4):75–82

Научная статья
УДК 347.61
EDN CTNPVM

Продвижение национальной системы ценостного цивилизационного развития российского семейного права¹

Ольга Григорьевна Зубарева¹, Лика Алексеевна Чуприянова²

^{1,2}Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Южно-Российский институт управления, Ростов-на-Дону, Россия

¹zubareva-og@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-007-0525-8659>

²lchupriyanova@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-5584-7898>

Аннотация

Введение. В статье рассматриваются пути интеграции ценностно-цивилизационного подхода в семейное право Российской Федерации. Акцент сделан на ключевой роли семьи в российской цивилизационной модели и на методологическом значении учета традиционных духовно-нравственных ценностей в правотворчестве.

Цель. Разработка предложений по совершенствованию механизма продвижения национальной системы ценностного цивилизационного развития российского семейного права.

Методы. Исследование базируется на цивилизационно-ценостном подходе, что позволило учесть уникальные культурно-исторические особенности российской правовой системы. Проанализированы современные научные труды, рассматривающие сущность традиционных семейных ценностей в российском обществе.

Результаты. Выявлено, что семья в российской цивилизационной модели обладает статусом абсолютной ценности, а её правовая охрана должна осуществляться с опорой на традиционные духовно-нравственные ценности общества.

Предложены инициативы: включение ценностного цивилизационного подхода в качестве методологической и аксиологической основы в стратегические документы, определяющие направления семейной политики Российской Федерации; дополнение пункта 3 статьи 1 Семейного кодекса Российской Федерации принципами, выражающими традиционные ценности; закрепление в концептуальных основах семейного законодательства приоритета охраны традиционных семейных ценностей; внедрение системы сертификации цифрового контента для детей на основе традиционных ценностей, призванной оградить подрастающее поколение от деструктивного информационного воздействия; создание механизма межведомственной координации органов государственной власти в сфере семейной политики и воспитания, обеспечивающего согласованное продвижение ценностей в нормативном регулировании семьи.

Выводы. Укрепление традиционных основ семейного права посредством ценностного цивилизационного подхода будет способствовать консолидации общества, защите интересов семьи и детей, а также реализации стратегических национальных приоритетов в демографической и социально-нравственной сферах. Полученные результаты могут быть использованы при совершенствовании законодательства о семье и информационной безопасности детей, формировании государственной семейной политики, основанной на духовно-нравственных ценностях российского общества.

Ключевые слова: семья, традиционные ценности, цивилизационный подход, семейное право, семейная политика, духовно-нравственное воспитание, сохранение семьи, поддержка семей, информационная безопасность, межведомственная координация

Для цитирования: Зубарева О. Г., Чуприянова Л. А. Продвижение национальной системы ценностного цивилизационного развития российского семейного права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 4. С. 75–82. EDN CTNPVM

Original article

Promotion of the national system of value-based civilizational development of Russian family law

Olga G. Zubareva¹, Lika A. Chupriyanova²

^{1,2}Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

South-Russia Institute of Management, Rostov-on-Don, Russia,

¹zubareva-og@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-007-0525-8659>

²lchupriyanova@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-5584-7898>

Abstract

Introduction. The article discusses ways to integrate a value-based civilizational approach into the family law of the Russian Federation. The emphasis is placed on the key role of the family in the Russian civilizational model and on the methodological significance of taking into account traditional spiritual and moral values in law-making.

The purpose of the study is to develop proposals for improving the mechanism for promoting the national system of value-based civilizational development of Russian family law.

Methods. The methodological basis of the research civilizational-value, which allowed taking into account the unique cultural and historical features of the Russian legal system. The article analyzes modern scientific works examining the essence of traditional family values in Russian society.

Results. It has been established that the family in the Russian civilizational model has the status of an absolute value, and its legal protection should be implemented based on the traditional spiritual and moral values of society. The following initiatives have been proposed: incorporating a value-based civilizational approach as a methodological and axiological basis in strategic documents defining the directions of family policy in the Russian Federation; supplementing paragraph 3 of Article 1 of the Family Code of the Russian Federation with principles expressing traditional values; enshrining the priority of protecting traditional family values in the conceptual foundations of family legislation; implementing a digital content certification system for children based on traditional values, designed to protect the younger generation from destructive information influences; and creating a mechanism for interdepartmental coordination of government bodies in the sphere of family policy and education, ensuring the coordinated promotion of values in the regulatory framework for the family.

Conclusions. Strengthening the traditional foundations of family law through a value-based civilizational approach will contribute to the consolidation of society, the protection of the interests of family and children, as well as the implementation of strategic national priorities in the demographic and socio-moral spheres. The results obtained can be used to improve legislation on family and information security of children, and to form a state family policy based on the spiritual and moral values of Russian society.

Keywords: family, traditional values, civilizational approach, family law, family policy, spiritual and moral education, family preservation, family support, information security, interdepartmental coordination

For citation: Zubareva O. G., Chupriyanova L. A. Promotion of the national system of value-based civilizational development of Russian family law. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(4):75–82 (In Russ.). EDN CTNPVM

Введение

Как справедливо отметил Президент Российской Федерации В. В. Путин: «Поддержка семьи, её ценностей - это всегда обращение к будущему, к поколениям, которым предстоит жить в эпоху колоссальных технологических и общественных изменений, определять судьбу России в XXI веке»¹. Эти слова отражают особое место семьи в российской цивилизационной модели. Семья, согласно традиционным представлениям, является государством в миниатюре, «отражающим все процессы, протекающие в социуме» [1, с. 71]. Исторически в России семья рассматривалась как базовая ценность, как основа полноценного общества [2, с. 311].

Укрепление института семьи и сохранение традиционных семейных ценностей является приоритетным направлением государственной политики Российской Федерации. Необходимыми условиями устойчивости любого общества выступают сохранение, защита и передача новым поколениям его базовых ценностей. Утрата духовно-нравственных ориентиров, по наблюдениям исследователей, ведет к дезорганизации и создает прямую угрозу национальной идентичности, что породило стремление реанимировать традиционные ценности в условиях глобализации [3, с. 102].

Еще в XIX веке Н. Я. Данилевский обосновал идею самобытных цивилизаций, каждая из которых развивается на основе собственных ценностей и исторических традиций [4, с. 58]. В русле данной парадигмы отечественные исследователи утверждают, что каждой цивилизации соответствует своя правовая система, отражающая уникальные черты данного культурно-исторического типа [5, с. 25]. Так, российскому правопорядку присущ специфический баланс коллективных и индивидуальных начал, восходящий к национально-культурным ценностям. Цивилизационно-ценностный подход выступает сегодня методологической основой для осмысливания права с учетом менталитета и базовых ценностей общества.

Теоретические основы

Ценностно-цивилизационный подход основывается на признании того, что правовая система формируется в контексте определенной цивилизации и несет отпечаток ее базовых ценностей и социально-культурных установок. Классики цивилизационной теории (Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби и др.) показывали, что мировая история не сводится к единой линии прогресса, а складывается из множества локальных цивилизаций со своим своеобразием. Так, А. Тойнби насчитывал около 21 цивилизации, каждая из которых характеризовалась особым укладом и ценностями, определявшими весь общественный строй, в том числе государственно-правовые институты [6, с. 24]. В России истоки цивилизационного подхода восходят к Н. Я. Данилевскому, подчеркнувшему самобытность исторического пути России и отличия ее общественных идеалов от западноевропейских [4, с. 58]. Современные исследователи развиваются эту традицию.

Так, М. В. Немытина обосновывает преимущества цивилизационно-культурного подхода как новой исследовательской парадигмы, соединяющей понятия «цивилизация» и «культура» для более глубокой интерпретации правовых явлений [7, с. 29]. И. Н. Сенин и И. Ю. Гольтяпина, исследуя типологию государственно-правовых систем, подчеркивают, что не столько форма, сколько ценностно-содержательное наполнение права позволяет выделять виды правовых систем разных цивилизаций [5, с. 27]. Иными словами, право каждой цивилизации основано на преобладающих в данном обществе представлениях о справедливости, порядке, соотношении общественного и личного. В частности, для российской правовой культуры характерно усиленное внимание к коллективным (общественным, семейным) ценностям при одновременном признании прав личности – поиск разумного баланса между ними составляет одну из актуальных задач национального права [5, с. 28].

Центральным элементом российского ценностно-цивилизационного кода выступают традиционные духовно-нравственные ценности, прежде всего семейные. Под традиционными ценностями в широком смысле понимаются наиболее значимые, фундаментальные нормы и идеалы,

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 «Послание Президента Федеральному Собранию» // Российская газета. № 7. 16.01.2020.

унаследованные от предыдущих поколений и сохраняющие свое регулятивное значение для общества. Они складываются исторически и передаются через культурную преемственность. В семейном контексте к таким ценностям относят брак как союз мужчины и женщины, заботу о детях и родителях, любовь и верность, уважение к старшим, многодетность и преемственность поколений. Российская традиция исторически противопоставляла ценности соборности, приоритета общего блага, самопожертвования – западному индивидуализму и утилитаризму [8, с. 205].

Следует, однако, избегать упрощенного противопоставления ценностей: как отмечает П. А. Якушев, и российская, и западная культуры разделяют общечеловеческие христианские идеалы – представления о добре и зле, достоинстве, справедливости, ценности жизни, брачной верности, милосердии [8, с. 206]. Вместе с тем именно традиционные ценности придают каждой цивилизации уникальный облик. Их утрата рассматривается как угроза национальной самобытности и демографической безопасности.

Н. А. Шаожева указывает, что в конце XX века в условиях глобализации утрата традиционных базовых ценностных комплексов и практик взаимодействия стала прямой угрозой для выживания социума, поэтому естественной реакцией стало стремление общества вернуть утраченную ценностную опору [3, с. 102]. Результатом в современной России стало возрождение риторики защиты традиционных ценностей как основы национального развития.

Правоведы подчеркивают, что понятие «традиционные ценности» должно получить четкое определение в юридическом смысле. По мнению Е. И. Галышиной и К. М. Богатырева, традиционные духовно-нравственные ценности можно структурировать, разделив на «ядерные» – наиболее значимые и разделяемые всем обществом ценности, которые прямо поддерживаются и охраняются правом, и периферийные, характерные для отдельных социальных групп [9, с. 147]. К числу ядерных традиционных ценностей российского общества, закрепленных в российских нормативных актах, относятся такие понятия, как жизнь и достоинство человека, права и свободы, семья, труд, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству, историческая память, единство народов России, духовность, гуманизм и др.

Ценностно-цивилизационный подход предусматривает сознательное обращение к фундаментальным для российской цивилизации духовно-нравственным началам при выработке и реализации правовых норм. В сфере семейного права это означает приоритетную защиту и поддержку традиционных семейных ценностей как основы общественного блага. Учитывая изложенные теоретические предпосылки, перейдем к конкретным результатам исследования - предложениям, нацеленным на практическое укрепление рассматриваемого подхода.

Результаты

В эпоху глобализации перед правовой наукой встали новые вызовы, связанные с интенсификацией взаимодействия разных правовых систем, стандартизацией норм и транснациональными проблемами. Глобализация зачастую понимается как процесс унификации, выработки единых «глобальных» правовых стандартов, распространяющихся на все общества [10, с. 213]. Однако подобная унификация нередко наталкивается на сопротивление, корни которого лежат в цивилизационных различиях.

В современных условиях глобализации и цифровизации возрастает значение ценностно-ориентированных мер в семейном праве. В результате исследования сформулированы следующие ключевые предложения, направленные на продвижение ценностного цивилизационного подхода в семейно-правовом регулировании.

1. Включить ценностный цивилизационный подход в качестве методологической и аксиологической основы в Концепцию развития семейного законодательства Российской Федерации, что обеспечит интеграцию традиционных ценностей в механизмы правового регулирования. Современное состояние российской правовой науки в области семейного права демонстрирует методологический разрыв между динамикой общественных трансформаций и концептуальной основой правового регулирования. На фоне демографического спада, кризиса семейных институтов и идеологической конкуренции в глобальной среде усиливается осознание того, что правовое воздействие на семью не может быть эффективным без обращения к её аксиологической

природе. Именно в этих условиях особую актуальность приобретает ценностно-цивилизационный подход, позволяющий интерпретировать семейное право не как совокупность норм, а как правовую проекцию культурной и духовной идентичности общества.

2. Дополнить пункт 3 статьи 1 Семейного кодекса Российской Федерации дополнительными принципами семейного права, выражающими традиционные ценности: межпоколенческая преемственность и культурно-духовная связь родителей и детей. Предлагаемые изменения направлены на аксиологическую конкретизацию основ семейного законодательства в соответствии с положениями Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809), а также с учётом доктринального развития цивилизационного подхода в семейном праве¹.

3. Закрепить концептуальную модель механизма правовой охраны традиционных семейных ценностей, построенную на трёх взаимодополняющих уровнях:

1) Нормативный уровень: разработка и закрепление в федеральном законодательстве понятийных конструкций («традиционные семейные ценности», «ценности родительства», «духовно-нравственное единство семьи») и соответствующих принципов, например, принципа приоритета воспитания в семье.

2) Институциональный уровень: включение функций охраны ценностей в компетенцию уполномоченных органов (Минпросвещения, Роскомнадзор, органы опеки и др.) через нормативные акты и межведомственные программы, что создаёт условия для не только декларативной, но и процедурной охраны ценностного содержания семейных отношений.

3) Воспитательно-просветительский уровень: правовое сопровождение процессов формирования ценностного мировоззрения через образовательные программы, медиаполитику, поддержку института наставничества, формирование позитивной цифровой среды.

4. Ввести систему сертификации цифрового контента для детей на основе традиционных семейных и духовно-нравственных ценностей, включающей правовые критерии контроля, экспертную оценку, и обязательства цифровых платформ, с целью создания безопасной информационной среды и превентивной охраны института семьи в условиях цифровизации. Такая система должна включать:

- установление правовых критериев соответствия семейным и духовно-нравственным ценностям, основанных на официально принятых актах государственной политики;
- создание экспертного органа или аккредитованных экспертных центров, оценивающих контент (видео, игры, медиаформаты) на предмет их соответствия этим критериям;
- присвоение маркировки (например, «одобрено для семейного просмотра» или «укрепляющее семейные ценности»), аналогично возрастной маркировке.

Дополнительно предлагается закрепление в законодательстве обязанности операторов цифровых платформ (включая социальные сети, видеохостинги, агрегаторы) обеспечивать фильтрацию контента с учётом новых сертификационных требований.

5. Закрепить продвижение системы ценностного цивилизационного развития семейного права как межведомственную задачу, реализуемую через координацию правотворческой, образовательной, культурной и информационной деятельности государства с соответствующей нормативной фиксацией механизмов межотраслевого взаимодействия в стратегических документах.

В настоящее время вопросы семейной политики затрагивают компетенцию множества ведомств. Отсутствие скординированного подхода приводит к фрагментарности и противоречивости мер, предпринимаемых в отношении семьи. Например, в образовательной сфере внедряются программы духовно-нравственного воспитания, тогда как информационная среда продолжает транслировать противоположные установки. Для преодоления дисбаланса необходима единая ценностная стратегия и тесное взаимодействие всех ведомств, отвечающих за реализацию семейной политики.

¹ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. 14.11.2022. № 46. Ст. 7977.

Обсуждение

Анализ полученных результатов позволяет сделать вывод о необходимости дальнейшего развития семейного права Российской Федерации на основе ценностно-цивилизационного подхода. Данный подход обеспечивает связь правового регулирования с культурно-историческими особенностями общества и отражает специфику восприятия семьи в российской цивилизационной модели. В условиях глобализации и цифровизации сохранение традиционных ценностей становится не только культурной, но и правовой задачей. Включение ценностных оснований в стратегические документы и нормативные акты представляется обоснованным шагом к устранению этого разрыва.

Предлагаемое закрепление в статье 1 Семейного кодекса РФ принципов межпоколенческой преемственности и духовной связи родителей и детей формирует аксиологическую рамку права и соотносится с целями государственной политики по укреплению традиционных ценностей. Модель правовой охраны семейных ценностей, включающая нормативный, институциональный и воспитательно-просветительский уровни, демонстрирует возможность комплексного регулирования, где нормы, государственные структуры и образовательные практики действуют в согласованной логике.

Отдельное значение приобретает инициатива сертификации цифрового контента. Введение правовых критериев и экспертных процедур создаёт условия для системной защиты семьи в условиях цифровизации и позволяет дополнить существующие механизмы информационной безопасности аксиологическим содержанием. В перспективе это может стать элементом взаимодействия семейного права и медиаполитики.

Необходимость межведомственной координации подтверждается наблюдаемой фрагментарностью мер в образовательной, культурной и социальной сферах. Формирование специализированного органа или комиссии обеспечило бы согласование подходов, проведение экспертизы законопроектов и выработку единых рекомендаций для государственных и общественных институтов.

Исследование показывает, что интеграция ценностно-цивилизационного подхода способствует уточнению концептуальных основ семейного права и открывает возможности для формирования целостной системы правовой охраны семьи.

В рамках рассмотрения данных предложений стоит учитывать, что речь идет о защите тех ценностных основ, которые уже закреплены в Конституции и разделяются большинством российского общества. Российское законодательство традиционно признает особую охрану семьи, материнства, детства (ст. 38 Конституции РФ¹, ст. 1 Семейного кодекса РФ²).

Реализация предложенных инициатив позволит не только повысить эффективность защиты семьи, но и укрепить национально-культурный суверенитет, обеспечив передачу будущим поколениям позитивных ценностных ориентиров.

Выходы

Проведенное исследование подтверждает, что ценностно-цивилизационный подход способен придать семейному праву Российской Федерации целостность и устойчивость, основанную на национальных традициях. Семья, будучи ядром воспроизведения общества и носителем культуры, требует особого внимания со стороны государства. Консолидация усилий по сохранению традиционных семейных ценностей отвечает как историческому опыту России, так и современным запросам общества на поддержку семьи.

Разработанные предложения демонстрируют возможность комплексного подхода к охране семейных ценностей через закрепление аксиологических принципов, создание многоуровневой модели регулирования, адаптацию правовых инструментов к цифровой среде и координацию межведомственной деятельности.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.

² Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

Предложения соответствуют духу и букве действующего законодательства, развивая положения ст. 7, 38 Конституции РФ¹, а также стратегических документов. Их реализация позволит вывести на новый уровень защиту семейных ценностей.

Перспективным направлением остаётся разработка методик оценки результативности предлагаемых механизмов, а также сравнительный анализ практик других государств и исследование влияния цифровой среды на формирование семейных ценностей.

Список источников

1. Елисеева А. А. Семья и семейные ценности: подходы к пониманию в условиях современного права // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 3 (136). С. 67-74. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.136.3.067-074
2. Тогузава Е. Н. Нормативное развитие института пропаганды традиционных семейных ценностей // Известия Саратовского университета. 2022. № 3. С. 310-315. DOI: 10.18500/1994-2540-2022-22-3-310-315
3. Шаожева Н. А. Традиционные духовно-нравственные ценности: к проблеме определения понятия с точки зрения синергетического подхода // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2017. № 3 (77). С. 102-108.
4. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Издательство АСТ: ОГИЗ, 2023. 624 с.
5. Сенин И. Н., Гольтяпина И. Ю. Правовые системы современности в контексте цивилизационного подхода к типологии государства и права // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2022. № 1. С. 25-30. DOI: 10.21779/2224-0241-2022-41-1-25-30
6. Тойнби А., Хантингтон С. Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации. М.: Алгоритм, 2016. 292 с.
7. Немытина М. В. Цивилизационно-культурный подход в правоведении // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. №. 4 (32). 2017. С. 28-40.
8. Якушев П. А. Понятие, сущность, признаки и регулирующие свойства традиционных духовно-нравственных ценностей // Вестник Владимира юридического института. 2017. № 2 (43). С. 205-209.
9. Галяшина Е. И., Богатырев К. М. Понятие «традиционные российские духовно-нравственные ценности» в контексте обеспечения медиабезопасности в интернет-среде // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75. № 10 (191). С. 138-151. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.138-151
10. Чечурин А. М. Теоретико-правовое понимание глобализации // Молодежь и XXI век: Материалы 12-й Международной молодежной научной конференции. В 4-х т. Т. 2. Курск: Юго-Западный гос. ун-т, 2022. С. 211-215.

References

1. Eliseeva A. A. Family and family values: approaches to understanding in the context of modern law. *Actual problems of Russian law*. 2022;3(136):67-74. (In Russ.) DOI: 10.17803/1994-1471.2022.136.3.067-074
2. Toguzava E. N. The normative development of the institute for the promotion of traditional family values. *Proceedings of the Saratov University*. 2022;(3):310–315. (In Russ.) DOI: 10.18500/1994-2540-2022-22-3-310-315
3. Shaozheva N. A. Traditional spiritual and moral values: towards the problem of defining a concept from the point of view of a synergetic approach. *News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS*. 2017;3(77):102-108. (In Russ.)
4. Danilevsky N. Ya. *Russia and Europe*. Moscow: AST Publishing House: OGIZ; 2023. 624 p. (In Russ.)

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.

5. Senin I. N., Goltyapina I. Yu. Legal systems of modernity in the context of a civilizational approach to the typology of state and law. *Law Bulletin of Dagestan State University*. 2022;(1):25–30. (In Russ.) DOI: 10.21779/2224-0241-2022-41-1-25-30
6. Toynbee A., Huntington S. *Challenges and answers. How civilizations perish*. Moscow: Algorithm; 2016. 292 p. (In Russ.)
7. Nemytina M. V. Civilizational and cultural approach in jurisprudence. *Bulletin of O. E. Kutafin University*. 2017;4(32):28–40. (In Russ.)
8. Yakushev P. A. The concept, essence, signs and regulating properties of traditional spiritual and moral values. *Bulletin of the Vladimir Law Institute*. 2017;2(43):205–209. (In Russ.)
9. Galyashina E. I., Bogatyrev K. M. The concept of "traditional Russian spiritual and moral values" in the context of ensuring media security in the Internet environment. *Lex Russica (Russian Law)*. 2022;75(10(191)):138–151. (In Russ.) DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.138-151
10. Chechurin A.M. Theoretical and legal understanding of globalization. In: *Youth and the XXI century: Proceedings of the 12th International Youth Scientific Conference*. In 4 volumes, vol. 2. Kursk: South-Western State University; 2022. Pp. 211–215. (In Russ.)

Информация об авторах

О. Г. Зубарева – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, доцент кафедры процессуального права ЮРИУ РАНХиГС.
Л. А. Чуприянова – магистрант кафедры гражданского и предпринимательского права ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

O. G. Zubareva – Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil and Business Law, Associate Professor of the Department of Procedural Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South-Russia Institute of Management.
L. A. Chupriyanova – Master of the Department of Civil and Business Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South-Russia Institute of Management.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts.

Статья поступила в редакцию 30.09.2025; одобрена после рецензирования 06.11.2025; принята к публикации 07.11.2025.

The article was submitted 30.09.2025; approved after reviewing 06.11.2025; accepted for publication 07.11.2025.

Понятие традиционных семейных ценностей в российском праве: причины отсутствия, проблематика, перспективы

Татьяна Александровна Мосиенко¹, Майя Андреевна Тугуз²

^{1, 2}Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия,

¹mosienko5858@mail.ru

²maya.tuguz2711@mail.ru

Аннотация

Введение. Человеческому существу вне зависимости от уровня развития конкретного индивида свойственно придавать ценность тем или иным объектам материального или нематериального характера. По определению Толкового словаря С. И. Ожегова, «ценность» понятие многогранное, имеющее, в том числе, философский характер. Так, ценность является собой «невербализируемые «атомарные» составляющие наиболее глубинного слоя всей структуры личности». Конечно, данная дефиниция не является единственной, нематериальный характер ценности может быть описан намного более просто и кратко, но именно данное определение ценности привлекает наше внимание в контексте настоящего исследования.

Цель. Установление причин отсутствия в законодательстве Российской Федерации определения традиционных семейных ценностей в условиях сложившейся государственной политики в области поддержки семьи и видимой направленности правовых норм на возвышение авторитета традиционных семейных ценностей; обозначение дальнейших перспектив развития отечественного права в данной области; постановка вопросов и формулирование задач, которые должны быть решены законодателем на пути совершенствования правового регулирования сферы семейных отношений.

Методы. Метод анализа был использован авторами при изучении государственной политики в сфере поддержки институтов семьи и брака путем акцентирования законодателем внимания на морально-нравственной стороне семейных отношений, ценностях традиционной семьи. Метод синтеза применен в целях наиболее полного иллюстрирования проблематики отсутствия в праве РФ определения традиционных семейных ценностей при видимой авторами необходимости его формулирования и внедрения в законодательство в целях конкретизации и координации правоприменительной практики. Применение метода синтеза нашло свое отражение в обобщении разнородных данных (содержания нормативно-правовых актов федерального и регионального уровней, данных научной доктрины, статистических сведений, материалов правоприменительной практики), в сочетании позволяющих составить наиболее полный «портрет» поставленной в настоящей работе проблемы. Метод сравнения был реализован при изучении порядка правовой регламентации семейных отношений, фактических брачных отношений в исторической ретроспективе, противопоставления его современному правопорядку РФ. Применение методов индукции и дедукции позволило авторам выдвинуть предположение об отсутствии у российского законодателя заинтересованности в формировании понятия традиционных семейных ценностей и возможной объективности и обоснованности данной позиции. Эти же методы были применены при формулировании заключения данной работы, постановке вопросов о дальнейших перспективах отечественного законодательства.

Результаты. Несовершенство правового регулирования сферы семейных отношений представляется очевидным, особенно учитывая обнаружившую себя необходимость регулирования нравственной стороны жизни общества, повышения его заинтересованности во вступлении в семейные отношения, фундамент которых должны составлять традиционные духовные ценности. Попытки установления правовой регламентации данной стороны семейных отношений, регулирование не только внешней составляющей таковых, но и внутренней неизбежно сталкиваются с проблемой обеспечения грамотного и эффективного соотношения традиций, современных реалий, социальной позиции по вопросам семьи, брака и деторождения. Спектр препятствий на пути к установлению государственного регулирования указанной сферы общественной жизни, существующих на сегодняшний день, установленных на основе анализа теоретических положений, правоприменительной (главным образом, судебной) практики, материалов социологических исследований, представляется авторам обширным, требующим детального изучения в совокупности всех изложенных обстоятельств и причин, как полагают авторы, негативно влияющих на обеспечение правовой охраны института традиционной семьи.

Выводы. Реалии общественной жизни, по мнению авторов, создают условия для возникновения необходимости в дальнейшем совершенствовании норм национального законодательства. Однако пути такого представления не вполне определены. Учитывая множественность подходов к определению традиционных семейных ценностей, разницу во взглядах непосредственных правоприменителей, лиц, действия которых должны были бы согласовываться с текущей государственной политикой в области охраны и защиты семейных ценностей (которая, отметим, находится на начальном этапе становления), дальнейшие перспективы совершенствования российского правопорядка представляются авторам однозначно существующими, но требующими грамотного сочетания реализации государственных целей и общественных интересов. Сама категория традиционности должна быть исследована законодателем более подробно, что станет лишь одним из первых шагов, которые уже были сделаны последним на пути возрождения, возвышения и упрочения авторитета семьи, брака и родительства.

Ключевые слова: традиционные ценности, духовные ценности, нравственность, семейное законодательство, фактический брак, детско-родительские отношения, институт семьи

Для цитирования: Мосиенко Т. А., Тугуз М. А. Понятие традиционных семейных ценностей в российском праве: причины отсутствия, проблематика, перспективы // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 4. С. 83–94. EDN BSAQBB

Original article

The concept of traditional family values in Russian law: reasons for absence, problems, prospects

Tatiana A. Mosienko¹, Maya A. Tuguz²

^{1,2}Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

¹mosienko5858@mail.ru

²maya.tuguz2711@mail.ru

Abstract

Introduction. A human being, regardless of the level of development of a particular individual, tends to attach value to certain objects of a tangible or intangible nature. According to the definition of Ozhegov's Explanatory Dictionary, "value" is a multifaceted concept that has, among other things, a philosophical character. Thus, value is the "non-verbalized "atomic" components of the deepest layer of the entire personality structure." Of course, this definition is not the only one, the intangible nature of value can be described much more simply and briefly, but it is this definition of value that attracts our attention in the context of this study.

Purpose. The purpose of the research is to establish the reasons for the absence of a definition of traditional family values in the legislation of the Russian Federation, given the current state policy in the field of family support and the apparent focus of legal norms on elevating the authority of traditional family values. The research also aims to outline further prospects for the development of domestic law in this area, as well as to raise questions and formulate tasks that must be addressed by the legislator in improving the legal regulation of family relations.

Methods. The analysis method was used by the authors when studying the state policy in the field of supporting family and marriage institutions, focusing on the moral and ethical aspects of family relations and traditional family values. The synthesis method was applied to illustrate the problem of the absence of a definition of traditional family values in Russian law, despite the perceived need for its formulation and implementation in legislation to specify and coordinate law enforcement practice. The authors' use of the synthesis method is reflected in the generalization of diverse data (content of federal and regional legal acts, scientific doctrine data, statistical information, and law enforcement practice materials), which together provide the most comprehensive «portrait» of the problem addressed in this work. The comparison method was also implemented in studying the order of legal regulation of family relations and actual marital relations in historical retrospect, contrasting it with the current legal order of the Russian Federation. The use of induction and deduction methods allowed the authors to hypothesize about the lack of interest by the Russian legislator in forming the concept of traditional family values and the possible objectivity and validity of this position. These methods were also applied when formulating the conclusions of this work and posing questions about the future prospects of domestic legislation.

Results. The imperfections in the legal regulation of family relations are clearly evident, particularly given the emerging need to regulate the moral dimension of societal life and to increase public interest in entering into family relationships – relationships whose foundation should be built upon traditional spiritual values. Attempts to establish legal regulation of this aspect of family relations – aiming not only to govern their external manifestations but also their internal dynamics – inevitably encounter the challenge of striking a competent and effective balance between tradition, contemporary realities, and societal attitudes towards issues of family, marriage, and procreation. The range of obstacles to establishing state regulation in this sphere of social life – as identified through analysis of theoretical frameworks, law-enforcement practice (primarily judicial), and sociological research materials – appears to the authors to be extensive. These obstacles require thorough examination in light of all the circumstances and factors involved, which, the authors argue, have a negative impact on ensuring legal protection for the institution of the traditional family.

Conclusions. The realities of social life, according to the authors, create conditions necessitating further improvement of national legislation norms. However, the pathways for such improvement remain rather uncertain. Given the plurality of approaches to defining traditional family values and the divergence in views among law enforcers – whose actions should align with the current state policy on protecting and upholding family values (which, it should be noted, is still in its early stages of development) – the future prospects for enhancing the Russian legal order are unequivocally acknowledged by the authors as existing, yet they require a thoughtful balance between the realization of state objectives and public interests. The very category of «traditionality» must be examined in greater detail by the legislator. This would represent merely one of the initial steps already undertaken towards reviving, elevating, and strengthening the authority of family, marriage, and parenthood.

Keywords: traditional values, spiritual values, morality, family law, de facto marriage, child-parent relations, family institution.

For citation: Mosienko T. A., Tuguz M. A. The concept of traditional family values in Russian law: reasons for absence, problems, prospects. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(4):83–94 (In Russ.). EDN BSAQBB

Введение

Человеческому существу вне зависимости от уровня развития конкретного индивида свойственно придавать ценность тем или иным объектам материального или нематериального характера. По определению Толкового словаря С. И. Ожегова, «ценность» понятие многогранное, имеющее, в том числе, философский характер. Так, ценность является собой «невербализируемые «атомарные» составляющие наиболее глубинного слоя всей структуры личности»¹.

Конечно, данная дефиниция не является единственной, нематериальный характер ценности может быть описан намного более просто и кратко, но именно данное определение ценности привлекает наше внимание в контексте настоящего исследования.

Право и общество – величины, которые должны, при идеальном стечении обстоятельств, грамотной организации власти и управления, находиться в балансе. Данное правило может

¹ <https://gufo.me/dict/ozhegov/ценность> (дата обращения: 27.09.2025).

и должно быть распространено на все сферы жизни общества, подчиняемые государственному контролю. Сформулированное нами правило грамотной организации власти и управления означает, что государство должно учитывать меняющиеся тенденции общественной жизни с целью формирования эффективного законодательства, которое, как полагаем, может претендовать на звание такового при совпадении нескольких факторов: соответствие закона духу времени, тенденциям общественной жизни; обеспечение подчинения воли субъектов государственным, национальным интересам; осуществление такого подчинения с максимально возможной осторожностью, тактичностью, последовательностью и неспешностью.

Методы

Теоретические методы исследования составили его методологию. Так, нами были применены методы анализа и синтеза, индукции и дедукции.

Метод анализа является ведущим в данном научном исследовании, использован нами для как можно более глубокого изучения государственной политики поддержки институтов семьи и брака, воздействия на морально-нравственную сторону жизни общества в сфере семейных отношений. Данный метод также оказал влияние на формирование нами теорий о причинах отсутствия в российском законодательстве определения традиционных семейных ценностей, к поддержанию которых граждан призывают отечественный законодатель.

Применение метода синтеза направлено на иллюстрирование изучаемой нами проблемы как можно более наглядно. Метод синтеза позволил авторам произвести обобщение собранных данных, формулировку вывода настоящей работы.

Сравнительный метод, также используемый в научном исследовании, обеспечил сопоставление порядка правовой регламентации семейных отношений, фактических брачных отношений в исторической ретроспективе, противопоставления его современному правопорядку РФ.

Методы индукции и дедукции также были использованы нами при изучении проблематики традиционных семейных ценностей в юридическом аспекте. Индуктивный метод, сбор, анализ отдельных фактов и сведений, теоретически норм и сложившихся практик и сведение перечисленных к общему выводу; дедуктивный метод, применяемый нами, главным образом, при исследовании юридически норм, так же оказали влияние на результаты осуществленных научных изысканий.

Результаты и обсуждение

В последние годы отечественное законодательство взяло курс на развитие семейной идеологии. Конечно, право Российской Федерации, на данный момент не оперирует данным понятием, но с каждым годом становится все более очевидным желание российского законодателя усилить позиции семьи в общественном сознании.

В 2022 г. Указом № 809 (далее – Указ) «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹, Президент Российской Федерации определил путь развития национального права, а вместе с ним, духовного развития общества.

Документ носит характер стратегического плана, что, по нашему мнению, дает основания для обсуждения его эффективности в долгосрочной перспективе. По определению Указа, традиционные ценности – обширное многогранное понятие. Помимо типичного обозначения таковых как нравственных ориентиров (здесь полагаем необходимым вновь обратить внимание на усложненное определение ценностей по Ожегову), документ указывает на перманентный характер ценностей и их самобытность.

Далее Указом закреплен закрытый перечень традиционных ценностей российского общества, среди которых «крепкая семья». П. 10 также заслуживает нашего внимания ввиду содержащихся в нем сведений о том, что государственная политика по сохранению авторитета традиционных ценностей осуществляется, в том числе, путем работы с общественностью в области образования, воспитания, СМИ и т.д.

¹ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный интернет-портал правовой информации. – <http://pravo.gov.ru>, 09.11.2022.

Продолжением цитируемого нами нормативно-правового акта стало Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» (далее – Концепция)¹, определяющее семью как фундаментальную основу общества.

Не останавливаясь на детальном анализе содержания каждого из законодательных актов, указанных нами ранее, отметим, что не один из них не содержит определения традиционных семейных ценностей. Данное обстоятельство не может не провоцировать возникновение у нас вопроса о том, почему российский законодатель, так яро отстаивающий ценности семейной жизни на протяжении уже более 10 лет, так и не предложил общественности четкое, конкретное определение семейных ценностей, якобы истинно традиционных для российского народа; тех ценностей, которые должны поддерживаться гражданами РФ на обязательной основе.

Несправедливо было бы с нашей стороны говорить о том, что акты российского семейного законодательства вовсе не устанавливают рамки желательного, одобряемого государством поведения субъектов правоотношений в семейной жизни. Например, Концепция указывает на необходимость сохранения в обществе авторитета родительства. Главный правовой акт семейного законодательства, в противоречие с которым не может вступать ни один другой нормативный документ, регламентирующий семейные отношения, Семейный кодекс Российской Федерации² в ст. 1 определяет не просто основы семейного законодательства (как следует из названия статьи закона), но предполагаемые основы семейной жизни: любовь членов семьи друг ко другу, взаимное уважение, заботу друг о друге, чувство долга в отношении друг друга всех сторон семейных отношений. Однако, по нашему мнению, из содержания правовых актов может быть лишь сделан вывод о том, каким должен быть образ действий субъектов права без оценки этих действий на предмет их традиционности для культуры российского государства.

В чем заключается причина отсутствия в законе дефиниции традиционных семейных ценностей? По нашему мнению, на данный вопрос не может быть единого ответа. Ряд обстоятельств оказывает влияние на текущее состояние действующего российского законодательства.

При внимательном ознакомлении с положениями нормативно-правовых актов, к которым мы апеллировали ранее, выясняется, что законодатель не ставит перед собой цели определения традиционных именно семейных ценностей. Закон предлагает дефиницию традиционных ценностей, среди которых семья находится не на первом месте. Данный факт указывает на то, что, возможно, с точки зрения правотворческих органов объективная необходимость в формировании портрета строго традиционных семейных ценностей вовсе отсутствует. Этот фактор не только оказывается на настоящем отечественной юриспруденции, но и ожидаемо окажет влияние на ее будущее (вспомним п. 10 Указа № 809, согласно которому авторитет семейных ценностей должен поддерживаться посредством работы с подрастающим поколением, однако ввиду отсутствия определения традиционных семейных ценностей в законе не в полной мере понятным представляется, какие именно ценности должны быть привиты современной молодежи помимо тех, что уже закреплены в праве РФ).

Не исключено, что, не поставив научное сообщество перед собой задачу исследования проблематики традиционных семейных ценностей не только с точки зрения обзора нормативно-правовой базы, но формулирования конкретных предложений по ее дополнению и совершенствованию, данный вопрос, наш взгляд, так и останется неразрешенным. Более того, неизвестно, будет ли мнение научного сообщества оказывать на законодателя влияние или же окажется полностью им проигнорировано.

Вторым немаловажным аспектом проблемы формулирования определения традиционных семейных ценностей и закрепления такового в отечественном праве является специфика

¹ Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2024 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. – <http://pravo.gov.ru>, 25.08.2014.

² Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.

представленных в доктрине права научных изысканий на поставленную тему. Нами прослеживается не достаточное внимание научного сообщества к теме традиционных семейных ценностей. Интерпретация авторами положений закона, как действующего сегодня, так и нормативных актов, утративших юридическую силу, также не может не быть подвергнута нашей критике.

Традиция представляет собой, исходя из общего понимания данного термина, принятого в обществе, и положений закона, некую повторяющуюся практику, обычай поведения, передаваемый из поколения в поколение. Указанное означает, что рассуждения о сущности традиций семейной жизни российского общества возможны не только на основе анализа текущих жизненных реалий, которые, по нашему мнению, несомненно, заслуживают внимания и должны быть исследованы, но и на основе содержания правовых актов прошлых десятилетий, а может, и столетий.

Между тем, ряд авторов при анализе нормативно-правовых актов, уже утративших юридическую силу, регламентирующих семейные отношения, и имеющих историческую ценность, иллюстрируют их содержание поверхностно, нередко в рамках одной публикации предпринимают попытки единовременно охватить своим вниманием ряд правовых актов, в итоге, не предлагая для ознакомления достаточно полных данных ни по одному из них.

Помимо изложенного, открытым остается вопрос о том, с какого именно момента должна быть исследована история института семьи в российском праве. Научные труды по данной тематике отличаются не только изобилием, но и разносторонностью подходов к решению данной задачи.

К. Э. Шахназарян [8, с. 123] предлагает рассматривать историю становления семейного законодательства с периода Крещения Руси, т.е. с X века.

А. А. Дорская [2, с. 30], описывая традиционный подход к вопросам семьи в отечественной истории, анализируя труды отечественных исследователей за последние 20 лет, в качестве примера использует декларируемые правовыми актами XVI, XX и XXI в.

П. Л. Полянский [5, с. 10] выделяет несколько периодов формирования семейного законодательства (а вместе с ним, как полагаем, представлений о семейных ценностях), начиная от X–XVII в. и вплоть до XXI в., особое внимание уделяя периодам 1917 г. до начала 30-х годов XX века, а также временному промежутку с 30-х годов до 1995 г.

Развитию семейного законодательства России в период 1917–1995 г. уделяют внимание С. В. Доржиева, С. Мункуева [1, с. 46].

Краткий обзор семейного законодательства России советского периода проводит Д. А. Пашкова [6, с. 52].

Период 20–40-х годов прошлого столетия стал предметом интереса Е. К. Минеевой и И. Ю. Семеновой [4, с. 101].

Отметим, что ни одна из научных работ не содержит в себе исследование темы «традиционности» семейных ценностей российского народа. Труды ученых, как правило, базируются на цитировании положений законов прошлого, апелляции к историческим событиям, перечислению характерных черт законодательства того или иного периода действия.

Третья причина отсутствия нормативно-закрепленного определения традиционных семейных ценностей в российском праве, по нашему мнению, кроется в отношении общества к институту семьи как таковому.

Российское общество на настоящий момент не просто сохраняет тенденцию к прекращению браков, но, как показывают материалы открытых источников информации, выказывает свое пренебрежительное отношение к институту брака не регистрируя таковой. Так, в России по оценкам 2024 г. количество расторжений браков достигло 644,5 относительно 880 тыс.¹ официально зарегистрированных брачных союзов, что в процентном отношении составляет 73,2%. Таким образом, известное выражение «по статистике на 10 браков приходится 8 разводов» все еще не теряет своей актуальности. Тенденция к снижению авторитета семейных ценностей в общественном сознании становится еще более очевидной в сравнении с показателями

¹ https://t-j.ru/stat-divorce/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 28.09.2025).

2015–2017 г. (когда процент разводов колебался в пределах 50–60%)¹. Таким образом, наблюдается неуклонный рост прекращения брачно-семейных отношений.

Оба приведенных нами в качестве примера источника информации, поясняя причины упадка института семьи и брака, указывая на различные обстоятельства такового, суммарно перечисляют следующие факторы:

Вытеснение в уже сформировавшейся практике семейной жизни официально зарегистрированных отношений фактическими (сожительством), которые, по нашему мнению, не могут быть воспринимаемы в качестве аналога семейных отношений. Изучению данного общественного явления посвящены многочисленные научные публикации.

О. В. Устинова [7, с. 225], рассматривая сожительство с социологических позиций, отмечает, во-первых, естественность происходящих в обществе изменений с учетом смещения фокуса внимания индивидов с общественного, публичного (интересов государства, общества, учета мнения социума, страха негативной оценки тех или иных действий в контексте семейной жизни и межполовых отношений), на частное, личное (индивидуальные потребности и интересы, личное удобство и комфорт в бытовой жизни и отношениях с противоположным полом, саморазвитие и т. д.); во-вторых, автор отмечает, что сожительство в процессе его становления как общественного института проходит несколько этапов, именуемых инновацией, популяризацией, легитимацией и хабитуализацией. Каждый из этапов отличается своей спецификой, так, первый из указанных предполагает новшество данной практики для общества, второй – постепенное ее внедрение, третий – близость фактических отношений к брачным, их устойчивость, реализацию сторонами таких отношений репродуктивных функций, четвертый – успешной общественной заменой брака сожительством (о вопросах правового оформления сожительства наравне с браком О.В. Устиновой сведений приведено не было, в силу чего в рамках данного исследования мы не рассматриваем случаи легализации сожительства государством). Автор излагает позицию о том, что Россия на настоящем этапе социального развития находится в стадии перехода от инновации к популяризации незарегистрированных отношений. Мы же полагаем, что данное мнение не соответствует действительности.

О «Втором демографическом переходе» пишет М.В. Щербакова [9, с. 355]. Особый интерес для нас представляет фрагмент авторского исследования, в котором изменение отношения субъектов к ценности семейной жизни, официальной регистрации брака обусловлено осознанием обществом семьи не как ячейки общества, ее составляющей части, значимость которой ранее измерялась социумом, но как объекта удовлетворения личных эмоциональных потребностей партнеров. Автор указывает, центром семейной жизни в настоящее время является романтическая любовь и сексуальное влечение, а не общественное одобрение, давление обычая и традиций. Данная позиция автора, по нашему мнению, дает основания для постановки вопроса: если брак – следствие любви и влечения, то «продуктом» чего являются отношения сожительства?

Автор также описывает тенденцию увеличения числа рождений в незарегистрированных отношениях. Если в 2000 г. в незарегистрированном браке было рождено 354 тыс. детей, в 2014 г. – 438 тыс. Дополним изложенные сведения актуальными данными 2025 г. Так, по оценкам отдельных источников², около 23% детей в России рождается вне официального брака. В 52 % случаев рождение таковых регистрируется органами ЗАГС по совместному заявлению матери и отца.

Все чаще встречающийся в практике выбор граждан РФ в пользу совместного проживания в статусе семьи без официальной регистрации такового должен быть исследован не только с социологической, но и правовой точек зрения.

Научные труды, приведенные нами в качестве примера ранее, указывают, что одним из факторов, оказывающих негативное влияние на институт семьи, является недостаточное правовое воздействие государственной власти на общество, отсутствие государственной идеологии в сфере

¹ <https://nok-semya.ru/publications/статистика-браки-и-разводы-2015-2017-гг/> (дата обращения: 28.09.2025).

² https://t-j.ru/single-parents/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 29.09.2025).

семейной жизни. Предоставление гражданам свободы выбора «семейного поведения», по нашему мнению, может рассматриваться как благо и как «проклятье» института семьи.

Ранее изученные нами научные публикации содержат указания на «невыгодность» брачных отношений для граждан Российской Федерации прежде всего в материальном отношении.

Тема имущественных отношений лиц, проживающих в незарегистрированном браке, ранее была исследована нами [3, с. 154].

Хотя имущественная составляющая отношений сожительства находится за пределами регулирования семейного законодательства РФ, Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ)¹ предусматривает вариант разрешения споров по поводу имущества, приобретенного сожителями, в соответствии с нормами данной отрасли права. Согласно положениям действующего российского законодательства, сожители являются посторонними друг другу лицами, связь которых не может рассматриваться как близкородственная, семейная. Между тем, ГК РФ допускает (на общих основаниях) наследование сожителями имущества друг друга (ст. 1148 ГК РФ), а существующая судебная практика подтверждает данное суждение. Таким образом, лица, состоящие в отношениях сожительства в той или иной степени защищены государством.

Возвращаясь к теме реализации репродуктивной функции такого суррогата семейной жизни, как сожительства, отметим, что современное российское законодательство предусматривает различные вариации развития событий в контексте отношений субъектов, в том числе не связывающих себя узами брака (в данном случае мы полагаем необходимым обращать внимание на положения гл. 10, гл. 13 СК РФ). Более того, «детоцентризм» российской политики (который, по нашему мнению, заслуживает отдельного детального исследования) не позволяет утверждать, что отношения сожительства, в случае рождения в них детей, рассматриваются государством однозначно негативно. Согласно Распоряжению Правительства РФ № 615-р «Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 г.»², поддержание авторитета семьи является одним из направлений деятельности государства. Тем не менее, в целях повышения рождаемости, государство готово на поощрение в том числе внебрачных деторождений.

ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей»³ только в нескольких статьях указывает на возможность получения выплат по беременности и родам женщинам, состоящим в статусе жен (ст. 12.3., 12.4 – выплаты, положенные женам военнослужащих), в остальных случаях закон устанавливает возможность получения пособий по беременности и родам, пособий в связи с рождением и воспитанием ребенка и т.д. женщинами как таковыми, значение имеет лишь факт материнства.

Согласно ст. 218 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ)⁴ размер стандартного налогового вычета для одиноких (по определению закона «единственных») родителей в два раза превышает размер того же вычета для прочих категорий граждан и прекращается при вступлении ими в брак.

Трудовое законодательство РФ (далее – ТК РФ)⁵ в ст. 261 (абз. 4), ст. 264 также защищает одиноких матерей, а с 2021 года и отцов, воспитывающих ребенка без матери, от расторжения трудового договора по инициативе работодателя, обеспечивает получение ими льгот и гарантий, предусмотренных трудовым правом Российской Федерации.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001. № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 49. Ст. 4552.

² Распоряжение Правительства РФ от 15.03.2025 № 615-р «Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 г.» // Официальный интернет-портал правовой информации. – <http://pravo.gov.ru>, 24.03.2025.

³ Федеральный закон от 19.05.1995 № 81-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 21. Ст. 1929.

⁴ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства. 2000. № 32. Ст. 3340.

⁵ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.09.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Ст. 3. Ч. 1.

Шоковый эффект производят новости о поддержке рождаемости девушек – обучающихся школ. С 1 января 2025 г. в Орловской области действовал Указ Губернатора № 717 «Об установлении единовременной денежной выплаты при постановке на учет по беременности женщинам, обучающимся по очной форме обучения, проживающим на территории Орловской области в 2025–2027 годах»¹. В марте 2025 г. настоящий Указ был изменен. П. 2 документа на данный момент устанавливает предоставление материальной поддержки в размере 100 тыс. руб. беременным женщинам, проходящим обучение в общеобразовательных организациях, профессиональных образовательных организациях и организациях высшего образования². Неизвестно, получит ли данная инициатива поддержки рождаемости распространение в других регионах России.

Вновь обратимся к философскому определению ценностей, изложенному нами в начале настоящей работы, а также данным социологических исследований и материалов правового характера, содержание которых было кратко проиллюстрировано ранее. Так, ценности конкретной личности являются отражением ее уровня развития, по нашему мнению, главным образом, духовного. Между тем, закон, который, по предположению его составителей, должен действовать в направлении воспитания нравственности российского общества, как видим, не отличается совершенством. Может ли таковое быть достигнуто? Сложившаяся социальная практика, в том числе правоприменительная, показывает, что духовная составляющая семейной жизни не является имеющей первостепенное значение для представителей современного общества.

Так, в открытых источниках информации нередко можно встретить публикации, красочно описывающие ужасы семейной жизни, презентуя ее как некое бремя, несение которого не представляется авторам данных необходимым. Цитируя один из деморализующих материалов, повествующий о несостоятельности института семьи: «Традиционная семья – это в последнюю очередь мораль, нравственность, духовность и прочие радости жизни, в первую очередь – это власть, экономика, интересы государства»³. Автор полагает, что семейная жизнь «выгодна» только мужской стороне (с учетом традиционного патриархального уклада), женщина в таких отношениях является «бесплатной» рабочей силой, подчиненным лицом, то же касается и статуса ребенка в семейных отношениях. Семейный мужчина в представлении автора никто иной, как «мелкий божок». Одной из причин распада традиционных семейных ценностей автор называет экономический фактор, этот же фактор может иметь и обратный эффект – сплочения семейных уз.

Действительно, материализм межличностных (в том числе семейных) отношений не может быть оспорен. Судебная практика, материалы социальных опросов показывают, что граждане РФ выражают крайнюю обеспокоенность вопросом личного материального благополучия как в семейных отношениях, так и по окончании таковых. Согласно сведениям 2024 г., каждый десятый житель страны заявил о своем желании лишить экс-супруга имущества как можно в большем объеме⁴.

Федеральной нотариальной палатой РФ фиксируется учащение случаев регистрации супружами брачных договоров⁵.

Судебная практика показывает, что имущественные иски супругов друг ко другу являются устоявшейся нормой процедуры расторжения брака. Интересно поведение женской и мужской стороны в споре, так, женщины чаще инициируют раздел имущества, нажитого в браке,

¹ Указ Губернатора Орловской области от 12.12.2024 № 717 «Об установлении единовременной денежной выплаты при постановке на учет по беременности женщинам, обучающимся по очной форме обучения, проживающим на территории Орловской области, в 2025–2027 годах». – <http://publication.pravo.gov.ru/document/5700202412130002?index=1>, 13.12.2024.

² Указ Губернатора Орловской области от 20.03.2025 № 148 «О внесении изменения в указ Губернатора Орловской области от 12 декабря 2024 года № 717 «Об установлении единовременной денежной выплаты при постановке на учет по беременности женщинам, обучающимся по очной форме обучения, проживающим на территории Орловской области, в 2025–2027 годах»». – <http://publication.pravo.gov.ru/document/5700202503200007>, 20.03.2025.

³ <https://moygospodin.livejournal.com/17406.html> (дата обращения: 01.10.2025).

⁴ <https://life.ru/p/1679909> (дата обращения: 01.10.2025).

⁵ <https://realty.rbc.ru/news/6628ceaf9a79470c62c07183> (дата обращения: 01.10.2025).

а мужчины – чаще предпринимают попытки к сокрытию материальных благ¹. Отметим, что данные сведения вступают в противоречие с позицией предыдущего автора, смело заявляющего о том, что брачные узы представляют ценность исключительно для мужчины, но не для женщины.

Интересно, что отдельные источники повествуют о стратегии действий по поиску нового возлюбленного после расторжения брака², что, как мы считаем, однозначно противоречит традиционным ценностям семейных отношений, которые, во-первых, предполагают стабильность и устойчивость, во-вторых, высокую нравственность партнеров, взаимную любовь и отсутствие злых намерений в отношении друг друга; в-третьих, готовность уступать, идти на компромисс со спутником жизни.

Выводы

Проведенный нами анализ многочисленных источников информации показывает, что проблема отсутствия в законодательстве Российской Федерации нормативно-закрепленного определения традиционных семейных ценностей носит комплексный характер, будучи вызванной рядом факторов, начиная меняющимися представлениями общества о ценности семьи и брака, заканчивая позицией отечественного законодателя, указывающего на необходимость поддержания авторитета традиционных семейных ценностей, нравственного возвышения российского общества, но, исходя из содержания нормативно-правовых актов, допускающего искашение представлений о семье, отношениях супружеских, родителей и детей.

По нашему мнению, ситуация, сложившаяся в российском правопорядке на текущий момент времени, недопустима. Дальнейшее «расшатывание» институтов семьи, брака и родительства, установление вариативности общественного поведения, дозволения (не строго в правовом отношении, но в моральном, поскольку положения закона неизбежно влияют на восприятие социумом тех или иных практик поведения) формирования разнообразных форм «околосемейных» отношений приведет к (уже начавшейся) нравственной деградации общества, что в долгосрочной перспективе станет угрозой стабильности и благосостоянию всего российского государства.

Разработка путей совершенствования отечественного, в первую очередь, семейного законодательства, а также других отраслей права, прямо или косвенно связанных с регламентацией семейных отношений, представляется нам крайне затруднительной задачей.

Проблематика правового регулирования семейных отношений ни раз была обозначена авторами научных исследований, содержание которых зачастую было сведено к невозможности проникновения влияния законодателя в глубины семейных отношений, оказания им воздействия на их эмоциональную составляющую.

Мы полагаем, что такое влияние возможно, как возможно возрождение авторитета семейных ценностей в российском обществе, воспитание нового поколения российских граждан – ответственных, высокодуховных, устремленных к созданию крепкой семьи; граждан, которые в будущем станут любящими заботливыми родителями; тех, кто своей приверженностью традициям российского народа, обеспечат благополучие и процветание своей Родины.

Нам представляется возможным говорить о создании института традиционных семейных ценностей, его закреплении в нормах российского права. Однако, учитывая изменчивость социальной жизни, эмоциональной, психологической оценки гражданами РФ семейных ценностей, интересы законодателя (например, в повышении рождаемости), определение традиционных ценностей семейной жизни должно обладать определенной, продиктованной указанными ранее факторами, спецификой. При этом, данная «традиционность», безусловно, должна предполагать постановку нравственных ценностей на первое место.

На наш взгляд, в статье 1 Семейного кодекса Российской Федерации следует легально закрепить понятие семьи: «Под семьей следует понимать лиц, состоящих в браке, рожденных и усыновленных детей супругами, либо лиц, проживающих в данной семье на иных законных основаниях». Данное определение позволит более четко квалифицировать близких родственников и иных лиц.

¹ https://dzen.ru/a/YaKBBq8HyWPKU_m4. (дата обращения: 01.10.2025).

² <https://life.ru/p/1674705> (дата обращения: 01.10.2025).

Важно, по нашему мнению, недопущение чрезмерного давления государства на общество в сфере регламентации семейных отношений. Государственная политика в сфере возрождения традиционных семейных ценностей должна носить мягкий последовательный характер, а воздействие государственной власти, оказываемое на общество, не должно ощущаться им как жесткое и навязчивое.

Мы также склонны полагать, что какие бы трансформационные процессы в формировании представлений о семье, браке и деторождении, оценки их ценности, не переживало общество, последнее всегда будет нуждаться в поддержании традиционных, незыблемых, непоколебимых идеалов семейной жизни.

Стабильность общественной жизни и ее благополучие могут быть, по нашему мнению, в значительной степени обеспечены закреплением в праве Российской Федерации норм о семейных ценностях — конкретных, недвусмысленных, однозначных, и, как было обозначено нами ранее, влияющих на процесс воспитания подрастающего поколения и формирование будущего государства.

Список источников

1. Доржиева С. В., Мункуева С. Исторические аспекты реализации семейных прав и обязанностей по российскому законодательству // Современная цивилистика. 2017. № 1. С. 44–48.
2. Дорская А. А. Семейные ценности как предмет научной дискуссии: основные направления изучения семейного права в России на современном этапе // Вестник Московского областного государственного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 3. С. 27-41.
3. Меркулов М. М., Тугуз М. А. Правовой режим имущества лиц, состоящих в незарегистрированном браке // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 1. С. 149–157. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-1-149-157>.
4. Минеева Е. К., Семенова И. Ю. Нормативно-правовое обеспечение государственной политики советской власти по укреплению семьи в 20-40-е годы XX века // Вестник Чувашского университета. 2019. № 2. С. 99-103.
5. Полянский П. Л. Формирование семейного права как отрасли в России (постановка проблемы) // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2010. № 2. С. 3-33. EDN: MHN0NZ
6. Пашкова Д. А. История становления семейного законодательства в советский период // Вопросы российской юстиции. 2019. № 1. С. 49-55. EDN: JQXWGH
7. Устинова О. В. Сожительство как альтернатива зарегистрированным бракам в современной России: тенденции и факторы // Социология. 2020. № 5. С. 222–231.
8. Шахназарян К. Э. История развития семейного законодательства России // Аграрное и земельное право. 2022. № 11 (215). С. 122–124. EDN: ZMGBFT. DOI: 10.47643/1815-1329_2022_11_122
9. Щербакова М. В. Сожительство как модель брачного союза // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 354-356. EDN: YYYVKL

References

1. Dorzhieva S. V., Munkuyeva S. Historical aspects of the realization of family rights and obligations under Russian law. *Modern civics*. 2017;(1):44–48. (In Russ.)
2. Dorskaya A. A. Family values as a subject of scientific discussion: the main directions of studying family law in Russia at the present stage. *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: Jurisprudence*. 2019;(3):27–41. (In Russ.)
3. Merkulov M. M., Tuguz M. A. Legal regime of property of persons in unregistered marriage. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(1):149–157. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-1-149-157>
4. Mineeva E. K., Semenova I. H. Normative and legal description of the state policy of the Russian Federation on family consolidation in the 20-40s of the XX century. *Bulletin of the Chuvash University*. 2019;(2):99–103. (In Russ.)

Problems of Family Law

Mosienko T. A., Tuguz M. A. *The concept of traditional family values in Russian law ...*

5. Polyansky P. L. The formation of family law as a branch in Russia (problem statement). *Bulletin of the Moscow University. Episode 11. Right.* 2010;(2):3–33. EDN: MNHONZ (In Russ)
6. Pashkova D. A. The history of the formation of family legislation in the Soviet period. *Issues of Russian Justice.* 2019;(1):49–55. EDN: JQXWGH (In Russ.)
7. Ustinova O. V. Cohabitation as an alternative to registered marriages in modern Russia: trends and factors. *Sociology.* 2020;(5):222–231. (In Russ.)
8. Shakhnazaryan K. E. The history of the development of family legislation in Russia. *Agrarian and land law.* 2022;11(215):122–124. (In Russ.). EDN: ZMGBFT. DOI: 10.47643/1815-1329_2022_11_122
9. Shcherbakova M. V. Cohabitation as a model of marital union. *Azimut of scientific research: pedagogy and psychology.* 2017;6(2(19)):354–356. EDN: YYYVKL (In Russ.)

Информация об авторах

Т. А. Мосиенко – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ).

М. А. Тугуз – аспирант кафедры гражданского права, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ).

Information about the authors

T. A. Mosienko – Cand. Sci. (Law), Professor of the Department of Civil Law, Rostov State University of Economics.

M. A. Tuguz – Graduate Student of the Department of Civil Law, Rostov State University of Economics.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.10.2025; одобрена после рецензирования 17.11.2025; принятая к публикации 18.11.2025.

The article was submitted 12.10.2025; approved after reviewing 17.11.2025; accepted for publication 18.11.2025.

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО И ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 4. С. 95–99
North Caucasus Legal Vestnik. 2025;(4):95–99

Научная статья
УДК 343
EDN AXLSIK

И снова об обвинительном уклоне уголовного судопроизводства России

Юрий Алексеевич Ляхов

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, yalyahov@sfedu.ru

Аннотация

Введение. Нет более бесспорного вопроса в российской науке уголовного процесса, чем наличие обвинительного уклона в уголовном судопроизводстве РФ. Основанием для такого утверждения является многолетняя судебная практика, согласно которой суды выносят менее 0,5 % оправдательных приговоров от общего числа рассмотренных уголовных дел.

Цель. Провести сравнительный анализ между двумя моделями уголовного процесса: 1) смешанной (устоявшейся в России) и 2) обвинительно-состязательной (англо-саксонской).

Теоретические основы. В англо-саксонском уголовном процессе число оправдательных приговоров заметно больше, чем в российском уголовном судопроизводстве. Суды англо-саксонской системы выносят больше оправдательных приговоров, чем суды смешанной модели уголовного судопроизводства потому, что в англо-саксонском уголовном процессе нет жестко формализованного предварительного расследования. В подавляющем большинстве случаев в англо-саксонском процессе стороны обвинения и защиты заключают сделку: обвиняемый признает свою вину, а прокурор за это снимает часть обвинения или переквалифицирует его на менее тяжкое. Судья в этом случае в своем приговоре лишь удостоверяет наличие сделки и размер наказания. В России большое количество оправдательных приговоров означает, что много невиновных лиц привлекается в качестве обвиняемых, фигурирует в качестве подсудимых в судебном разбирательстве, что противоречит назначению уголовного судопроизводства, предполагающему отказ от уголовного преследования невиновных (часть 2 статьи 6 УПК РФ). Данное утверждение не должно пониматься как призыв к отказу от вынесения оправдательных приговоров вообще. Производство по уголовному делу, как и любая другая деятельность, не может обходиться без ошибок, но их процент не должен быть большим.

Результаты и выводы. Обвинительный уклон российского уголовного судопроизводства должен быть изжит, но не путем перехода на англо-саксонскую состязательную модель, которая не согласуется с традициями отечественного уголовного процесса. Необходимо добиваться проведения всестороннего, полного и объективного исследования и привлечения к ответственности действительно совершивших преступления лиц, что и будет соответствовать назначению российского уголовного судопроизводства. Оправдательные приговоры являются одним из важнейших показателей справедливого правосудия и поводом для анализа допущенных органами расследования ошибок.

Ключевые слова: англо-саксонская модель уголовного процесса, досудебное судопроизводство, защита, обвинение, обвинительный уклон, объективная истина, справедливость, уголовное судопроизводство

Для цитирования: Ляхов Ю. А. И снова об обвинительном уклоне уголовного судопроизводства России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 4. С. 95–99. EDN AXLSIK

Original article

And again about the accusatory bias of Russia's criminal justice system

Yuri A. Lyakhov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, yalyahov@sfedu.ru

Abstract

Introduction. There is no more indisputable issue in the Russian science of criminal procedure than the existence of an accusatory bias in the criminal proceedings of the Russian Federation. The basis for this statement is the long-standing judicial practice, according to which the courts issue less than 0.5% of acquittals from the total number of criminal cases considered.

Purpose. To conduct a comparative analysis between the two models of the criminal process: 1) mixed (established in Russia) and 2) accusatory-adversarial (Anglo-Saxon).

Theoretical Basis. The number of acquittals in Anglo-Saxon criminal proceedings is significantly higher than in Russian criminal proceedings. The courts of the Anglo-Saxon system issue more acquittals than the courts of the mixed model of criminal proceedings because there is no rigidly formalized preliminary investigation in the Anglo-Saxon criminal process. In the vast majority of cases in the Anglo-Saxon trial, the prosecution and the defense make a deal: the accused admits his guilt, and the prosecutor for this removes part of the charge or reclassifies it to a less serious one. In this case, the judge in his verdict only certifies the existence of the transaction and the amount of punishment. In Russia, a large number of acquittals means that many innocent people are involved as defendants and appear as defendants in court proceedings, which contradicts the purpose of criminal proceedings, which presuppose the refusal to prosecute innocent people (Part 2 of Article 6 of the Code of Criminal Procedure). This statement should not be understood as a call to abandon the imposition of acquittal sentences in general. Criminal proceedings, like any other activity, cannot be without errors, but their percentage should not be large.

Results and conclusions. The accusatory bias of Russian criminal proceedings should be eliminated, but not by switching to the Anglo-Saxon adversarial model, which is inconsistent with the traditions of the domestic criminal process. It is necessary to ensure that comprehensive, complete and objective research is conducted and that those who have actually committed crimes are brought to justice, which will be consistent with the purpose of Russian criminal justice. Acquittals are one of the most important indicators of fair justice and a guide for analyzing mistakes made by investigative bodies.

Keywords: Anglo-Saxon model of criminal procedure, pre-trial proceedings, defense, prosecution, accusatory bias, objective truth, justice, criminal proceedings

For citation: Lyakhov Yu. A. And again about the accusatory bias of Russia's criminal justice system. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(4):95–99. (In Russ.). EDN AXLSIK

Введение

Пожалуй, нет более бесспорного вопроса в российской науке уголовного процесса, чем наличие обвинительного уклона в уголовном судопроизводстве РФ. Основанием для такого утверждения является многолетняя судебная практика, согласно которой суды выносят менее 0,5 % оправдательных приговоров от общего числа рассмотренных уголовных дел¹. Ряд исследователей, в связи с этим возмущенно ставят вопрос: и что это за суд, если шансов оправдаться в нем менее одного процента? [1–2]

¹ Доклад Председателя Верховного Суда РФ по итогам 2024 года. URL: <https://www.vsrp.ru/files/34239/>

В этой связи предлагается сменить устоявшуюся в России смешанную модель уголовного процесса на обвинительно-состязательную (а по сути, на англо-саксонскую). В англо-саксонском уголовном процессе, действительно, число оправдательных приговоров заметно больше, чем в российском уголовном судопроизводстве.

Результаты и обсуждение

Суды англо-саксонской системы выносят больше оправдательных приговоров, чем суды смешанной модели уголовного судопроизводства потому, что в англо-саксонском уголовном процессе нет жестко формализованного предварительного расследования. Нет и такого уголовного дела как у нас.

Доказательственные сведения собирает детектив, которые передаются в суд для разрешения уголовного дела по существу. Сотрудники Атторнейской службы уголовного преследования в Англии лишь оценивают представленные полицией собранные ими доказательства для осуществления уголовного преследования в суде.

Зашитник может собирать свои сведения по делу и представить их суду для их исследования на тех же основаниях, что и обвинитель. Таким образом, собранные сторонами обвинения и защиты сведения только после исследования их судом признаются полноценными доказательствами по уголовному делу.

Традиционно судья в англо-саксонской системе занимает пассивную роль в судебном следствии. Суд не обязан устанавливать истину по делу, а судья обязан лишь зафиксировать итоги состязательного судебного следствия. Это увеличивает шансы вынесения судом оправдательных приговоров, хотя и не всегда обоснованно. С точки зрения интересов общества и государства оправдание виновных так же как и наказание невиновных негативно оказывается на их благополучии.

В подавляющем большинстве случаев в англо-саксонском процессе стороны обвинения и защиты заключают сделку: обвиняемый признает свою вину, а прокурор за это снимает часть обвинения или переквалифицирует его на менее тяжкое. Судья в этом случае в своем приговоре лишь удостоверяет наличие сделки и размер наказания [3, с. 153–154].

Такой порядок осуществления уголовного процесса, основанный на чисто состязательных процессуальных традициях, не реализуем в наших российских условиях, что и подтверждается нашей следственно-судебной практикой.

Из-за некритического восприятия российским законодателем англо-саксонского опыта из действующего УПК РФ исчезла задача установления истины по уголовному делу. Это противоречит традиционному российскому порядку, согласно которому следователь, дознаватель должны устанавливать объективную истину по делу, а судья обязан направлять судебное следствие к ее установлению [4, с. 135–138].

Неоднократное объективное исследование (в досудебном и в судебном производстве) обстоятельств преступления и подтверждающих их доказательств гарантирует действительно законное, обоснованное и справедливое разрешение уголовных дел по существу.

Большое количество оправдательных приговоров означает, что много невиновных лиц привлекается в качестве обвиняемых, фигурирует в качестве подсудимых в судебном разбирательстве, что противоречит назначению уголовного судопроизводства, предполагающему отказ от уголовного преследования невиновных (часть 2 статьи 6 УПК РФ).

Данное утверждение не должно пониматься как призыв к отказу от вынесения оправдательных приговоров вообще. Производство по уголовному делу, как и любая другая деятельность, не может обходиться без ошибок, но их процент не должен быть большим. Нужно стремиться к тому, чтобы действительно совершившие преступления лица привлекались к ответственности, а не совершившие их не подвергались уголовному преследованию.

Тем более, что оправдательный приговор не устраняет полностью тот моральный вред, который причиняет невиновному лицу привлечение его в качестве обвиняемого, фигурирование в судебном разбирательстве в качестве подсудимого. К сожалению, в науке российского уголовного процесса этому не уделяется должного внимания.

Заключение

Сегодня Интернет заполнен большим количеством рассуждений о том, как увеличить количество выносимых судами оправдательных приговоров. Еще раз подчеркнем, что большое количество оправдательных приговоров – это не просто свидетельство осуществления справедливого правосудия, но и показатель, требующий серьезного анализа причин осуществления незаконного и необоснованного уголовного преследования.

Хотя во всех тех случаях, когда все же произошла ошибка, и невиновное лицо было подвергнуто уголовному преследованию – суд просто обязан вынести оправдательный приговор. Именно такой подход и должен быть при рассмотрении российской практики последних лет.

Еще в древней Греции в Афинах (VII-VI вв. до н.э.) подготовку дела об убийстве для суда вел сам архонт-басилей, который трижды в течение 3-х месяцев, следующих один за другим, собирал и оценивал доказательства. И только после этого он определял тот суд, который будет рассматривать дело. С древних времен известно, что справедливое правосудие основывается только на установлении действительных обстоятельств уголовного дела [5].

В 2024 г. наметился рост количества оправдательных приговоров, выносимых судами по первой инстанции. В 2023 г. их было 0,32% от общего числа вынесенных приговоров, а в 2024 г. суды вынесли 0,46% оправдательных приговоров¹.

С учетом не всегда надлежащего качества поступающих в суды материалов уголовных дел такую тенденцию нельзя не признать положительной. Она свидетельствует о стремлении российских судов к осуществлению такого правосудия, каким оно и должно быть.

С другой стороны, большое количество оправдательных приговоров является для руководства органов расследования поводом, чтобы задуматься о принятии мер к обеспечению всестороннего, полного и объективного расследования и установления объективной истины по каждому уголовному делу.

Еще раз хотелось бы подчеркнуть, что слишком малый процент оправдательных приговоров не отражает объективной картины положения дел в сфере уголовного правосудия, поскольку ошибки в ходе досудебного производства по уголовному делу в силу объективных и субъективных причин были, есть и будут. В то же самое время желательно, чтобы таких ошибок было как можно меньше, что и будет соответствовать закрепленному в статье 6 УПК РФ назначению уголовного судопроизводства.

Список источников

1. Габдуллина Э. Суды повышают приговороспособность. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6865059>
2. Трифонова Е. Оправдательных приговоров по-прежнему четверть процента. URL: https://www.ng.ru/politics/2024-11-07/1_9130_stability.html?utm
3. Курс уголовного процесса / Под ред. Л. В. Головко. 2-е изд. М.: Статут, 2017. 1280 с.
4. Ляхов Ю. А. Без установления истины нет справедливого судопроизводства // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 4. С. 135–138. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-135-138.EDN KLURHK>
5. Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовно-процессуального права. М.: Госюриздан, 1957. – 840 с.

¹ Отчеты Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2023, 2024 годы. URL: <https://stat.apipress.ru/stats/ug/t/11/s/1>

References

1. Gabdullina E. *Courts increase sentencing capacity*. Available from: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6865059> (In Russ.)
2. Trifonova E. *Acquittals are still a quarter of a percent*. Available from: URL: https://www.ng.ru/politics/2024-11-07/1_9130_stability.html?utm (In Russ.)
3. *The course of criminal procedure*. Edited by L. V. Golovko. 2nd ed. Moscow: Statute; 2017. 1280 p. (In Russ.)
4. Lyakhov Yu. A. Without establishing the truth, there is no fair trial. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(4):135–138. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-135-138>. EDN KLURHK
5. Cheltsov-Bebutov M. A. *The course of Soviet criminal procedural law*. Moscow: Gosyurizdat, 1957. 840 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Ю. А. Ляхов – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный профессор СКАГС, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Южного федерального университета.

Information about the author

Yu. A. Lyakhov – Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Professor of North Caucasus Academy of Public Administration, Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminology, Faculty of Law of the Southern Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 12.09.2025; одобрена после рецензирования 15.10.2025; принятая к публикации 17.10.2025.

The article was submitted 12.09.2025; approved after reviewing 15.10.2025; accepted for publication 17.10.2025.

Понятие и виды наказаний по уголовному законодательству Словакской Республики

Наталья Юрьевна Лазарева

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления, Ростов-на-Дону, Россия, lazareva-ny@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3427-5278>

Аннотация

Введение. Институт уголовного наказания представляет собой комплексный феномен, который не только формализует виды и меры ответственности за преступные деяния, но и служит индикатором доминирующих ценностных ориентаций и социальных приоритетов в конкретном обществе. В этой связи изучение опыта зарубежных стран дает возможность не только познакомиться с зарубежным уголовным законодательством, но и лучше узнать отечественное уголовное право и совершенствовать его. Представленная статья посвящена анализу понятия наказания и его видов в уголовном законодательстве Словакской Республики. В ней рассматриваются основные положения, регулирующие назначение и исполнение наказаний, а также классификация наказаний в зависимости от их целей и характера. В статье также анализируются особенности отдельных видов наказаний, предусмотренных Уголовным кодексом Словакской Республики, в их сравнении с отечественным уголовным законодательством.

Цель. Комплексное изучении понятия наказания и его видов в контексте уголовного законодательства Словакской Республики, что предполагает анализ основных положений Уголовного кодекса Словакской Республики, уголовно-правовой доктрины, а также выявление проблем и перспектив развития словацкой системы уголовных наказаний.

Методы. При проведении исследования института наказания в словацком уголовном законодательстве использовалась совокупность общепринятых научно-исследовательских методов, включающая такие общенаучные и частнонаучные методы, как: логико-структурный метод анализа правовых норм, позволивший систематизировать изученный материал, раскрыть сущность наказания, его цели и виды; сравнительно-исторический метод, благодаря которому была установлена преемственность в развитии института наказания путем сравнения действующего Уголовного кодекса Словакской Республики 2005 г. с нормами Уголовного кодекса Чехословакской Республики 1950 г.; компаративистский метод, который использовался при проведении сравнительного анализа российского и словацкого уголовного законодательства, что позволило выявить общие черты и национальные особенности.

Результаты. Автор критически оценивает представленный в уголовном законодательстве Словакии подход относительно указания в санкциях статей Особенной части только одного вида наказания – лишения свободы. Обращено внимание на то, что назначение альтернативных видов наказания исключительно на основе судебского усмотрения позволяет суду выполнять, по сути, функции законодателя, чем размывается принцип разделения властей, который является конституционно закрепленным. В этой связи более приемлемым видится подход отечественного законодателя, предусматривающего непосредственно в санкциях статей Особенной части возможность назначения различных видов наказаний, что снижает риск

превышения полномочий судьями. Вместе с тем, автор подчеркивает положительную сторону существующего словацкого уголовного законодательства, отмечая прогрессивные шаги по гуманизации наказаний и внедрению альтернативных способов коррекции поведения преступников.

Выводы. Проведенное исследование уголовного наказания показало значительное сходство в регулировании этого института в словацком и российском уголовном праве. Ключевые совпадения касаются основополагающих концепций и принципов, лежащих в основе обоих законодательств: понятие, цели и система наказания – эти базовые категории трактуются практически идентично. Неотвратимость наказания, необходимость индивидуального подхода к выбору наказания в зависимости от личности виновного, обстоятельств содеянного, рекомендация по максимально возможному назначению наказаний, не связанных с лишением свободы – эти международные стандарты также нашли свое закрепление в действующем словацком и российском уголовном законодательствах.

Ключевые слова: Уголовный кодекс Словацкой Республики, наказание, виды наказаний, система наказаний, цели уголовного наказания, сущность наказания, теории наказания, зарубежное уголовное законодательство, уголовное право, уголовно-правовая доктрина

Для цитирования: Лазарева Н. Ю. Понятие и виды наказаний по уголовному законодательству Словацкой Республики // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 4. С. 100–111. EDN ANMGXR

Original article

The concept and types of punishments under the criminal legislation of the Slovak Republic

Natalia Yu. Lazareva

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
South-Russia Institute of Management, Rostov-on-Don, Russia,
lazareva-ny@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3427-5278>

Abstract

Introduction. The institution of criminal punishment is a complex phenomenon that not only formalizes the types and measures of responsibility for criminal acts, but also serves as an indicator of dominant value orientations and social priorities in a particular society. In this regard, studying the experience of foreign countries provides an opportunity not only to get acquainted with foreign criminal legislation, but also to learn more about domestic criminal legislation and improve it. The presented article is devoted to the analysis of the concept of punishment and its types in the criminal legislation of the Slovak Republic. It discusses the main provisions governing the appointment and execution of punishments, as well as the classification of punishments depending on their purpose and nature. The article also analyzes the specifics of certain types of punishments provided for by the Criminal Code of the Slovak Republic in their comparison with domestic criminal legislation.

Purpose. The purpose of the presented research is to comprehensively study the concept of punishment and its types in the context of the criminal legislation of the Slovak Republic, which involves analyzing the main provisions of the Criminal Code of the Slovak Republic, criminal law doctrine, as well as identifying problems and prospects for the development of the Slovak penal system.

Methods. When conducting a study of the institution of punishment in Slovak criminal legislation, a set of generally accepted scientific research methods was used, including such general scientific and private scientific methods as: a logical and structural method for analyzing legal norms, which made it possible to systematize the studied material, reveal the essence of punishment, its goals and types; a comparative historical method, thanks to which continuity in development was established. institute of punishment by comparing the current Criminal Code of the Slovak Republic of 2005 with the norms of the Criminal Code of Czechoslovak Republic of 1950.; a comparative method that was used in the comparative analysis of domestic and foreign experience, which made it possible to identify common features and national characteristics.

Results. The author critically evaluates the approach presented in the criminal legislation of Slovakia regarding the indication in the sanctions of articles of a special part of only one type of punishment – imprisonment. Attention is drawn to the fact that the appointment of alternative types of punishment solely on the basis of judicial discretion allows the court to perform, in fact, the functions of a legislator, which erodes the principle of separation of powers, which is constitutionally enshrined. In this regard, the approach of the domestic legislator seems more acceptable, which directly provided for the possibility of imposing various types of punishments in the sanctions of the articles of the Special Part, which reduces the risk of judges exceeding their powers. At the same time, the author emphasizes the positive side of the existing Slovak criminal legislation, noting progressive steps towards the humanization of punishments and the introduction of alternative ways to correct the behavior of criminals.

Conclusions. A study of criminal punishment has shown significant similarities in the regulation of this institution in Slovak and Russian criminal law. The key similarities relate to the fundamental concepts and principles underlying both legislations: the concept, objectives and system of punishment – these basic categories are interpreted almost identically. The inevitability of punishment, the need for an individual approach to choosing punishment depending on the identity of the perpetrator, the circumstances of the crime, and the recommendation for the maximum possible imposition of non-custodial punishments - these international standards have also found their way into the current Slovak and Russian criminal laws.

Keywords: Criminal Code of the Slovak Republic, punishment, types of punishments, system of punishments, goals of criminal punishment, essence of punishment, theories of punishment, foreign criminal legislation, criminal law, criminal law doctrine

For citation: Lazareva N. Yu. *The concept and types of punishments under the criminal legislation of the Slovak Republic. North Caucasus Legal Vestnik. 2025;(4):100–111. (In Russ.). EDN ANMGXR*

Введение

Одним из важнейших институтов уголовного права, в котором отражаются все культурные, политические, социальные особенности различных стран мира, является институт наказания. Этот институт не только определяет виды и размеры наказаний за совершение преступлений, но и показывает, какие ценности и приоритеты существуют в обществе.

Очевидно, что в разных странах подходы к наказанию могут существенно различаться. Например, в некоторых культурах акцент делается на возмещении вреда потерпевшему и реабилитации преступника, в то время как в других странах основное внимание уделяется наказанию как средству устрашения и защиты общества. Культурные особенности также влияют на восприятие определённых видов наказаний: например, смертная казнь и телесные наказания считаются неприемлемыми и противоречащими основным правам человека в европейских странах, в то время как допускаются в других.

Политические факторы также играют важную роль в формировании института наказания. В авторитарных политических системах наблюдается тенденция к ужесточению репрессивных мер и ограничению прав осужденных, что обусловлено необходимостью поддержания общественного порядка и легитимности власти. В демократических государствах, напротив, приоритет отдается соблюдению прав человека и обеспечению справедливого судопроизводства, что соответствует принципам верховенства закона и правового государства.

Кроме того, институт наказания может отражать изменения в обществе и его ценностях. Так, в последние десятилетия во многих странах наблюдается процесс гуманизации уголовного законодательства, сопровождающийся переходом к более мягким видам наказаний. Данный тренд обусловлен трансформацией представлений о справедливости, правах человека и необходимости интеграции правонарушителей в социум.

Таким образом, наказание, установленное уголовным законодательством – это своеобразный индикатор тех политических, экономических и социальных процессов, которые происходят в каждом конкретном обществе. Именно поэтому так интересно узнать, как разные государства выстраивают свою уголовную политику, соотнести это с отечественными тенденциями для того, чтобы иметь возможность совершенствовать собственное законодательство, или, напротив, предлагать эффективные модели для других стран.

В представленной статье этот институт исследуется на основе действующего Уголовного кодекса Словацкой Республики 2005 г. (далее – УК СР), который имеет много общего с российским Уголовным Кодексом в силу исторического наследия, заключающегося в том влиянии советского уголовного законодательства, которое оно оказало на формирование правовых норм Чехословакии и их последующей преемственности Словакией.

Теоретические основы

На протяжении столетий применение наказаний являлось едва ли не единственным способом осуществления задач уголовного права, однако со второй половины XIX в. благодаря идеям позитивистской школы уголовного права, которая начала формироваться в противовес идеям классической школы, наметилось понимание того, что правовой арсенал данной отрасли должен быть гораздо более широким [1, с. 26–31]. Если представители классической школы уголовного права рассматривали наказание как воздаяние за то зло, которое совершил преступник, а потому «наказание есть потеря равного», то представители позитивистской школы исходили из необходимости назначения таких мер, которые бы соответствовали степени опасности виновного [2, с. 120]. «Наказанию подлежит не преступление, а преступник», – это известное высказывание Ф. фон Листа стало началом пересмотра существующей системы наказаний, его сущности и целей. К настоящему моменту стало практически общепризнанным, что для реализации охранительных и превентивных задач уголовное право может и должно предусматривать, наряду с наказаниями, некоторые другие (некарательные) меры принуждения. Отметим, что впервые эта дуалистическая концепция была применена в швейцарском уголовном законе 1893 г., а затем постепенно распространилась на уголовное законодательство других стран Европы.

Словацкое уголовное законодательство не стало исключением: начиная с УК Чехословацкой Республики 1950 г., система санкций в словацком уголовном праве основывается на дуализме, в связи с чем, в УК СР 2005 г. все меры уголовно-правового воздействия подразделяются на две категории: 1) наказания и 2) меры защиты. Согласно §31 УК СР наказания и меры защиты являются юридическими последствиями совершенного преступления или деяния, наказуемого иным образом¹. Наказание – это ущемление личной свободы, имущественных или иных прав осужденного, которое может быть назначено преступнику только судом в соответствии с уголовным законом за совершенное преступление. Мера защиты – это ограничение личной свободы или имущественных прав осужденного или другого лица, которое может быть применено только судом в соответствии с уголовным законом с целью защиты общества от преступных действий или деяний, наказуемых иных образом².

Словацкий законодатель сохранил законодательное закрепление целей наказания, которое впервые было предусмотрено в Уголовном кодексе Чехословацкой Социалистической Республики 1950 г. (УК ЧССР). Цели наказания отражали идеологические и социальные особенности того времени: согласно §17 «Цели наказания» УК ЧССР к ним относились следующие:

- 1) обезвредить врагов трудящихся;
- 2) воспрепятствовать виновному совершать преступные деяния в дальнейшем и воспитать его в духе соблюдения прав социалистического общежития;
- 3) оказывать воспитательное воздействие на остальных членов общества [3, с. 7].

В действующем УК СР 2005 г. цели наказания предусмотрены в ч. 1 §34 «Основы назначения наказания», согласно которому: «Наказание направлено на обеспечение защиты общества от преступника путем предотвращения совершения им дальнейших преступлений и создания условий для его перевоспитания, позволяющего вести надлежащий образ жизни, и в то же время наказание удерживает других от совершения преступлений и выражает моральное осуждение

¹ Trestný zákon č. 300/2005 Z. z. - [Электронный ресурс] – URL: <https://www.slov-lex.sk/ezbierky/pravne-predpisy/SK/ZZ/2005/300/> (Дата обращения 02.10.2025 г.).

² Следует пояснить, что используя словосочетание «деяния, наказуемые иным образом» словацкий законодатель предусматривает возможность применения защитных мер не только к лицам, совершившим преступное деяние, но и к тем, кто не подлежит уголовной ответственности в силу невменяемости или недостижения возраста уголовной ответственности.

преступника обществом». В учебнике словацкого уголовного права [4, с. 354–355], профессор Ярослав Ивор из указанного положения закона выделяет следующие цели наказания:

1) **защитная**, которая, по мнению автора, является основной целью наказания и заключается в защите законных интересов личности и общества от лиц, совершивших преступление, с тем, чтобы граждане «могли жить в государстве безопасно и само государство функционировало должным образом»;

2) **превентивная**, подразумевающая как частную превенцию (воспрепятствование совершению осужденным новых преступлений, что должно достигаться назначением справедливого наказания), так и общую (удерживание других от совершения преступления). Авторы учебника предлагают говорить о позитивной общей профилактике (укрепление правового сознания) и негативной (угроза и удерживание других потенциальных преступников от совершения преступных деяний);

3) **профилактическая** (создание условий для перевоспитания осужденного с тем, чтобы он начал вести правильный образ жизни. При этом автор учебника отмечает сложность достижения этой цели, отмечая, что заложив эту цель еще в предыдущем УК ЧССР 1950 г., словацкий законодатель отказался от абсолютной идеи перевоспитания, указав только на необходимость создания условий для этого).

Напомним, что в УК РСФСР 1960 г. одной из целей наказания также предусматривалось «перевоспитание осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам социалистического общежития»¹.

4) **этическая**, предполагающая моральное осуждение преступника обществом. Устанавливая вину лица в совершенном преступлении, назначая наказания, общество, тем самым, дает негативную оценку как самому преступнику, так и деянию, которую он совершил. Интересно отметить, что, по мнению авторов вышеуказанного учебника, именно «общественное осуждение отличает наказание от защитных мер, при которых социальное осуждение отсутствует» [4, с. 357].

Результаты и обсуждение

Анализ вышеуказанных целей наказания демонстрирует, что они, пусть и в несколько иной интерпретации, находят отражение в отечественном уголовном праве. Исключение составляет, пожалуй, последняя из перечисленных целей, которая, на наш взгляд, представляется очевидной и рациональной.

Словацкое уголовное законодательство, также как и отечественное, оперирует понятием «система наказаний», под которой понимается расположение (иерархия) отдельных видов наказания по степени тяжести. В §32 УК СР предусмотрены следующие виды наказаний, которые могут быть назначены виновному физическому лицу:

- 1) лишение свободы;
- 2) домашний арест;
- 3) обязательные работы;
- 4) штраф;
- 5) конфискация имущества;
- 6) конфискация вещи;
- 7) запрет на деятельность;
- 8) запрет пребывания;
- 9) запрет на участие в публичных мероприятиях,
- 10) лишение почетных званий и наград,
- 11) лишение воинского или иного звания,
- 12) высылка.

Как видим, в УК СР система наказаний предполагает их расположение от строгого (лишение свободы) к мягкому (высылка). Очевидно, что строгость каждого из указанных видов наказаний обусловлена значимостью прав и свобод человека, которые подвергаются ограничениям или лишениям в результате исполнения наказания. При этом лишение свободы, вне всякого сомнения, является наиболее серьезным и чувствительным ограничением права человека на личную свободу,

¹ Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960)// Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

неприкосновенность частной жизни, свободу передвижения и пр. За ним следуют наказания, которые также затрагивают личную свободу, но менее интенсивно ограничивают ее – домашний арест и обязательные работы. Далее следуют три вида наказаний, затрагивающие имущественные права осужденного – штраф, конфискация имущества и конфискация вещи. При этом в учебной литературе отмечается, что такое расположение этих наказаний весьма условно: не факт, что именно штраф является более строгим наказанием в сравнении с конфискацией имущества; во многом это будет зависеть от конкретных размеров суммы штрафа или размера конфискуемого имущества [5, с. 14]. После имущественных наказаний следуют два вида наказаний, связанных с ограничением права на свободу передвижения и права на выбор вида деятельности – запрет на деятельность и запрет на пребывание, которые назначаются по усмотрению суда. Затем следуют два дополнительных вида наказания – лишение почетных званий и наград и лишение воинского и иного звания. И завершает систему наказаний – высылка, которая, несомненно, очень серьезно ограничивает права человека на свободу передвижения, и точно не является самым мягким наказанием из числа предусмотренных в УК СР; такой подход словацкого законодателя предопределен тем, что этот вид наказания может быть применен лишь к узкому кругу лиц, которые не являются гражданами Словацкой Республики и одного из государств-участников Европейского Союза.

Конечно, о такой иерархии, отражающей строгость представленных наказаний, можно спорить. Так, согласно опросу практических работников, результаты которого представлены в научном докладе М. Тотховой, наиболее строгим видом наказаний, не связанных с лишением свободы, ими признается конфискация имущества [5, с. 15].

В учебной литературе по словацкому уголовному праву мы можем увидеть совпадающую с отечественной доктриной классификацию наказаний: наказания, затрагивающие личную свободу, имущественные наказания, а также их деление на основные и дополнительные. Под основными, также как в отечественном уголовном праве, понимаются наказания, которые могут назначаться самостоятельно и к ним могут присоединяться другие виды наказаний; дополнительные наказания – самостоятельно назначаться не могут, а только присоединяются к основному. Так, в ч.6 §34 УК СР указано, что абсолютно все перечисленные в §32 виды наказаний могут назначаться самостоятельно, за исключением наказаний в виде лишения почетных званий и наград, лишения воинских и иных званий, которые согласно § 63 и §64 могут быть назначены в дополнение к лишению свободы.

Также в доктрине словацкого уголовного права выделяют абсолютно-определенные наказания, которым признается пожизненное лишение свободы, и относительно-определенные наказания – те, где установлены максимальные и минимальные размеры (например, лишение свободы на срок до 25 лет).

В учебниках по словацкому уголовному праву мы также можем встретить деление наказаний в зависимости от субъекта: ряд наказаний, например, лишение свободы, могут назначаться всем без исключения лицам, совершившим преступления, но есть и такие, которые назначаются лишь определенным категориям: например, такое наказание как высылка может назначаться исключительно лицам, которые не являются гражданами Словацкой Республики или гражданами другого государства-участника Европейского союза. Также как и в отечественном уголовном праве, словацкий законодатель существенно ограничивает виды наказаний, а также их размеры в отношении несовершеннолетних (§109 УК СР). В контексте анализа системы наказаний, применяемых к несовершеннолетним, следует отметить её уникальную для словацкого уголовного права структуру, основанную на принципе «обратного отсчета». Данная система предусматривает последовательное применение мер воздействия, начиная от наименее строгих, таких как обязательные работы, и заканчивая наиболее суровыми, включая лишение свободы. Этот подход не только коррелирует с общей логикой построения системы наказаний в отечественном Уголовном кодексе Российской Федерации, но и соответствует международным стандартам в области ювенальной юстиции¹.

¹ Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) Приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 года – [Электронный ресурс] – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (дата обращения: 14.09.2025).

Несмотря на очевидно схожие подходы к пониманию наказания, его целям и классификации, тем не менее, есть и принципиальное различие в российском и словацком уголовном законодательстве: согласно словацкой уголовно-правовой доктрине о наказании в его подлинном уголовно-правовом смысле мы можем говорить только в том случае, если речь идет о лишении свободы, все остальные виды наказаний именуются в учебной литературе как альтернативные наказания: «под альтернативными наказаниями понимают наказания, которые, не будучи связанными с лишением свободы, гарантируют достижение установленных целей наказания» [4, с. 361].

Альтернативные виды наказаний начали развиваться в Европе во второй половине XX века, что связано с разработкой новой концепции уголовной политики, получившей название восстановительной. Восстановительная концепция наказания (от английского «restore» – восстанавливать, возвращать в исходное состояние, также соответствует латинскому «restitution») отличается от классической карательной концепции (от латинского «retribution» – воздаяние) тем, что отвергает государственную монополию на разрешение уголовно-правовых конфликтов. По мнению ее идеологов, традиционная уголовная система не способна предотвратить рост преступности, восстановить социальную справедливость. Отметим, что идея альтернативных наказаний является предметом пристального изучения со стороны Организации Объединенных Наций, которая на Конгрессе в 1990 г. приняла несколько резолюций по вопросу об эффективности и расширении применения альтернативных наказаний, самым важным из которых следует признать Минимальные стандартные правила применения мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила)¹.

Проведенный анализ выявил ключевое отличие словацкого и российского права в контексте санкций статей Особенной части. В отличие от российского законодательства, где предусмотрены различные виды наказаний, в УК СР во всех санкциях статей предусмотрен только один вид наказания – лишение свободы. Сроки лишения свободы варьируются в зависимости от характера и степени общественной опасности совершенного деяния. Однако ни один из других видов наказаний, перечисленных в §32 УК СР, не включен в санкционные нормы. Это и позволяет называть все другие наказания, не связанные с лишением свободы, альтернативными, поскольку их назначение полностью находится в компетенции судьи. Подобный подход, позволяющий судье назначать наказание, которого нет в санкции статьи Особенной части, с одной стороны, увеличивает гибкость при назначении наказания, что позволяет более точно учитывать индивидуальные обстоятельства каждого дела, включая личность осуждённого, степень общественной опасности преступления и возможность исправления без реального лишения свободы. С другой стороны, столь широкие полномочия судьи в выборе наказаний не способствуют единообразию судебной практики, более того судьи могут по-разному интерпретировать одни и те же обстоятельства, что может привести к непоследовательности и неравенству в применении закона.

Расширение альтернативных наказаний стало основной целью реформирования словацкого уголовного законодательства, установившего главное требование: назначение наказания в виде лишения свободы возможно только в тех случаях, когда другие, менее строгие виды наказания не способны достичь установленных целей. В учебной литературе особо подчеркивается, что именно альтернативные наказания способствуют более эффективной реинтеграции преступников в общество, позволяют успешно развивать процессы перевоспитания.

В этой связи целесообразно рассмотреть конкретные виды наказаний, предусмотренные в законодательстве Словакии, чтобы лучше понять, каким образом реализуются указанные выше цели.

Лишение свободы. Этот вид наказания имеет характер ultima ratio (крайняя мера), а потому его применение возможно только в том случае, если другие более мягкие виды наказаний являются неэффективными. Как было отмечено, в настоящее время это единственный универсальный вид наказания, указанный в санкциях всех статей Особенной части, который может быть назначен

¹ "Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила)" (Приняты 14.12.1990 Резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи ООН) - [Электронный ресурс] – URL: // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/tokyo_rules.shtml (дата обращения: 12.09.2025)

любому лицу за любое деяние, запрещенное УК СР. Согласно §46 УК СР лишение свободы подразделяется на 2 вида: на определенный срок (до 25 лет) и пожизненное лишение свободы, которое на сегодняшний день является самым строгим видом наказания, поскольку смертная казнь в соответствии с международно-правовыми обязательствами Словацкой Республики полностью отменена в 1990 г. и прямо запрещена ст. 15 Конституции Словацкой Республики [6, с. 70-71].

Основания назначения наказания в виде пожизненного лишения свободы предусмотрены § 47 «Наказание в виде пожизненного лишения свободы»:

(1). Наказание в виде пожизненного лишения свободы может быть назначено судом только за преступное деяние, за совершение которого санкция статьи Особенной части этого вида наказания предусматривает, и только при условии, что:

1) применение этого наказания необходимо для эффективной защиты общества;

2) есть основания полагать, что применение наказания в виде лишения свободы на срок до 25 лет не будет способствовать исправлению виновного.

В действующем УК СР пожизненное лишение свободы предусмотрено санкциями более 20 статей, например: §144 убийство, §173 незаконное производство, хранение, сбыт наркотических средств, §179 торговля людьми, §180 торговля детьми, §187 похищение человека с вывозом его за рубеж, §188 квалифицированные виды ограбления, §189 вымогательство, §208 жестокое обращения с близким лицом или лицом, находящимся в зависимости от виновного, §284 угроза общественной безопасности, §291 угроза безопасности авиаперелетов, §293 угон воздушного судна за границу, §354 незаконный переход государственной границы с применением насилия, §355 контрабанда, §419 террористический акт; §419с финансирование терроризма и пр.

Несмотря на точно установленные правила применения наказания в виде пожизненного лишения свободы, словацкий законодатель допускает исключения, которые получили название «трижды и достаточно»: в ч.2 §47 УК СР предусмотрен исчерпывающий перечень деяний, за совершение которых в третий раз суд назначает виновному пожизненное лишение свободы, даже игнорируя тот факт, что санкцией этих статей такой вид наказания не предусмотрен. Это возможно в тех случаях, если:

1) лицо совершило одно из деяний, перечисленных в ч. 2 §47 УК СР: причинение тяжкого вреда здоровью (§155 УК СР); изнасилование (§199 УК СР); насильственные действия сексуального характера (§200 УК СР); создание, руководство или поддержка преступной группы (§296 УК СР); создание, руководство или поддержка террористической организации (§297 УК СР); изготовление детской порнографии (§368 УК СР);

2) это деяние является оконченным;

3) за аналогичное преступление, хотя бы и покушение на него, лицо ранее уже было дважды осуждено к лишению свободы.

Суть пожизненного лишения свободы – исключение возможности возвращения преступника в общество. Но, как и в российском уголовном законе, словацкий законодатель допускает условно-досрочное освобождение по истечении двадцати пяти лет. Такая возможность исключается для лиц, которые были повторно осуждены к пожизненному лишению свободы, совершили два или более особо тяжких преступления, совершили преступление в составе преступной группы или террористической организации.

Домашний арест. Как было отмечено, в санкциях статей Особенной части УК СР предусмотрено только одно наказание – лишение свободы. В этой связи в Общей части предусмотрены определенные условия, позволяющие суду назначать альтернативные, не связанные с лишением свободы, виды наказания. Согласно §53 УК СР домашний арест может быть назначен виновному за совершение преступления, если верхний предел наказания за его совершение не превышает 10 лет лишения свободы и личность виновного, а также характер содеянного им свидетельствуют о том, что достижение целей наказания возможно без изоляции его от общества. Помимо этого необходимо, чтобы осужденный дал письменное обещание, что будет находиться в своем жилище по указанному адресу, не будет препятствовать проведению проверок и есть технические возможности для осуществления контроля за ним.

Этот вид наказания назначается на срок от 1 года до 5 лет и предусматривает обязанность лица не покидать свое жилище без разрешения специально уполномоченных органов. На лицо

также могут быть возложены дополнительные обязанности, например, запрет на употребление алкогольных напитков и веществ, вызывающих привыкание, запрет на участие в азартных играх, обязанность трудоустроиться, пройти курс лечения от алкогольной зависимости и пр. Если же лицо уклоняется от их исполнения, либо препятствует осуществлению контроля, то суд отменяет это наказание и заменяет на лишение свободы.

Обязательные работы. Этот вид наказания предполагает выполнение бесплатных общественных работ в свободное от работы время. Согласно §54 УК СР суд может назначить наказание в виде обязательных работ на срок от 40 до 300 часов, если признает лицо виновным в совершении преступления, за которое закон предусматривает наказание в виде лишения свободы, максимальный срок которого не превышает пяти лет. Суд может также наложить на правонарушителя определенные ограничения или обязательства на этот период, направленные на ведение упорядоченного образа жизни, а также обязать виновного возместить «в меру своих сил и способностей» ущерб, причиненный преступлением.

Если осужденный во время отбывания наказания в виде обязательных работ вел ненадлежащий образ жизни, или не выполнял работу в установленном объеме, или не соблюдал установленные ограничения или обязанности, суд заменяет наказание в виде обязательных работ или оставшуюся его часть на лишение свободы из расчета один день безусловного лишения свободы за каждые два часа невыполненной работы.

Как видим, этот вид наказания достаточно близок по своему содержанию к предусмотренному в УК РФ наказанию в виде обязательных работ, за исключением одного: поскольку этот вид наказания рассматривается как альтернативное наказание, осужденный должен дать свое согласие на назначение ему этого вида наказания. При отсутствии такового суд назначает наказание, предусмотренное санкцией – лишение свободы.

Штраф. Денежное взыскание является одним из наиболее распространенных альтернативных видов наказаний, назначаемых судами Словацкой Республики. Его размер согласно §56 составляет от 160 до 3 000 000 евро. Назначение этого вида наказания возможно за совершение умышленного преступления, в результате которого виновный получил или стремился получить материальную выгоду. Поскольку штраф выплачивается государству, то это не освобождает виновное лицо от возмещения ущерба потерпевшему. Также как и в российском уголовном законодательстве, словацкий УК предусматривает возможность рассрочки выплаты штрафа и назначается с учетом имущественного положения осужденного и его возможности выплачивать штраф и возмещать ущерб.

Отличительная особенность этого наказания заключается в порядке его назначения: в случае, если штраф назначается в качестве основного наказания, то суд обязан назначить еще и наказание в виде лишения свободы на срок до 5 лет на тот случай, если виновный будет уклоняться от выплаты.

Конфискация имущества. Согласно §58 суд может назначить наказание в виде конфискации имущества, если виновный приговорен к пожизненному лишению свободы или к лишению свободы на определенный срок за преступление, в результате которого преступник получил или стремился получить имущественную выгоду или если этим преступлением был причинен ущерб. Суд может назначить наказание в виде конфискации имущества только в том случае, если он сочтет применение этого наказания целесообразным с учетом характера и тяжести совершенного преступления, обстоятельств его совершения, и степени воздействия этого наказания на семью и близких осужденного. Суд не назначает наказания в виде конфискации имущества, в частности, в том случае, если преступник полностью возместил причиненный ущерб.

Конфискация вещи. Согласно § 60 предметом конфискации могут выступать орудия и средства, используемые для совершения преступления, деньги, ценности и доходы, полученные преступным путем. Если вещь не поддается идентификации или смешана с имуществом другого лица, которое приобрело ее в соответствии с законом, то суд может вынести постановление о конфискации другой вещи, но такой ценности, которая соответствует стоимости подлежащей конфискации вещи.

Интересно отметить, что конфискации подлежат не только вещи, которые имеются в наличии на момент вынесение приговора, но и так называемые «недостижимые вещи», под которыми

словацкий законодатель понимает вещи, «уничтоженные, поврежденные, утерянные, украденные, приведенные в негодность, израсходованные, спрятанные, переданные другому лицу с целью исключения его из-под юрисдикции правоохранительных органов»¹.

Наказание в виде запрета на деятельность. Согласно §61 наказание в виде запрета на деятельность заключается в том, что осужденному на период отбывания этого наказания запрещается выполнять определенную работу или заниматься такой деятельностью, для осуществления которой требуется специальное разрешение или условия выполнения которой регулируются специальным постановлением. Этот вид наказания, также как и в УК РФ, может назначаться самостоятельно или в качестве дополнительного вида наказания. Его срок – от 1 года до 10 лет. При этом предусматривается возможность назначения этого наказания пожизненно, например, в случае совершения деяния, предусмотренного §179 «Торговля людьми», §199 «Изнасилование», §200 «Сексуальное насилие», §368 «Производство детской порнографии» и пр.

Пожизненный запрет на управление транспортным средством согласно ч. 5 §61 может быть назначен водителю, управлявшему транспортным средством в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, если он дважды уже был подвергнут наказанию за совершение указанного деяния (§289 УК Р), либо если водитель допустил нарушение правил дорожного движения, повлекшее смерть человека.

Запрет на пребывание. Согласно §62 наказание в виде запрета на пребывание заключается в том, что осужденный не может находиться или проживать в определенном месте во время исполнения приговора. Срок такого наказания – от одного года до пяти лет. Указанное наказание назначается в том случае, если этого требует охрана общественного порядка, семьи, здоровья, нравственности или имущества, принимая во внимание предыдущий образ жизни правонарушителя и место совершения преступления. Суд может наложить на виновного ограничения и обязательства, направленные на ведение упорядоченного образа жизни.

Наказание в виде запрета на участие в общественных мероприятиях. Согласно §62а наказание в виде запрета на участие в публичных мероприятиях заключается в том, что осужденному запрещается участвовать в спортивных, культурных или иных общественных мероприятиях в период отбывания этого наказания в объеме, указанном в решении суда. Суд может назначить наказание в виде запрета на участие в публичных мероприятиях на срок до десяти лет, если виновный совершил умышленное преступление в связи с участием в публичном мероприятии. На период отбывания этого наказания суд может наложить на осужденного ограничения и обязанности, в частности, являться в соответствующее отделение полиции в назначенное время и, как правило, суд обязывает виновное лицо возместить ущерб, причиненный преступлением.

Лишение почетных званий и наград. Согласно §63 суд может назначить наказание в виде лишения почетных званий и наград, если лицо виновно в совершении особо тяжкого преступления, за которое назначено наказание в виде лишения свободы на срок свыше пяти лет. Этот вид наказания является исключительно дополнительным и не может назначаться самостоятельно.

Среди тех наград и почетных званий, которых можно лишить, назначив указанный вид наказания: Орден Двойного белого креста (награждаются граждане других государств за выдающиеся заслуги по всестороннему развитию отношений между государствами, заслуги в распространении доброго имени Словакии за рубежом), Орден Андрея Глинки (награждаются граждане Словакии за выдающиеся заслуги), Орден Людовита Штура (награждаются граждане Словакии за выдающийся вклад в развитие демократии, защиту прав и свобод человека, развитие обороноспособности и безопасности Словацкой Республики), Крест Милана Растислава Штефаника (награждаются граждане Словакии, которые с риском для собственной жизни совершили подвиг в деле защиты Словацкой республики), Крест Прибины (награждаются граждане Словакии за выдающиеся заслуги и деятельность по развитию экономической, социальной и культурной жизни Словацкой Республики). В числе почетных званий, которых можно лишить, назначив данный вид наказания, например, почетный доктор (*Doctor honoris causa*) – почётная докторская степень университета или факультета, присуждаемая за особые заслуги.

¹ Ч. 3 §60 Trestný zákon č. 300/2005 Z. z. - [Электронный ресурс] – URL: <https://www.slov-lex.sk/ezbierky/pravne-predpisy/SK/ZZ/2005/300/> (Дата обращения 02.10.2025 г.)

Как отмечается в учебниках по словацкому уголовному праву, при назначении указанного вида наказания лицо лишается почетных званий и наград навсегда, но он не теряет права впоследствии приобрести их снова.

Лишение воинского или иного звания. Согласно §64 наказание в виде лишения воинского или иного звания назначается носителю такого звания, если он совершил преступление, наказание за которое предусматривает лишение свободы на срок свыше 2 лет. Этот вид наказания рассматривается словацким законодателем также исключительно в качестве дополнительного и заключается в том, что звание осужденного в Вооруженных силах понижается до звания рядового. Если это наказание применяется к иному лицу, находящемуся на государственной службе, то его звание при назначении данного наказания аннулируется.

Высылка. Согласно §65 если этого требуют общественные интересы, суд может вынести приговор о высылке с территории Словацкой Республики правонарушителя, если он не является гражданином Словацкой Республики, или лицом, которому было предоставлено убежище или дополнительная защита. Наказание в виде высылки не может быть применено к нарушителю: 1) гражданство которого не удалось установить или не удалось установить государство, из которого он прибыл на территорию Словацкой Республики; 2) который является гражданином государства – члена Европейского союза или гражданином государства – участника соглашения о Европейском экономическом пространстве или членом его семьи, независимо от гражданства, и имеет постоянное место жительства на территории Словацкой Республики; 3) если он подлежит депортации в государство, в котором его личная свобода будет находиться под угрозой по причине его расы, национальности, религии, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений.

Этот вид наказания может быть назначен на срок от одного года до пятнадцати лет. При этом следует отличать данный вид уголовного наказания, налагаемого судом за совершение преступления, от административного выдворения, которое реализуется в отношении иностранных граждан, нарушивших установленные правила пребывания в Словацкой Республики, Департаментом полиции.

Заключение

Институт наказания в уголовном праве Российской Федерации и Словацкой Республики представляет собой важнейший механизм, обеспечивающий реализацию принципов справедливости и предупреждения преступной деятельности. Несмотря на общие цели, подходы и структура наказаний в обеих странах имеют как сходства, так и существенные отличия, обусловленные историческими, правовыми и социальными особенностями.

В Словакии и России наблюдается тенденция к гуманизации наказаний, с большим упором на альтернативные наказания, не связанные с лишением свободы, что соответствует международным стандартам в области прав человека и восстановительного правосудия. При этом российское и словацкое уголовное законодательство, восприняв указанные стандарты и расширив сферы применения альтернативных наказаний, по-разному закрепило их в своем уголовном законодательстве. Если в отечественном Уголовном кодексе возможность назначения наказаний, не связанных с лишением свободы, сразу предусмотрено в санкциях статей Особенной части с указанием их конкретных видов и размеров, то в словацком Уголовном кодексе их назначение – прерогатива суда с учетом принципа индивидуализации наказания. Такое положение создаёт ситуацию, при которой судья вынужден прибегать к своему усмотрению для назначения альтернативных наказаний, фактически выполняя функции законодателя. На наш взгляд, подобная ситуация нарушает принцип разделения властей, гарантированный Конституцией, поскольку задача судьи ограничивается применением закона, а не созданием нового законодательства.

Полагаем, что закрепление альтернативных видов наказаний непосредственно в санкциях статей Особенной части в большей степени обеспечивает соблюдение прав граждан и снижает риск превышения полномочий судьями. Уголовный кодекс должен содержать чётко структурированную и предсказуемую систему наказаний, соответствующую требованиям демократического общества.

Список источников

1. Лазарева Н. Ю. Сравнительное уголовное право. Ростов-на-Дону: ЮРИУФ РАНХиГС, 2017. 173 с.
2. Корсаков К. В. Уголовное наказание в зеркале противоречивых подходов // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 1. С. 118–129. EDN ESSLWJ
3. Уголовное законодательство зарубежных социалистических государств. Чехословацкая Республика / Под ред. М.А. Гельфера. М.: Юрид.лит., 1957.
4. Jaroslav Ivor a kolektiv. Trestne pravo hmotne / Vseobecna cast. Bratislava, 2010.
5. Tothova M. Pohl'ad na systém trestnoprávnych sankcií v Slovenskej Republike // Cofola 2010: the Conference Proceedings, 1. edition. Brno: Masaryk University, 2010.
6. Лазарева Н. Ю., Чентеш И. Принципы современного уголовного законодательства Словацкой Республики // Северо-Кавказский юридический вестник. 2013. № 4. С. 68–72. EDN: RTNYCJ

References

1. Lazareva N. Yu. *Comparative criminal law*. Rostov-on-Don: SRIM RANEPA; 2017. 173 p. (In Russ.)
2. Korsakov K. V. Criminal punishment in the mirror of contradictory approaches. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(1):118–129. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2025-1-1-118-129>. EDN ESSLWJ
3. *Criminal legislation of foreign socialist states. Czechoslovak Republic*. Edited by M.A. Gelfer. Moscow: Jurid. lit.; 1957. (In Russ.)
4. Jaroslav Ivor a kolektiv. *Trestne pravo hmotne. Vseobecna cast*. Bratislava; 2010. (In Slovak)
5. Tothova M. Pohl'ad na systém trestnoprávnych sankcií v Slovenskej Republike. In: *Cofola 2010: the Conference Proceedings*, 1. edition. Brno: Masaryk University; 2010. (In Slovak)
6. Lazareva N. Y., Chentesh I. Principles of modern criminal legislation of the Slovak Republic. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2013;(4):68–72. (In Russ.)

Информация об авторе

Н. Ю. Лазарева – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин ЮРИУФ РАНХиГС.

Information about the author

N. Yu. Lazareva – Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South-Russia Institute of Management.

Автор заявляет об отсутствии интересов.

The authors declare that there is no conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 18.10.2025; одобрена после рецензирования 25.11.2025; принятая к публикации 26.11.2025.

The article was submitted 18.10.2025; approved after reviewing 25.11.2025; accepted for publication 26.11.2025.

Уголовно преследуемое лицо: понятие, виды, правовой статус

Юрий Борисович Чупилкин

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления,
Ростов-на-Дону, Россия, chupilkin_yb@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7728-5903>

Аннотация

Введение. Исследование деятельности по изобличению лица в совершенном преступлении обуславливает его содержанием взаимосвязь процесса доказывания совершения преступления конкретным лицом и его правового статуса. В связи с этим актуально обращение к научным положениям теории доказывания и криминалистики относительно периодизации процесса расследования преступления.

Цель. Рассмотреть содержание уголовного преследования как деятельности по изобличению лица в совершении преступления, а также обосновать актуальность выделения этапов уголовного преследования во взаимосвязи с правовым статусом преследуемого лица на каждом этапе.

Методы. Методологическую основу исследования составляют формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, системный подход к изучению судебной практики Конституционного Суда РФ, структурно-функциональный и деятельностный подходы.

Результаты. В результате проведенного исследования определены три ключевых этапа уголовного преследования: 1) этап выявления лица, совершившего преступление; 2) этап изобличения подозреваемого; 3) этап изобличения обвиняемого. Для каждого этапа сформулированы авторские дефиниции, отражающие специфику процессуальной деятельности на различных стадиях уголовного судопроизводства и позволяющие дифференцировать правовой статус лица, подвергаемого уголовному преследованию. Определен правовой статус преследуемого лица на первоначальном этапе в значении «заподозренное лицо». Предложено введение нового понятия «уголовно преследуемое лицо», сформулировано определение и состав субъектов. Обосновано рассмотрение уголовного преследования в широком значении, осуществляемого посредством уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностями. Введены понятия «уголовно-процессуальное преследование» и «оперативно-розыскное преследование».

Выводы. Предлагаемый подход к содержанию уголовного преследования может служить теоретико-правовой основой для оптимизации механизма обеспечения гарантий прав личности на всех его этапах. Рассмотрение уголовного преследования в широком значении позволяет сделать результаты различных исследований прав уголовно преследуемых лиц более обобщаемыми и применимыми.

Ключевые слова: заподозренное лицо, правовой статус, преступление, процессуальная деятельность, уголовное преследование, уголовно преследуемое лицо, уголовно-процессуальное преследование, оперативно-розыскное преследование, уголовное судопроизводство

Для цитирования: Чупилкин Ю. Б. Уголовно преследуемое лицо: понятие, виды, правовой статус // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 4. С. 112–127. EDN WCITLW

Original article

Criminally prosecuted person: concept, types, legal status

Yuri B. Chupilkin

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
South-Russia Institute of Management, Rostov-on-Don, Russia,
chupilkin_yb@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7728-5903>

Abstract

Introduction. The study of the activity of exposing a person in a committed crime determines its content of the relationship between the process of proving the commission of a crime by a specific person and his legal status. In this regard, it is important to refer to the scientific provisions of the theory of evidence and criminology regarding the periodization of the crime investigation process.

Purpose. To consider the content of criminal prosecution as an activity aimed at exposing a person in the commission of a crime, as well as to substantiate the relevance of highlighting the stages of criminal prosecution in relation to the legal status of the prosecuted person at each stage.

Methods. The methodological basis of the research consists of the formal legal method, the comparative legal method, a systematic approach to the study of judicial practice of the Constitutional Court of the Russian Federation, structural, functional and activity-based approaches.

Results. As a result of the conducted research, three key stages of criminal prosecution have been identified.: 1) the stage of identifying the person who committed the crime; 2) the stage of exposing the suspect; 3) the stage of exposing the accused. The author's definitions are formulated for each stage, reflecting the specifics of procedural activity at various stages of criminal proceedings and allowing to differentiate the legal status of a person being prosecuted. The legal status of the persecuted person has been determined at the initial stage in the meaning of "suspected person". The introduction of a new concept of "criminally prosecuted person" is proposed, the definition and composition of subjects are formulated. The consideration of criminal prosecution in a broad sense, carried out through criminal procedural and operational investigative activities, is justified. The concepts of "criminal procedural prosecution" and "operational-investigative prosecution" have been introduced.

Conclusions. The proposed approach to the content of criminal prosecution can serve as a theoretical and legal basis for optimizing the mechanism for ensuring guarantees of individual rights at all its stages. Considering criminal prosecution in a broad sense allows us to make the results of various studies of the rights of criminally prosecuted persons more generalizable and applicable.

Keywords: suspected person, legal status, crime, procedural activity, criminal prosecution, criminally prosecuted person, criminal procedural prosecution, operational investigative prosecution, criminal proceedings

For citation: Chupilkin Yu. B. Criminally prosecuted person: concept, types, legal status. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(4):112–127. (In Russ.). EDN WCITLW

Введение

В соответствии с п. 55 ст. 5 УПК РФ процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, является уголовным преследованием. Из содержания этой нормы следует, что уголовному преследованию (изобличению), подлежит лицо, имеющее статус подозреваемый или обвиняемый, т.е. причастность которого к совершению преступления определена органом предварительного расследования.

Причастность лица к совершению преступления осуществляется не иначе, как посредством доказывания, позволяющего в зависимости от наличия той или иной совокупности подтверждающих сведений (доказательств) признавать лицо подозреваемым или обвиняемым. В этом контексте уголовное преследование представляет процесс доказывания совершения конкретным лицом – подозреваемым и обвиняемым, преступления, обеспечивающий изобличение подозреваемого и обвиняемого.

В научной литературе изобличение подозреваемого, обвиняемого в ходе уголовного преследования определяется по-разному. Этот вопрос рассматривается по отношению к таким правовым категориям, как процессуальная форма и стадии уголовного судопроизводства. Так, А. М. Ларин рассматривает подозрение и обвинение в значении особых видов уголовного преследования [1, с. 138]. М. С. Строгович – как его стадии [2, с. 66].

Позже А.М. Ларин стал определять подозрение и обвинение как формы уголовного преследования [3, с. 38–39]. Мнение об уголовном преследовании подозреваемого и уголовном преследовании обвиняемого как разновидностях уголовного преследования разделяется и в современной научной литературе [4, с. 261].

В условиях определения в УПК РФ видов уголовного преследования по иным основаниям – в зависимости от характера и тяжести совершенного преступления (в ст. 20 УПК РФ), рассмотрение подозрения и обвинения в качестве его видов не представляется актуальным.

Различие между подозрением и обвинением, как форм уголовного преследования, представители такого подхода объясняют тем, что « ... формы уголовного преследования различаются в зависимости ... от степени выраженности, степени конкретности обвинения, по поводу которого уголовное преследование осуществляется» [5, с. 105].

Такой подход представляется теоретически дискуссионным, поскольку «подозрение и обвинение не могут иметь для формы уголовного преследования определяющего значения уже потому, что сами по себе эти тезисы являются «продуктом», результатом этой самой деятельности» [6, с. 170–171].

Подозрение и обвинение, как результат деятельности по изобличению лица в совершении преступления, отличают не форма или ее вид, а состояние правовой определенности (доказанности), причастности подозреваемого и обвиняемого к совершенному преступлению.

В этом контексте исследование деятельности по изобличению лица в совершенном преступлении обусловливает его содержанием взаимосвязь процесса доказывания совершения преступления конкретным лицом и его правового статуса. В связи с этим актуально обращение к научным положениям теории доказывания и криминалистики относительно периодизации процесса расследования преступления.

Теоретические основы

В теории уголовного судопроизводства доказывание определяется как единый и неразрывный процесс познания, состоящий из органически связанных между собой этапов. Под этапами доказывания понимается разные, следующие один за другим моменты установления истины, характеризуемые различной степенью выясненности доказываемых по делу обстоятельств [7, с. 300].

Изобличение лица в совершении преступления (уголовное преследование) характеризуется динамикой состояния правовой определенности (доказанности) его причастности к совершенному преступлению.

В законодательном определении изобличения подозреваемого и обвиняемого в совершении преступления, как цели процессуальной деятельности стороны обвинения, уже содержится неоднородность правовой определенности доказанности совершения преступления, поскольку разный правовой статус преследуемых лиц обусловливается разным состоянием доказанности совершения ими преступления.

Так, для обвинения лица в совершении преступления необходимо наличие достаточных для этого доказательств (ст. 171 УПК РФ). Наличие достаточных для предъявления обвинения доказательств является результатом предшествующего ему процесса доказывания – накопления, исследования и оценки доказательственной информации.

Вместе с тем, доказанность совершения преступления подозреваемым не во всех случаях может рассматриваться как вероятная, поскольку УПК РФ устанавливает и определенные (не оценочные) основания придания лицу статуса подозреваемого (п. 2 ч. 1 ст. 46 УПК РФ).

Таким образом, содержание правовой определенности (доказанности) совершения подозреваемым и обвиняемым преступления определяется состоянием доказанности сведений об обстоятельствах совершенного преступления, которое связано с наличием достаточных доказательств, посредством которых аргументируются однозначные выводы в отношении этих обстоятельств.

Состояние доказанности обвинения характеризуется уровнем достоверного знания о совершении преступления обвиняемым, чем определяется содержание этого этапа доказывания и соответствующему ему этапу уголовного преследования.

К доказанности подозрения законодатель требование достаточности доказательств не предъявляет, поскольку содержание деятельности по изобличению подозреваемого в совершении преступления составляет процесс доказывания причастности подозреваемого к преступлению.

Это позволяет определять содержание деятельности по изобличению лица в совершенном преступлении как состоящее из этапов изобличения подозреваемого лица и изобличения обвиняемого лица, на каждом из которых преследуемое лицо имеет соответствующий статус.

В УПК РФ направленность уголовного преследования подозреваемого и обвиняемого определяется одним словом – «изобличение» (в совершении преступления), которое не раскрывает особенности содержания этой деятельности на каждом из этапов изобличения преследуемых лиц.

Однако слово «изобличать», означающее «изобличить кого, в чем, обличать, уличать, доказывать или обвинять уликой, доказательствами, быть обличаему» [8]; изобличение определяется как процесс действия, результат такого действия [9], является передающим различную информацию о предмете или явлении внеязыковой действительности [10, с. 239–244].

Применение многозначного слова для определения того или иного научного понятия свидетельствует о структурной сложности отражаемого им явления. Не является исключением в этом смысле и понятие «изобличение подозреваемого и обвиняемого». Раскрытию его содержания способствует этапный подход к классификации уголовного преследования.

Соотношение значений слова «изобличение» с выделяемыми этапами уголовного преследования свидетельствует, что одни его значения отражают содержание всех этапов уголовного преследования, являясь общими для них, другие – содержание только отдельных этапов.

В этом контексте понятие «изобличение» в законодательном определении уголовного преследования (п. 55 ст. 5 УПК РФ) следует рассматривать как содержательно многозначное, общим значением для всех этапов уголовного преследования является рассмотрение изобличения, как процесса деятельности (действия) и его результата.

Для определения особенности уголовного преследования на каждом из выделяемых этапов, обратимся к лексическому значению слова «изобличение» («изобличать»), обобщающее многие его смыслы.

Многоаспектность смыслового содержания слова «изобличение» раскрывается его синонимами, которые, обозначая то же понятие, углубляют его значение, подчёркивая различные характеристики. Синонимами слова «изобличение» являются слова «обнаруживание, обнаружение [11], означающие раскрытие, выявление, отыскание, установление, раскрытие [12, с. 275].

Таким образом, слово «изобличение» определяется несколькими его значениями, общность и взаимосвязь которых состоит в том, что все они (выявление, установление, обличение, обвинение уликой и др.) представляют проявления деятельности, характеризуя определенные ее аспекты.

Многообразие смысловых значений слова «изобличение» актуально для установления особенности содержания изобличения лица в совершении преступления на отдельных этапах уголовного преследования, придавая им «поэтапную» определенность.

Уголовное преследование на этапе изобличения обвиняемого лица в совершении преступления отличает наличие собранных и достаточных для обвинения доказательств, в связи с чем **особенность этого этапа определяется таким значением слова «изобличение», как обличение (обвинение уликой, доказательствами).**

Уголовное преследование на этапе изобличения подозреваемого в совершении преступления лица характеризуется осуществлением доказывания причастности подозреваемого к преступлению, в связи с чем **содержанию этого этапа соответствует такое значение слова «изобличение», как установление – установление причастности лица, признанного подозреваемым, к совершению преступления.**

Осуществление уголовного преследования в отношении лиц, имеющих статус подозреваемого и обвиняемого, определяющее наличие права на защиту от уголовного преследования позволяет определить подозреваемого и обвиняемого одним общим понятием – «уголовно преследуемое лицо».

Предлагаемое нами понятие «уголовно преследуемое лицо» позволяет сделать результаты различных исследований прав подозреваемого и обвиняемого более обобщаемыми и применимыми, а также обосновать, что содержание этого понятия не ограничивается только подозреваемым и обвиняемым.

Обратимся в связи с этим к выделяемым в теории криминалистики этапам расследования преступлений, которыми рассматриваются первоначальный и последующий этапы. На первоначальном этапе расследования выделение следственных ситуаций базируется на той информации, которой следователь (дознаватель) обладает на данном этапе расследования о личности виновного лица, на последующем этапе обвиняемый (подозреваемый) известны [13, с. 27].

Уголовное преследование, применительно к первоначальному этапу расследования преступлений, направлено на выявление лица, совершившего преступление в целях его установления, до признания подозреваемым или обвиняемым.

Выявление лица, совершившего преступление, до его признания подозреваемым или обвиняемым, рассматривается нами как самостоятельный этап изобличения лица в совершении преступления (уголовного преследования).

Слово «выявление» представляет одно из проявлений изобличения, в связи с чем его смысловым значением определяется содержание этого этапа уголовного преследования.

При определении начала осуществления уголовного преследования – выявления лица, совершившего преступление, отметим, что в криминалистике первоначальный этап дополняют этапом, складывающимся до возбуждения уголовного дела, именуемый некоторыми авторами как проверочный этап [14, с. 241; 15], другими как «доследственный», состоящий в предварительной проверке поступившего сообщения о преступлении [16, с. 46-47; 17, с. 30]. Такой подход учеными-криминалистами рассматривается как дискуссионный.

В научных исследованиях уголовного преследования также обосновывается его осуществление не только в рамках возбужденного уголовного дела, но и при проведении доследственной проверки. Подробнее этот вопрос рассмотрен отдельно. Предварительно приведем подход О. Я. Баева к определению этапов осуществления уголовного преследования в рамках досудебного производства. Таковыми ученым выделяет следующие:

- неперсонифицированный этап, который начинается с момента инициирования уголовного преследования и до появления в уголовном деле подозреваемого;

- персонифицированный этап, который начинается с момента привлечения лица в качестве подозреваемого и до приобретения этим лицом процессуального статуса обвиняемого;

- окончание уголовного преследования в рамках досудебного производства либо составлением в отношении подозреваемого обвинительного заключения и передачей материалов уголовного дела прокурору, либо прекращением уголовного дела, либо прекращением уголовного преследования [18, с. 58].

Соответственно, уголовное преследование по выявлению лица, совершившего преступление, представляет процесс преобразования неперсонифицированного знания об этом лице в знание персонифицированное. На этом этапе проверяются сведения о возможной причастности лица к совершению преступления, которые носят предположительный характер.

Уголовное преследование, применительно к первоначальному этапу расследования преступлений, как отмечалось, направлено на выявление лица, совершившего преступление в целях его установления, до признания подозреваемым или обвиняемым.

Выявить, означает сделать явным, обнаружить, вскрыть [19, с. 120], выявление – это процесс действия [20]. Понятие «выявить» означает процесс обнаружения или раскрытия чего-либо, что до этого было неизвестно.

При неочевидных преступлениях, выявление совершившего его лица состоит в выдвижении предположительной версии о нем, основанной на имеющейся личностной информации,

а также ее проверки, в ходе которой устанавливается (или не устанавливается), личность субъекта преступления.

Понятия «выявление» и «установление» лица, совершившего преступление, при совершении преступления в условиях неочевидности, имеют различаемые смысловые значения, обусловленные их специфическим отражением в объективной действительности.

Как справедливо отмечаются в научной литературе, каждый из употребляемых в науке и практике известных терминов – «раскрытие», «расследование», «выявление» и др., отражают определенные специфические процессы, за каждым из которых стоят современные функциональные разработки по борьбе с преступностью, сложившаяся структура правоохранительных органов, направления деятельности всей правоохранительной системы и др. [21, с. 136].

Определяя соотношение понятий «выявление» и «установление» с точки зрения процесса познания в уголовном процессе, Р. Г. Зорин отмечает, что ситуация связанная с выявлением обстоятельств (доказательств), актуализируется в тех случаях, когда материалы уголовного дела содержат минимальный объем исходных данных на досудебных стадиях, в том числе по уголовным делам о преступлениях, совершенных в условиях неочевидности. Необходимо именно установить относимость (значение для уголовного дела) тех или иных обстоятельств из числа обнаруженных. Таким образом, процесс установления указанных обстоятельств носит избирательный характер. Реализация задачи установления может совпадать с решением (результатом) задачи обнаружения, где установление рассматривается как процесс исследования обнаруженных обстоятельств [22, с. 17–20].

Предположение (версия) о возможном совершении преступления определенным лицом основывается на вероятности совершения им уголовно-наказуемого деяния.

Вероятность предположения означает, что, то объяснение факта или совокупности фактов, которое составляет его содержание, может быть истинным, что реально превращение этого предположения в достоверное знание [23, с. 58].

Вероятное знание, в отличие от достоверного, – это знание, обоснованное такими сведениями, которые оставляют место для сомнений в отношении достигнутого знания. Достоверное знание характеризуется отсутствием сомнений и наличием не только уверенности, но и убеждения [24, с. 64].

В отечественной теории доказывания этот процесс состоит в установлении истины в судопроизводстве, ее познание, обоснование представлений о ее содержании [23, с. 5; 25, с. 5, 61–62], т.е. осуществление познания от вероятностного знания к знанию достоверному. Категории «вероятность» и «достоверность» характеризуют различные уровни знания, достигнутого субъектом познания, различные степени обоснованности, доказанности этого знания.

Оценка достаточности доказательств осуществляется субъектом доказывания (дознавателем, следователем) и представляет собой мыслительный, психический, логический процесс формирования обоснованного знания о наличии либо отсутствии обстоятельств и фактов, имеющих значение для уголовного дела.

В отличие от отечественной теории доказывания, германский уголовный процесс, например, определяет критерии для разных видов (стандартов) подозрения в совершении лицом преступления:

- простое (необходимое для начала доказывания и представляющее собой минимальную вероятность совершения уголовно наказуемого деяния);
- достаточное (означающее наличие фактов, которые с учетом практического опыта указывают на возможность осуждения обвиняемого судом на основании безупречного доказывания);
- серьезное (связано с решением вопроса о применении заключения под стражу, когда по состоянию на данный момент расследования подозрение является высоким и указывает, что обвиняемый совершил преступление и, вероятно, его осуждение судом) [26, с. 34–76].

Однако, независимо от того, какое требование устанавливает национальное законодательство для завершения расследования и привлечения виновного к суду – достоверное установление всех обстоятельств преступления или высокий (серьезный) уровень подозрения, уголовное преследование начинается, преимущественно, с вероятностного знания о совершении лицом уголовно наказуемого деяния.

На этом этапе, при проверке версии о возможной причастности лица к совершению преступления, правоохранительные органы могут осуществлять в отношении лица, не имеющего статуса подозреваемого (обвиняемого), определенные действия, направленные на его изобличение.

Применительно к таким ситуациям, Конституционный Суд РФ (КС РФ), в известном постановлении от 27 июня 2000 г. № 11-П, определил, что каждое лицо, во всех случаях, когда его права и свободы существенно затрагиваются или могут быть существенно затронуты действиями и мерами, связанными с уголовным преследованием на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, вправе пользоваться помощью адвоката (защитника).

Такой подход взаимосвязан с позицией Европейского Суда по правам человека, который, применяя «критерий Энгеля»¹, исходит из содержательного подхода, связывая начало уголовного преследования с моментом, когда положение лица существенно затрагивается, и оно должно быть наделено всеми правами, предусмотренными ст. 6 ЕКПЧ.

Сравнительно-правовой анализ показывает два основных подхода.

1) Формальный правовой статус возникает с момента конкретного процессуального действия (задержание, предъявление обвинения). Такой подход можно наблюдать в ангlosаксонской модели, когда преследуемое лицо наделяется правами и обязанностями с момента задержания (Правила Миранды) [27, с. 57–69]. В системах континентального права это, как правило, процедура предъявления обвинения (характерна для стран с судебным предварительным следствием, например, Франция) [28, с. 348–360].

2) Фактический (германская модель): права возникают с момента появления «начального подозрения» (Anfangsverdacht), что требует от правоприменителя высокой квалификации и создает риски субъективизма.

Признание права на защиту лиц, не наделенных процессуальным статусом подозреваемого, но в отношении которых фактически осуществляется уголовное преследование посредством действий и мер, ограничивающих их права, актуализирует проблему определения правового статуса лица, причастность которого в совершении преступления предполагается.

Результаты и обсуждение

Анализ доктринальных точек зрения по этому вопросу позволяет выделить следующие мнения.

Одни ученые полагают, что следует расширить понятие подозреваемого в соответствии с позицией Конституционного Суда РФ.

Так, В. А. Лазарева обращает внимание, что в качестве подозреваемого следует рассматривать не только лицо признанное таковым в порядке ст. 46 УПК РФ, но и любое лицо, в отношении которого соответствующими органами совершаются любые предусмотренные законом действия, направленные на установление факта совершения им преступления [29, с. 74].

О. А. Зайцев и П. А. Смирнов предлагают понимать под подозреваемым лицо, которое на основании сведений, способных стать доказательствами по уголовному делу, непосредственно вовлечено в уголовное судопроизводство правомочным органом в связи с проверкой предположения о причастности его к деянию, содержащему признаки преступления, до выдвижения против него обвинения [30, с. 62–63].

Данное понятие представляется спорным, поскольку нуждается в раскрытии закономерный вопрос, что следует понимать под «непосредственным вовлечением» в уголовное судопроизводство конкретного лица?

В. А. Семенцов считает, что лицо, фактически лишенное свободы передвижения в стадии возбуждения уголовного дела, приобретает процессуальный статус подозреваемого не с момента составления протокола задержания, как традиционно принято считать, а немного раньше – после доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю [31, с. 100–103].

¹ Постановление ЕСПЧ от 8 июня 1976 г. по делу «Энгель (Engel) и другие против Нидерландов». URL: <https://european-court-help.ru/krriteria-jengelja-dlya-opredelenija-ugolovnogo-obvinenija-dlya-celej-statii-6-evropejskoj-konvencii/> (дата обращения: 20.05. 2025).

Еще ранее, а именно с момента фактического задержания, предлагают признавать лицо подозреваемым Р. М. Исаева и С. М. Куценко [32, с. 172].

Указанные предложения направлены на расширение понятия подозреваемого и не содержат четких оснований для признания лица подозреваемым, которые должны быть обязательно указаны в законе и являться важным правилом для правоприменителя.

Другие ученые видят решение этого вопроса на основе разграничения понятий «подозрение» и «подозреваемый».

Так, Н. А. Козловский определяет подозрение, как форму причастности лица к совершенному преступлению, которая выражается в виде выводов органов судопроизводства и оформленного специальным процессуальным актом о предположительно преступном характере его действий и необходимости вовлечения его в качестве подозреваемого [33, с. 51].

По мнению И.А. Пантелеева, подозрение выражается в форме процессуального решения органа уголовного преследования о причастности лица к совершению расследуемого преступления [34, с. 106].

И. В. Овсянниковым справедливо отмечается, что изначально следует сформулировать подозрение в отношении определенного лица, затем определить процессуальный статус подозреваемого, и только после чего, при наличии законных оснований, могут быть применены к подозреваемому меры пресечения [35, с. 45–46].

Б. А. Мириев предлагает под подозрением понимать основанное на доказательствах и положениях п.п. 1–4 ч. 1 ст. 46 УПК РФ утверждение следователя (дознавателя) о совершении конкретным лицом расследуемого преступления [36, с. 16].

И. В. Смольковой обоснованно трактуется подозрение как момент персонификации уголовного преследования, которое основывается на собранной процессуальной и непроцессуальной информации. Это предположение лица, ведущего расследование, о совершении конкретным лицом преступления, при этом подозрение и обвинение представляют собой два этапа уголовного преследования [37, с. 66–67].

Представляется обоснованным необходимость в разграничении понятий «подозрение» и «подозреваемый». Подозрение следует рассматривать в значении наличия сведений (фактических оснований), которые формируют внутреннее убеждение следователя, дознавателя, о возможном (вероятном) совершении преступления определенным лицом. Это могут быть, как доказательства причастности лица к совершенному преступлению, так и не процессуальная информация о преступной деятельности этого лица. Подозрение не требует обязательного процессуального оформления. Наличие подозрения без соответствующего юридического основания, предусмотренного ч. 1 ст. 46 УПК РФ, еще не вызывает появления в уголовном процессе такого участника, как подозреваемый [38, с. 16]. Подозрение не требует обязательного процессуального оформления.

Видовую классификацию подозрения можно представить посредством следующих его видов:

1) Подозрение как внутреннее убеждение следователя.

2) Фактическое положение лица (позиция КС РФ), в отношении которого совершаются действия:

- реально ограничивающие свободу и личную неприкосновенность: удержание сотрудниками правоохранительных органов (например, содержание в помещении органа без возможности свободного ухода); принудительный привод или доставление в органы дознания и следствия; содержание в изоляции без каких-либо контактов (фактическое лишение свободы передвижения и общения);

- следственные действия, направленные на изобличение лица: обыск; допрос в качестве свидетеля (хотя по сути допрос касается причастности самого лица к преступлению); очная ставка; опознание и др.;

- иные меры, свидетельствующие о наличии подозрений против лица. Это очень широкое понятие и его содержание не определено. КС РФ отметил, что разъяснение допрашиваемому свидетелю его права не свидетельствовать против самого себя (ст. 51 Конституции РФ), является «наличием подозрений против него». По общему правилу разъяснение свидетелю его права

не свидетельствовать против себя (также известное как право отказаться от самообвинения) не может рассматриваться как признак того, что допрашиваемый является заподозренным или подозреваемым. Предложение КС РФ, если следовать буквальному смыслу указанного разъяснения, может привести к нарушению прав участников уголовного процесса, поскольку конституционное право о свидетельском иммунитете должно быть разъяснено всем свидетелям. Из уголовного процесса понятие (фигура) свидетеля тогда вообще исчезает, поскольку всех их надо считать фактически подозреваемыми;

- любые иные действия, которые существенно ограничивают свободу и личную неприкосновенность и связаны с уголовным преследованием.

Разграничение понятий «подозрение» и «подозреваемый» позволяет определить правовой статус лица на этапе выявления его причастности в совершении преступления в значении «заподозренное лицо».

В юридической литературе такой подход поддерживается рядом ученых. По мнению А.А. Давлетова, следует предусмотреть в одной статье 46 УПК РФ «Лицо, подозреваемое в совершении преступления» две процессуальные фигуры: «заподозренный» и «подозреваемый» [39, с. 66]. Данный подход представляется дискуссионным, поскольку смешение двух разных статусов в одной статье может привести к их размытию и сложностям в правоприменении.

Представляется обоснованной позиция Е.В. Сопневой, которая понимая под заподозренным «лицо, в отношении которого выдвинуто предположение о его причастности к преступлению», предлагает закрепить автономный статус «заподозренного лица» в самостоятельной статье 46.1 УПК РФ, а его определение в п. 12² ст. 5 УПК РФ [40, с. 196].

Нами предлагается рассматривать заподозренного как физическое лицо, не имеющее статус подозреваемого (обвиняемого), в отношении которого осуществляется уголовное преследование по выявлению и установлению его причастности к совершению преступления, в связи с обоснованным на то предположением.

Выделение этапа выявления лица, совершившего преступление, и определение статуса преследуемого лица в значении «заподозренное лицо», актуализирует установление начала уголовного преследования.

В научных исследованиях началом уголовного преследования обосновывается его осуществление не только в связи с возбуждением уголовного дела, но и при проведении доследственной проверки.

Так, по мнению Ю. В. Деришева и Е. И. Земляницина, процессуальный статус подозреваемого следует распространить на стадию возбуждения уголовного дела, а подозреваемым считать лицо с момента осуществления фактических действий, направленных на его изобличение в совершении преступления до момента предъявления обвинения в установленном законом порядке. По их мнению, целесообразно ввести акт процессуального уведомления о начале уголовного преследования, с вынесением которого лицо ставилось бы в статус подозреваемого [41, с. 95–100].

Подобное мнение высказано Ю. В. Астафьевым и И. С. Сыщиковым, которые считают, что основаниями для признания лица подозреваемым должны быть дополнены следующим положением: «Подозреваемым признается лицо, в отношении которого имеется заявление или иное сообщение о совершении им преступления, в случаях, если это сообщение поступило к следователю, руководителю следственного органа, дознавателю, начальнику органа дознания и зарегистрировано в качестве повода к возбуждению уголовного дела» [42, с. 107].

Аналогичного мнения придерживается и Т.А. Николаева, которая высказывает идею о дополнении главы 7 УПК РФ статьей 46¹ «Изобличаемый». Под изобличаемым следует понимать лицо, которому в ходе производства доследственной проверки вручено сообщение о проверке на причастность к совершенному преступлению» [43, с. 290].

Разделяя, в целом, приведенные мнения, полагаем, что на рассматриваемых этапах уголовное преследование осуществляется в отношении заподозренного лица, а не подозреваемого.

Содержание изобличения заподозренного лица посредством уголовно-процессуальной деятельности определяется:

- фактическим задержанием и доставлением лица в орган дознания или к следователю (независимо от последующего оформления протокола задержания по ст. ст. 91–92 УПК РФ);
- получением от лица письменных объяснений по поводу его предполагаемой причастности к конкретному преступлению;
- проведением в отношении него освидетельствования, истребованием образцов для сравнительного исследования, назначением судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела и пр.;
- прямым указанием на данное лицо в качестве подозреваемого в заявлении о преступлении или в рапорте об обнаружении признаков преступления, зарегистрированном в установленном порядке;
- заявлением самого лица – явка с повинной, конкретно указывающая на его причастность.

Такой «закрытый» перечень оснований выполняет две основные функции (гарантийную и правоприменительную). Гарантийная функция – четко очерчивает круг ситуаций, когда должностные лица правоохранительных органов обязаны предоставить заподозренному лицу права. Исключает произвол и «уловки» следствия, направленные на затягивание предоставления статуса. Правоприменительная функция – снимает с сотрудников правоохранительных органов бремя сложной субъективной оценки «достаточности подозрений» и предоставляет простой и понятный алгоритм действий: если совершено одно из перечисленных действий – лицо должно быть уведомлено о приобретении статуса заподозренного со всеми вытекающими правами.

Проверочные действия, производимые при проверке сообщения о преступлении, представляют собой сочетание отдельных следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий и ряда специальных действий, присущих только стадии возбуждения уголовного дела и процедура которых не определена в УПК РФ. По мнению автора, проверочные действия при производстве доследственной проверки следует рассматривать, как непроцессуальные меры.

Посредством не процессуальных действий осуществляется выявление и установление лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление посредством оперативно-розыскной деятельности, что составляет одну из ее задач (ст. 2 ФЗ от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»).

Содержание деятельности по установлению причастности заподозренного лица в совершении преступления посредством оперативно-розыскной деятельности состоит в следующем: заведением дела оперативного учета, в котором данное лицо фигурирует в качестве объекта оперативной разработки; проведением любого оперативно-розыскного мероприятия, направленного на изобличение лица (проверочная закупка, оперативный эксперимент, опрос) с составлением соответствующего акта.

Основной контраргумент о необходимости конспирации при проведении ОРМ справедлив лишь для сугубо негласных мероприятий. При проведении гласных ОРМ или при фактическом задержании приоритетом должно стать обеспечение прав личности.

С учетом специфики оперативно-розыскной деятельности, осуществление уголовного преследования посредством оперативно-розыскных действий и мер следует рассматривать применительно к этапу выявления лица, совершившего преступление.

Вопрос осуществления преследования посредством оперативно-розыскной деятельности затрагивается Ю. П. Гармаевым. Ученый, определяя заподозренного как физическое лицо, в отношении которого у представителей стороны обвинения фактически имеется подозрение в совершении преступления, но статусом подозреваемого (ст. 46 УПК РФ) оно не обладает ..., дополняет его следующим пояснением: «Речь идет, например, о лице, в отношении которого проводится проверка (ст. 144 УПК РФ) или оперативно-розыскные мероприятия до возбуждения уголовного дела» [44, с. 6].

Выделение в составе уголовного преследования этапа выявления лица, совершившего преступление, позволяет рассматривать уголовное преследование, осуществляемого на этом этапе, в широком его значении, как осуществляемого посредством уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной (не процессуальной) деятельности. Видами уголовного преследования на этом этапе, следует определить уголовно-процессуальное и оперативно-розыскное преследование, соответственно.

Предложенный подход согласуется с позицией Конституционного Суда РФ, который в п. 3 постановления от 27 июня 2000 г. № 11-П указывает, что статьей 48 (часть 2) Конституции Российской Федерации гарантируется защита от необоснованных ограничений предусмотренного статьей 22 Конституции Российской Федерации права на свободу и личную неприкосновенность, в связи с чем право на квалифицированную юридическую помощь адвоката должна быть предоставлена каждому лицу, в том числе в рамках уголовного преследования **в любых его формах** (выделено мною – Ю.Ч.). В контексте настоящего исследования это положение актуально для выделяемых видов уголовного преследования.

Рассмотрение оперативно-розыскной деятельности по выявлению лица, совершившего преступление в значении преследования (оперативно-розыскного) имеет принципиальное значение для обеспечения гарантий прав заподозренного лица. Правовой статус заподозренного лица и, соответственно, его права, не могут ставиться в зависимость от вида осуществляемого в отношении него преследования – уголовно-процессуального или оперативно-розыскного. Поэтому права заподозренного лица должны обеспечиваться независимо от видов уголовного преследования.

В данном случае, речь идет о гласных оперативно-розыскных мероприятиях (ОРМ), проведение которых (в отличие от негласных) не скрывается от проверяемых лиц и окружающих. Одним из примеров гласного ОРМ является проверочная закупка. Основанием ее проведения являются ставшие известными органам, осуществляющим ОРД, сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного действия, а также о лицах, участвующих в этом, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела¹.

В этом случае ОРМ «проверочная закупка» направлена на выявление уличающих лицо фактов и обстоятельств, т.е. осуществляется в отношении заподозренного лица, по результатам которого устанавливается его причастность к совершению противоправного действия. Поскольку проверочная закупка имеет своей целью не только выявление, но и пресечение преступной деятельности, поэтому по окончанию ее проведения возможно применение принудительных мер в виде задержания и личного досмотра. Однако их регламентация в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» отсутствует.

Разработанная в настоящее время система обеспечения прав личности, попавшей в сферу ОРД, отмечает в докторской диссертации А. М. Ефремов, признается отдельными специалистами не отвечающей требованиям правового государства [45, с. 32].

В научных публикациях отмечается неурегулированность правоотношений, связанных с задержанием и личным досмотром лиц в ходе проведения ОРМ, высказываются обоснованные предложения о наделении органов уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной деятельности дополнительными правами на осуществление задержания и личного досмотра при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Решение этого вопроса должно учитывать не только интересы правоохранительных органов, но и обеспечивать права лица, в отношении которого осуществляется ОРД. В этой связи, выделение нами этапа выявления лица, совершившего преступление и определение на нем статуса «заподозренное лицо», в отношении которого осуществляется уголовное преследование, будет способствовать определению его прав и гарантий их обеспечения.

С этих позиций представляется целесообразным принятие отдельного закона о задержании в котором определить права заподозренного лица. Полагаем, что заподозренное лицо должно быть наделено следующими правами: знать сущность подозрений; правом на помочь защитнику с момента первого действия изобличительного характера; не свидетельствовать не только против себя самого и своих близких родственников, но хранить молчание; правом давать объяснения и представлять доказательства; заявлять ходатайства и обжаловать действия должностных лиц.

¹ Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // СПС КонсультантПлюс.

Заключение

Таким образом, уголовное преследование в широком значении осуществляется правоохранительными органами посредством уголовно-процессуального и оперативно-розыскного преследования в целях изобличения лиц, заподозренных, подозреваемых и обвиняемых в совершении ими преступления.

Уголовно преследуемое лицо – это физическое лицо, в отношении которого осуществляются существенно ограничивающие его права действия и меры, направленные на выявление (установление) и изобличение в совершении преступления.

Введение понятия «уголовно преследуемое лицо» позволяет дать следующие определения уголовно преследуемым лицам:

- заподозренный – физическое лицо, в отношении которого осуществляется уголовно-процессуальное и (или) оперативно-розыскное преследование по установлению его причастности к совершенному преступлению в связи с обоснованным предположением о совершении им преступления;

- подозреваемый – физическое лицо, наделенное статусом подозреваемого в соответствии со ст. 46 УПК РФ, в отношении которого осуществляется уголовно-процессуальное преследование по его установлению и изобличению в совершении преступления;

- обвиняемый – физическое лицо, в отношении которого собрано достаточно доказательств его виновности, наделенное статусом обвиняемого в соответствии со ст. 47 УПК РФ, в отношении которого продолжается уголовно-процессуальное преследование по изобличению (обличению) в совершенном преступлении.

Предлагаемый подход к содержанию уголовного преследования может служить теоретико-правовой основой для оптимизации механизма обеспечения гарантий личности на всех его этапах.

Список источников

1. Ларин А. М. От следственной версии к истине. М.: «Юрид. лит.», 1976. 198 с.
2. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. В 2 т. Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. 470 с.
3. Ларин А. М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М.: Юрид. лит., 1986. 159 с.
4. Шаров Д. В. Сущность уголовного преследования в свете идей профессора Л. М. Карнеевой // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 259–263. EDN: FHSMAG. DOI: 10.24412/2414-3995-2022-3-259-263
5. Жук О. Д. Формы и виды уголовного преследования // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 11. С. 104–109.
6. Дикарев И. С., Байманов С. С. Формы уголовного преследования // Legal Concept =Правовая парадигма. 2021. Т. 20. № 3. С. 167–175. EDN: PRIAVQ. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2021.3.25
7. Теория доказательств в советском уголовном процессе / [Белкин Р. С. и др.; редкол.: Жогин Н. В. (отв. ред.) и др.]; Всесоюз. ин-т по изучению причин и разраб. мер предупреждения преступности. - Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Юрид. лит., 1973. 734, [1] с.
8. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 томах / Даль В.И. М.: РИПОЛ классик, 2006. / Т. 2. И-О. – 784 с. / И. 5-69 с. - (Золотая коллекция). URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyj-slovar-zhivogo-velikorusskogo-jazyka-v-i-dalja-bukva-i/563> (дата обращения: 20.09.2025)
9. Современный толковый словарь русского языка Ефремовой / Под ред. Т. Ф. Ефремовой. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/170161/> Изобличение? ysclid=mgow6rrs9k6708252 (дата обращения: 20.09.2025).
10. Стрикун Е. А. Многозначность лексических единиц или полисемия // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. 2022. Т. 23. № 3. С. 239-244. <https://doi.org/10.35854/2541-8106-2022-3-239-244>
11. Словарь синонимов русского языка. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonyms/54271/изобличение (дата обращения: 20.09.2025).

12. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник. 11000 синонимич. рядов. М.: Рус. яз.-Медиа, 2003. 564 с.
13. Кардашевская М.В. К вопросу о периодизации расследования преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 1-2. С. 24–29. EDN: QCHLVR
14. Гавло В. К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск: Томский гос. ун-т, 1985. 333 с.
15. Шурухнов Н.Г. Криминалистика: Учебник. М.: Эксмо, 2008. 720 с.
16. Выдрина Н. В. Исходные доследственные ситуации по фактам самоубийств // Криминалистические методы расследования преступлений. Вып. 2. Тюмень, 1995. С. 45–49.
17. Зеленецкий В. С. Доследственные ситуации в советском уголовном процессе / Сб.: Следственная ситуация. М., 1985. С. 30–33.
18. Сверчков В. В. Преступление и состав преступления. Особенности преступного поведения и уголовного преследования: Учеб. пособие для бакалавриата, специалитета и магистратуры. М.: Юрайт, 2019. 334 с.
19. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Сов. энциклопедия, 1970. 900 с.
20. Современный толковый словарь русского языка Ефремовой / Под ред. Т. Ф. Ефремовой. URL: <https://rustxt.ru/dict/выявление> (дата обращения: 20.09.2025).
21. Клюкова М. Е., Рахматуллин Р. Р., Верин А. Ю. Раскрытие преступлений – миф или реальность? // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 1. С. 133–138. EDN: VSCYUJ
22. Зорин Р. Г. Выявлять и (или) устанавливать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела? // Мировой судья. 2015. № 2. С. 17–20.
23. Криминалистика и доказывание. Методологические проблемы / Белкин Р. С., Винберг А. И. М.: Юрид. лит., 1969. 216 с.
24. Овсянников И. Повысить надежность процессуального доказывания // Уголовное право. 1999. № 4. С. 64–68.
25. Белкин А. Р. Теория доказывания. М., 1999. 263 с.
26. Коновалов С. Г. Элементы германской модели досудебного производства в уголовном процессе постсоветских государств: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Коновалов Сергей Геннадьевич. М., 2018. 220 с.
27. Смолькова И. В. «Правила Миранды»: история возникновения и реализации в уголовном судопроизводстве США и Российской Федерации // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2023. № 1 (39). С. 57–69.
28. Головко Л. В. Материалы к построению сравнительного уголовно-процессуального права: источники, доказательства, предварительное производство // Труды юрид. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. Кн. 11. М., 2009. С. 348–360.
29. Защита прав личности в уголовном процессе России: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / В. А. Лазарева, В. В. Иванов, А. К. Утарбаев. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2017. 260 с.
30. Зайцев О. А., Смирнов П. А. Подозреваемый в уголовном процессе. М., 2005. 318 с.
31. Семенцов В. А. Задержание подозреваемого в стадии возбуждения уголовного дела // Уголовное право. 2010. № 1. С. 100–103. EDN: MLLQDL
32. Исаева Р. М., Куценко С. М. Формальные и правовые основания задержания лица, подозреваемого в совершении преступления // Проблемы в российском законодательстве. 2013. № 2. С. 170–173.
33. Козловский Н. А. Подозрение в советском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1989. 166 с.
34. Пантелейев И. А. Проблемы совершенствования института подозрения в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. 160 с.
35. Овсянников И. В. Можно ли наделить лицо процессуальным статусом подозреваемого путем применения к нему меры пресечения до предъявления обвинения? // Закон и право. 2004. № 3. С. 42–45.
36. Мириев Б. А. Назначение уголовного судопроизводства: проблемы законодательной регламентации // Российский следователь. 2010. № 14. С. 14–16. EDN: MUVUYH
37. Смолькова И. В. Подозреваемый и его процессуальное положение в российском уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2020. 451 с.

38. Ляхов Ю. А., Чупилкин Ю. Б. Обоснованно ли Конституционный Суд расширил понятие подозреваемого? // Российской юстиция. 2008. № 12. С. 14–16.
39. Давлетов А. А. Проблема статуса уголовно преследуемого лица в стадии возбуждения уголовного дела // Российский юридический журнал. 2015. № 4. С. 61–67. EDN: UHUXAJ
40. Сопнева Е. В. Исторические, современные и перспективные представления о подозрении в уголовном судопроизводстве. Ставрополь: Информационный центр «Фабула». 2016. 315 с.
41. Деришев Ю. В., Земляницин Е. И. Процессуальное положение лица, в отношении которого проводится предварительная проверка сообщения о преступлении // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 3 (29). С. 95–100. EDN: SXVDSV
42. Астафьев Ю. В., Сыщиков И. С. Процессуальный и нравственный аспект обеспечения прав и законных интересов участников стадии возбуждения уголовного дела // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4. С. 101–108.
43. Николаева Т. А. Теоретические и правовые проблемы определения статуса лица, в отношении которого осуществляется досудебное уголовное преследование: дис. ... канд. юрид. наук:12.00.09 / Николаева Татьяна Анатольевна. Н. Новгород, 2021. 317 с.
44. Как выбрать адвоката / Ю. П. Гармаев, О. В. Викулов, Савцов В. В. [и др.]; под общ. ред. Ю. П. Гармаева. Кн. 1. Основы выбора адвоката в уголовном процессе. Улан-Удэ. Изд-во Бурятского госуниверситета, 2021. 119 с.
45. Ефремов А.М. Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в оперативно-розыскной деятельности: Теоретические и прикладные проблемы. Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2001. 417 с.

References

1. Larin A.M. *From the investigative version to the truth*. Moscow: "Jurid. lit.". 1976. 198 p. (In Russ.)
2. Strogovich M. S. *The course of the Soviet criminal process*. In 2 vols. Vol. 1. The basic principles of the science of the Soviet criminal process. Moscow: Nauka, 1968. 470 p. (In Russ.)
3. Larin A.M. *Investigation of a criminal case: procedural functions*. Moscow: Jurid. lit., 1986. 159 p. (In Russ.)
4. Sharov D. V. The essence of criminal prosecution in the light of the ideas of Professor L. M. Karneeva. *Bulletin of Economic Security*. 2022;(3):259–263. EDN: FHSMA. (In Russ.) DOI: 10.24412/2414-3995-2022-3-259-263
5. Zhuk O. D. Forms and types of criminal prosecution. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2015;(11):104–109. (In Russ.)
6. Dikarev I. S., Baymanov S. S. Forms of criminal prosecution. *Legal Concept = Legal paradigm*. 2021;20(3): 167-175. EDN: PRIAVQ. (In Russ.) DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2021.3.25
7. *The theory of evidence in the Soviet criminal process* / [Belkin R. S. et al.; editorial board.: Zhogin N. V. (ed.) and others]; Vsesoz. institute for the study of Causes and Development. crime prevention measures. - 2nd ed., ispr. and add. M.: Jurid. lit., 1973. 734, [1]. (In Russ.)
8. *Explanatory dictionary of the living Great Russian language*: In 4 volumes / Dahl V.I. – Moscow: RIPOL classic, 2006. / Vol. 2. I-O. – 784 pp. / I. 5-69 pp. - (Golden collection). URL: <https://azbyka.ru/otekhnik/Spravochniki/tolkovyj-slovar-zhivogo-velikorusskogo-jazyka-v-i-dalja-bukva-i/563> (Accessed: 09/20/2025). (In Russ.)
9. *Modern explanatory dictionary of the Russian language by Efremova* / Edited by T. F. Yefremova. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/170161> / Exposure? ysclid=mgow6rrs9k6708252 (accessed: 09/20/2025). (In Russ.)
10. Strikun E.A. Ambiguety of lexical units or polysemy. *Uchenye zapiski St. Petersburg University of Management Technologies and Economics*. 2022;(3):239-244. (In Russ.) <https://doi.org/10.35854/2541-8106-2022-3-239-244>
11. *Dictionary of synonyms of the Russian language*. Available from: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonyms/54271/изображение (Accessed 09/20/2025). (In Russ.)
12. Alexandrova Z. E. *Dictionary of synonyms of the Russian language: A practical guide*. 11,000 sinomics. Moscow: Rus. yaz.-Media, 2003. 564 p. (In Russ.)
13. Kardashevskaya M.V. On the issue of periodization of crime investigation. *Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences*. 2013;(1-2):24-29. EDN: QCHLVR. (In Russ.)
14. Gavlo V. K. *Theoretical problems and practice of applying methods of investigation of certain types of crimes*. Tomsk: Tomsk State University, 1985. 333 p. (In Russ.)

15. Shurukhnov N.G. *Criminalistics*: Textbook. Moscow: Eksmo, 2008. 720 p. (In Russ.)
16. Vydrina N. V. Initial pre-investigation situations in cases of suicide. In: *Criminalistic methods of crime investigation*. Issue 2. Tyumen; 1995. P. 45-49. (In Russ.)
17. Zelenetsky V. S. Pre-investigation situations in the Soviet criminal process. In: *Investigative situation*. Moscow; 1985. P. 30-33. (In Russ.)
18. Sverchkov V. V. *Crime and corpus delicti. Features of criminal behavior and criminal prosecution: Textbook for bachelor's, specialist's and master's degrees*. Moscow: Yurayt; 2019. 334 p. (In Russ.)
19. Ozhegov S. I. *Dictionary of the Russian language*. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1970. 900 p. (In Russ.)
20. *Modern explanatory dictionary of the Russian language by Efremova*. Edited by T. F. Yefremova. URL: <https://rustxt.ru/dict/выявление> (Accessed: 09/20/2025). (In Russ.)
21. Klyukova M. E., Rakhmatullin R. R., Verin A. Y. Crime detection – myth or reality? *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2016;(1):133–138. EDN: VSCYUJ. (In Russ.)
22. Zorin R. G. To identify and (or) establish circumstances relevant to the criminal case? *Justice of the Peace*. 2015;(2):17–20. (In Russ.)
23. *Criminalistics and evidence. Methodological problems* / Belkin R. S., Vinberg A. I. – Moscow: Jurid. lit., 1969. 216 p. (In Russ.)
24. Ovsyannikov I. To increase the reliability of procedural evidence. *Criminal law*. 1999;(4): 64–68. (In Russ.)
25. Belkin A. R. *Theory of proof*. Moscow; 1999. 263 p. (In Russ.)
26. Konovalov S. G. *Elements of the German model of pre-trial proceedings in the criminal process of post-Soviet states*: dissertation of the cand. jurid. sciences'. 12.00.09 / Konovalov Sergey Gennadievich. Moscow, 2018. 220 p. (In Russ.)
27. Smolkova I. V. "Miranda Rules": the history of its origin and implementation in the criminal proceedings of the USA and the Russian Federation. *Siberian Criminal Procedural and criminalistic readings*. 2023;(1(39)):57–69. (In Russ.)
28. Golovko L. V. Materials for the construction of comparative criminal procedure law: sources, evidence, preliminary proceedings. In: *Proceedings of the Jurist. Faculty of Lomonosov Moscow State University*. Book 11, Moscow; 2009. P. 348–360. (In Russ.)
29. *Protection of individual rights in the criminal process of Russia: textbook for undergraduate and graduate studies* / V. A. Lazareva, V. V. Ivanov, A. K. Utarbayev. 3rd ed., revised and additional. Moscow: Yurait; 2017. 260 p. (In Russ.)
30. Zaitsev O. A., Smirnov P. A. *A suspect in criminal proceedings*. Moscow; 2005. 318 p. (In Russ.)
31. Sementsov V. A. Detention of a suspect at the stage of initiation of a criminal case. *Criminal law*. 2010;(1):100–103. EDN: MLLQDL. (In Russ.)
32. Isaeva R. M., Kutsenko S. M. Formal and legal grounds for the detention of a person suspected of committing a crime. *Gaps in Russian legislation*. 2013;(2):170–173. (In Russ.)
33. Kozlovsky N. A. *Suspicion in the Soviet criminal process*: dis. ... kand. jurid. sciences'. Sverdlovsk; 1989. 166 p. (In Russ.)
34. Panteleev I. A. *Problems of improving the institution of suspicion in the criminal process of Russia*: dis. ... kand. jurid. sciences'. Yekaterinburg; 2000. 160 p. (In Russ.)
35. Ovsyannikov I. V. Is it possible to grant a person the procedural status of a suspect by applying a preventive measure to him before bringing charges? *Law and Legislation*. 2004;(3):42–45. (In Russ.)
36. Miriev B. A. The purpose of criminal proceedings: problems of legislative regulation. *Russian investigator*. 2010.;(14):14–16. EDN: MUVUYH. (In Russ.)
37. Smolkova I. V. *The suspect and his procedural status in Russian criminal proceedings*. Moscow: Yurlitinform, 2020. 451 p. (In Russ.)
38. Lyakhov Yu. A., Chupilkin Yu. B. Has the Constitutional Court reasonably expanded the concept of the suspect? *Russian justice*. 2008;(12):14–16. (In Russ.)
39. Davletov A. A. The problem of the status of a criminally prosecuted person at the stage of initiation of a criminal case. *Russian Law Journal*. 2015;(4):61–67. EDN: UHUXAJ. (In Russ.)
40. Sopneva E. V. *Historical, modern and perspective ideas about suspicion in criminal proceedings*. Stavropol: Fabula Information Center; 2016. 315 p. (In Russ.)
41. Derishev Yu. V., Zemlyanitsin E. I. The procedural status of a person in respect of whom a preliminary check of a crime report is being conducted. *Legal science and law enforcement practice*. 2014;(3(29)):95–100. EDN: SXVDSV. (In Russ.)

42. Astafyev Yu. V., Sleuth I. S. The procedural and moral aspect of ensuring the rights and legitimate interests of participants in the initiation of a criminal case. *Judicial power and criminal procedure*. 2015;(4): 101-108. (In Russ.)
43. Nikolaeva T. A. *Theoretical and legal problems of determining the status of a person subject to pre-trial criminal prosecution*: Dis. ... kand. jurid. sciences':12.00.09 / Nikolaeva Tatiana Anatolyevna. N. Novgorod, 2021. 317 p. (In Russ.)
44. *How to choose a lawyer* / Yu. P. Garmaev, O. V. Vikulov, Savtsov V. V. [et al.]; under the general editorship of Yu. P. Garmaev. Book 1. The basics of choosing a lawyer in criminal proceedings. Ulan-Ude. Publishing house of the Buryat State University; 2021. 119 p. (In Russ.)
45. Efremov A.M. *Ensuring human and civil rights and freedoms in operational investigative activities: Theoretical and applied problems*. ... Dis. doct. jurid. Sciences. Moscow; 2001. 417 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Ю. Б. Чупилкин – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры процессуального права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления.

Information about the author

Yu. B. Chupilkin – Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Procedural Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South Russian Institute of Management.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 28.09.2025; одобрена после рецензирования 05.11.2025; принятая к публикации 07.11.2025.

The article was submitted 28.09.2025; approved after reviewing 05.11.2025; accepted for publication 07.11.2025.

Уголовно-правовая политика современной России: проблематика криминализации и декриминализации

Светлана Ивановна Кузина¹, Евгений Александрович Паламарчук²,
Инга Григорьевна Сагиран³

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления, Ростов-на-Дону, Россия

^{1, 2, 3}Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

^{1, 2}Филиал Московского университета имени С. Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону, Ростов-на-Дону, Россия

²Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Ростов-на-Дону, Россия

¹svivk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0026-5351>

²epalamar@mail.ru

³sagiryan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1863-869X>

Аннотация

Введение. Проводимая уголовно-правовая политика любого государства является следствием основных направлений политики в глобальном понимании. За последние десятилетия наметилась тенденция, когда законодатель криминализирует и декриминализирует ряд преступных деяний, а затем вновь возвращает существовавшие ранее нормы в первоначальное состояние. Также наблюдается искусственное увеличение числа уголовно-правовых норм в одной и той же области, что не всегда целесообразно. Авторы статьи подробно рассматривают вышеупомянутые процессы и выявляют их позитивные и негативные моменты.

Цель. Комплексный анализ процессов криминализации и декриминализации, проходящих в уголовно-правовой политике Российской Федерации.

Теоретические основы. Методы. Теоретическую основу исследования составили научные статьи, статистические отчеты государственных ведомственных структур, материалы судебной и следственной практик. Методологическую основу составляют общеиспользуемые методы научного исследования, применение которых обуславливает выбор системного, деятельностного, функционального и междисциплинарного подходов в изучении актуальной проблемы.

Результаты. Основными формами реализации уголовно-правовой политики на сегодняшний день являются правотворчество, правоприменение и правовая культура. Каждая из перечисленных форм является отражением государственной политики и выражает её направленность. Непонимание со стороны некоторых государственных деятелей подлинного значения уголовного права как такого способно спровоцировать неблагоприятные явления в обществе (маргинализацию населения, увеличение числа заключённых и пр.), что недопустимо. На сегодняшний день такие процессы происходят в государствах с чрезмерно жесткой государственной политикой. Для небольших государств характерно то, что превентивными средствами выступают не столько нормы уголовного законодательства, а сколько принимаемые государством, например, технические меры (установка на всех улицах камер наблюдения).

Выводы. На основании проведённого исследования авторами отмечается объективная необходимость приведения административно-преюдициальных норм, содержащихся в уголовном законе, к единому знаменателю. Предлагается помещение в диспозиции соответствующих статей уголовного закона формулировки: «совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние либо имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного настоящей статьей».

Ключевые слова: уголовно-правовая политика, криминализация, декриминализация, транснациональная организованная преступность, уголовно-правовые меры, правотворчество, право-применение, правовая культура, мнимая криминализация, административные правонарушения

Для цитирования: Кузина С. И., Паламарчук Е. А., Сагиран И. Г. Уголовно-правовая политика современной России: проблематика криминализации и декриминализации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 4. С. 128–136. EDN WKCBOQ

Original article

Criminal law policy in contemporary Russia: issues of criminalization and decriminalization

Svetlana I. Kuzina¹, Evgeny A. Palamarchuk², Inga G. Sagiryan³

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
South Russian Institute of Management, Rostov-on-Don, Russia

^{1, 2, 3}Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

^{1, 2}Branch of the Moscow University named after S. Yu. Witte in Rostov-on-Don, Russia

²Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation), Rostov-on-Don, Russia

¹svivk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0026-5351>

²sagiryan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1863-869X>

³epalamar@mail.ru

Abstract

Introduction. The criminal law policy of any state is a consequence of the main directions of policy in a global sense. In recent decades, there has been a trend where the legislator criminalizes and decriminalizes a number of criminal acts, and then returns the previously existing norms to their original state. There is also an artificial increase in criminal law norms in the same area, which is not always appropriate. The authors of the article examine the aforementioned processes in detail and identify their positive and negative aspects.

Purpose. A comprehensive analysis of the processes of criminalization and decriminalization taking place in the criminal law policy of the Russian Federation.

Theoretical foundations. Methods. The theoretical basis of the research was made up of scientific articles, statistical reports of government departmental structures, materials of judicial and investigative practices. The methodological basis is made up of commonly used scientific research methods, the application of which determines the choice of systemic, activity-based, functional and interdisciplinary approaches to the study of an urgent problem.

Results. The main forms of implementation of criminal law policy today are law-making, law enforcement and legal culture. Each of the listed forms is a reflection of the state policy and expresses its orientation. A lack of understanding on the part of government officials of the true meaning of criminal law as such can provoke adverse phenomena in society (marginalization of the population, an increase in the number of prisoners, etc.), which is unacceptable. Today, such processes are taking place in states with excessively strict government policies. For small states, it is typical that preventive measures are not so much based on criminal legislation, but rather on measures taken by the state, such as technical measures (installation of surveillance cameras on all streets).

Conclusions. Based on the conducted research, the authors note the objective necessity of bringing the administrative and pre-judicial norms contained in the criminal law to a common denominator. Thus, the authors of the article propose placing the following wording in the disposition of the relevant articles of the criminal law: "committed by a person who has been administratively punished for a similar act or has a criminal record for committing a crime under this article."

Keywords: criminal law policy, criminalization, decriminalization, transnational organized crime, criminal law measures, lawmaking, law enforcement, legal culture, imaginary criminalization, administrative offenses

For citation: Kuzina S. I., Palamarchuk E. A., Sagiryan I. G. *Criminal law policy in modern Russia: issues of criminalization and decriminalization.* *North Caucasus Legal Vestnik.* 2025;(4):128–136. (In Russ.). EDN WKCBOQ

Введение

Понятие «уголовно-правовая политика» является термином, который использовался в США со временем провозглашения их независимости. Этот термин предназначался для определения государственной стратегии, главных направлений, форм и методов преодоления и предупреждения преступности в американском обществе. При этом основы научного постижения государственной политики борьбы с преступностью в развитых странах мира были заложены во второй половине XVIII в. Выдающуюся роль в этом научном процессе сыграли западные учёные. Самого термина «уголовно-правовая политика» тогда ещё не существовало, однако в трудах просветителей содержался широкий круг уголовно-правовых и криминологических идей, что впоследствии привело к возникновению уголовно-правовой политики как научной дисциплины.

Очевидно, что категории и понятия уголовно-правовой науки являются необходимыми формами научного мышления, степенью и основой дальнейшего развития достигнутого знания. При этом термин «политика» имеет ключевое методологическое значение для данного исследования [1, с. 83].

Теоретические основы. Методы

Теоретическую основу исследования составили научные статьи, статистические отчёты государственных ведомственных структур, материалы судебной и следственной практик. Методологическую основу составляют общеиспользуемые методы научного исследования, применение которых обуславливает выбор системного, деятельностного, функционального и междисциплинарного подходов в изучении обозначенной проблемы.

Результаты и обсуждение

Уголовно-правовая политика – это направление деятельности специально уполномоченных государственных органов, которое касается охраны прав и свобод человека и гражданина, общества и государства от общественно опасных посягательств путем применения наказания и других мер уголовно-правового воздействия к лицам, совершившим такие посягательства, а также путем предотвращения указанных посягательств посредством правового воспитания и мер профилактики индивидуального и специально-криминологического характера.

Основными направлениями современной уголовно-правовой политики должны быть [2, с. 56]:

- 1) своевременная и правильная криминализация (пенализация) общественно опасных действий;
- 2) декриминализация (депенализация) деяний;
- 3) обоснованная дифференциация уголовной ответственности и наказания;
- 4) обеспечение международного сотрудничества в области противодействия преступлениям.

Методологический аспект уголовно-правовой политики касается её мировоззренческих основ, а также принципов понятийного аппарата и современных проблем данной системной реальности. Политический аспект позволяет выявить зависимость уголовно-правовой политики от государственного политического курса, её место в политической системе общества. Анализ исторического аспекта уголовно-правовой политики позволяет лучше разобраться с современным положением дел в государственной политике борьбы против преступности. Изучение юридического аспекта уголовно-правовой политики способствует научному постижению межотраслевого комплексного и системного характера его предмета. Наконец, раскрытие криминологического аспекта указанной политики приводит к точному описанию связи и зависимости этого явления от сущности и параметров преступности для установления всестороннего контроля политической власти над проявлениями любой преступной деятельности.

Одним из важнейших средств решения проблем противодействия преступности со стороны общества учёные считают всестороннее развитие науки уголовно-правовой политики на основе преемственности этого процесса через приобщение к научной деятельности различных экспертов.

Исходя из этого, уголовно-правовая политика – это ещё и сфера знаний о причинах и последствиях совершения преступлений, которая направлена на стратегическое противодействие этой преступности средствами общественного и государственного воздействия, на системное реформирование уголовной юстиции на отдаленную перспективу.

Необходимо, чтобы уголовно-правовая политика позволила в первую очередь обеспечить безопасность нашей страны от транснациональной организованной преступности, по сути являющейся глобализированной нелегальной экономикой (по некоторым оценкам, её ежегодный оборот составляет около 1,5 % мирового ВВП), постоянно меняющейся отраслью, которая адаптируется к рынкам и рождает новые виды преступности, выходит за культурные, социальные, языковые и географические рамки. Хотя транснациональная организованная преступность – глобальная угроза, её дестабилизирующее влияние ощущается и на уровне государства, и на местном уровне.

По данным UNODC (Управление ООН по наркотикам и преступности) современными проявлениями транснациональной организованной преступности являются¹:

- незаконное обращение наркотиков (объем рынка - около \$320 млрд);

- торговля людьми (по данным МОТ, количество жертв торговли людьми в любой момент времени составляет 2,4 млн, а прибыль от этой деятельности – около \$32 млрд). В Европе торговля женщинами и детьми в целях сексуальной эксплуатации приносит ежегодно \$3 млрд; каждый год ее новыми жертвами становятся 70 тыс. чел.);

- незаконный ввоз мигрантов (например, в 2008 г. прибыль только от незаконного ввоза в Европу 55 тыс. мигрантов из Африки составляла \$150 млн, а в 2009 г. – 3 млн мигрантов из Латинской Америки в Северную Америку – около \$6,6 млрд);

- незаконная торговля огнестрельным оружием (этот бизнес приносит ежегодно от \$170 до 320 млн прибыли, в результате оружие попадает к бандитам и в незаконные вооруженные формирования);

- незаконное обращение природных ресурсов, в частности контрабанда алмазов, древесины, редких металлов;

- незаконная торговля дикими животными и растениями, которая ставит под угрозу существование некоторых видов (по данным Международного фонда охраны природы, ежегодно незаконно продается более 100 млн тонн рыбы, 1,5 млн живых птиц и 440 000 тонн лекарственных растений);

- торговля поддельными лекарствами;

- киберпреступность (одним из наиболее выгодных для преступников направлений этой деятельности является похищение персональных данных, приносящее ежегодно \$1 млрд преимущественно в результате получения доступа к банковским счетам).

Унификация (или по терминологии западной доктрины – гармонизация, сближение) уголовного законодательства, прежде всего европейских государств, к которым относится Россия, является объективно необходимой для повышения эффективности борьбы с преступностью в условиях глобализации. Гармонизация общеевропейского уголовного законодательства, то есть приведение его в соответствие с европейскими стандартами, объективно необходима для повышения эффективности борьбы с международными преступлениями и преступлениями международного характера на евразийском континенте.

Преступность нельзя победить с помощью одних только уголовно-правовых средств. Ведь преступность, преступление, наказание, другие уголовно-правовые меры – это не сугубо уголовно-правовые феномены, а общесоциальные явления, подлежащие исследованию юристами-криминологами с учетом достижений других общественных, а также естественных

¹ United Nations. Office on Drugs and Crime. URL: <https://www.unodc.org> (дата обращения: 03.10.2025).

и точных наук совместно с учеными-социологами, экономистами, психологами, медиками, а также историками и философами [3, с. 76].

Возможности уголовного права в области противодействия преступности и его влияние на состояние современной преступности не следует переоценивать. Уголовное право – это «хирургическое» средство. В классическом его понимании оно остается «оружием» против наиболее опасных преступлений, связанных с терроризмом, другим опасным насилием, торговлей людьми, разными видами незаконного завладения чужим имуществом, взяточничеством, отмыванием денег, международными преступлениями и т.д. Большинство же болезней, в том числе социальных, можно предотвратить или вылечить при помощи превентивных и «терапевтических» средств.

Если представители политической власти государства не понимают подлинной роли уголовного закона и пытаются решать с его помощью все политические, экономические и социальные проблемы, то следствием этого является повышение уровня криминализации общества, увеличение количества заключенных, искусственная маргинализация и другие подобные последствия. Примерами этого являются государства с достаточно жесткой уголовно-правовой политикой и, соответственно, наибольшим количеством лиц, содержащихся в условиях лишения свободы, в том числе США, Россия, Китай.

Одной из уникальных черт уголовно-правовой системы США являлась её изначальная гуманность, которая постепенно сменяется беспощадностью. Этот подход особенно проявляется в штатах, где с 1990-х гг. введён так называемый «закон трех ударов» (*three strikes law*). Один из самых популярных видов спорта в США – это бейсбол и указанный закон пришёл именно оттуда. Система «трёх ударов» даёт возможность человеку иметь два шанса на исправление. Если же в рамках имеющихся шансов человек не исправляется, то третий шанс ему не даётся.

Этот прогрессирующий подход к наказанию способствует массовому наполнению тюрем, что стало причиной того, что США занимают первое место в мире по количеству заключенных на душу населения (второе место занимает Россия). Так, в некоторых штатах в США наблюдается огромная перенаселённость в тюрьмах. При этом не только «закон трёх ударов» выступает фактором, из-за которого в тюрьмах наступает перенаселение. Важнейшую роль здесь играет и установление уголовной ответственности за действия, которые в большинстве стран мира имеют административную или иную, более мягкую, ответственность. Например, в США дарение лекарства, пьяная езда за рулем рассматриваются как уголовные преступления. В то время как в России и во многих странах мира – это всего лишь административный проступок. Также в США уголовному преследованию подлежат лица, допустившие нарушение *restraining order* – судебного запрета (приближаться к определенному лицу, общаться с ним, звонить по телефону, переписываться, троллить в социальных сетях, посещать определенные заведения и т.п.), любая угроза, *battery* – «рукоприкладство» (не обязательно насилие, а даже похлопывание женщины по ягодицам). Вопреки представлениям иностранцев, в США весьма тяжким преступлением является ношение огнестрельного оружия в общественных местах (разрешение можно получить только на его хранение с целью защиты своего жилья).

Таким образом, особенности правовой системы США во многом обусловлены действием «закона трёх ударов», который, в то время как является механизмом для обеспечения правосудия, также создает проблемы перенаселённости тюрем и относительной несправедливости в отношении некоторых преступлений.

Факт осуждения означает, что человека увольняют с работы и потом не возьмут на другую достойную работу по недоверию к нему. Итак, Америка так устроена: нарушающий правила всё ниже опускается по социальной лестнице, а тот, кто выше по ней поднимается, тем более боится совершить что-то, запрещённое законом.

В других государствах созданы условия, при которых места для применения уголовного закона вообще не остаются.

Например, на Мальте, население которой составляет около 450 тыс. человек, за несколько последних лет не было совершено ни одного серьёзного преступления. Вместо принятия десятков концепций и программ противодействия преступности в этом государстве разместили миллион видеокамер, «отслеживающих» его 24 часа в сутки, ввели другое новейшее техническое,

финансовое, кадровое и организационное полицейское обеспечение, а также ввели высокие штрафы за любые нарушения общественного порядка. Этого на фоне высокого уровня религиозности и/или нравственности населения и соответственно надлежащего правового воспитания оказалось достаточным [4, с. 151].

Похожая ситуация, где уровень преступности очень низкий – на Кипре, в Бахрейне, Сингапуре, Дании, Исландии, Люксембурге, Норвегии, Новой Зеландии, Японии и т.д.

Состояние развития нашей страны как независимого, демократического, социального и правового государства характеризуется объективной необходимостью реформирования уголовной юстиции и её органов. В современном российском обществе растет запрос на демократизацию уголовно-правовой политики государства и восстановление доверия к судебным и правоохранительным органам. Реформирование уголовной юстиции и её органов связывается с эффективной уголовной политикой противодействия преступности. Исходя из общего определения уголовно-правовой политики, можно представить его конструкцию в соответствии со следующими подходами.

П. Н. Панченко выделяет четыре самостоятельных формы реализации уголовно-правовой политики: законодательную, директивную, управленческую и исполнительную деятельность [5]. И. Э. Звечаровский различает три ее основные формы: правотворчество, применение права и правовую культуру [6, с. 76]. Это далеко не полное отражение всех точек зрения по данной проблеме.

Правотворческая форма реализации уголовно-правовой политики включает процесс реформирования органов уголовной юстиции, процесса их деятельности, выполнения решений для достижения целей уголовного судопроизводства через создание и принятие законодательных и других нормативно-правовых актов. На этом уровне такими актами могут быть не только отдельные стратегии, программы, договоры, но и Уголовный¹, Уголовно-процессуальный², Уголовно-исполнительный кодексы³. Данная форма реализации уголовно-правовой политики включает в себя определённые процедуры: 1) инициирование принятия или смены нормативно-правового акта; 2) обсуждение идеи или концепции на разных уровнях (научном, научно-практическом, профессиональном, общественном, региональном, межрегиональном, государственном, международном); 3) принятие нормативного правового акта на соответствующем уровне; 4) вступление в силу нормативно-правового акта; 5) контроль реализации идей, направленных на нормативно-правовой акт; 6) принятие необходимых изменений в целях достижения большей эффективности правоприменения.

Правоприменительная форма реализации уголовно-правовой политики охватывает процесс реформирования органов уголовной юстиции, процесс их деятельности, исполнение решений для достижения целей уголовного судопроизводства посредством применения законодательных и других нормативно-правовых актов. Моментом начала реализации правоприменения уголовно-правовой политики является вступление в силу соответствующего нормативно-правового акта, которым регулируются общие или отдельные положения реформирования органов и процедур уголовной юстиции для противодействия преступлениям. Поэтому эффективность реформы связывают, прежде всего, с правоприменением. Хотя предсказание эффективности её выполнения может быть осуществлено на уровне создания нормативно-правового акта, призванного урегулировать общественные отношения правосудия. Сложность оценки такого реформирования заключается в том, что правоприменение зависит от правотворческой формы реализации соответствующей уголовно-правовой политики. Однако такая зависимость не является абсолютной,

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс». (Дата обращения: 03.10.2025).

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс». (Дата обращения: 03.10.2025).

³ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации" от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс». (Дата обращения: 03.10.2025).

поскольку деятельность по противодействию преступлениям хотя и зависит от установленных нормативно правовыми актами форм, но субъекты, на которых она распространяется, и способы воздействия на них остаются неизменными и довольно ограниченными. Именно от этой формы реализации уголовно-правовой политики зависит эффективность реализации идей, заложенных при принятии соответствующего нормативно-правового акта, направленного на противодействие преступлениям [7, с. 180].

Таким образом, уголовно-правовая политика представляет собой деятельность государства по защите граждан и общества от преступных посягательств и преступлений в целом. Содержанием уголовно-правовой политики является разработка целей и задач, а также выработка средств и методов борьбы с преступностью. Задачи и подходы к реализации уголовно-правовой политики различаются в различных государствах. Это связано с целым комплексом экономических, политических, социальных и иных причин.

Р. Л. Нерсесов справедливо отмечает, что частые изменения уголовного закона иногда свидетельствуют о проблеме, касающейся теоретической неподготовленности законодателя при принятии либо изменении ряда уголовно-правовых норм [8, с. 113]. Примером может служить декриминализация в 2011 г. клеветы (ст. 129 УК РФ), клеветы в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава, судебного исполнителя (ст. 298 УК РФ). Необоснованность данной декриминализации подтверждается тем, что в 2012 г. законодатель вновь криминализировал клевету, введя в УК РФ ст. 128.1 и ст. 298.1 практически в прежней редакции.

В специальной литературе отмечается, что в последнее время наблюдается такое явление, как мнимая криминализация. Действительно, по сути криминализация может быть реальной и мнимой. Реальная криминализация связана с введением нормы, содержащей признаки уголовно-наказуемого деяния, которое ранее не признавалось преступлением. Так, Федеральным законом от 26 июля 2019 г. № 206-ФЗ¹ в УК РФ была введена ст. 124.1, содержащая состав воспрепятствования оказанию медицинской помощи. Ранее уголовному законодательству России данное деяние известно не было. Указанная норма уголовного закона была введена вполне обоснованно, поскольку участились случаи невыполнения предписаний врачей, отказа от лечения самим пациентом либо родителями несовершеннолетнего больного без каких бы то ни было видимых причин.

Иногда результатом законодательной деятельности становится искусственное увеличение объема криминализации за счет «размножения» одного состава преступления «путем деления» на несколько новых составов преступлений.

Так, Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ² в Уголовный кодекс РФ были введены ст. 159.1-159.6, содержащие специальные составы мошенничества: мошенничество в сфере кредитования (ст. 159.1), мошенничество при получении выплат (ст. 159.2), мошенничество с использованием платежных карт (ст. 159.3), мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (ст. 159.4), мошенничество в сфере страхования (ст. 159.5), мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6).

Еще одним дефектом криминализации деяний является отсутствие единства формулировок при конструировании административно-преюдициальных норм в уголовном законе, что создает ряд проблем теоретического и практического характера.

В одних случаях при конструировании административно-преюдициальной нормы используется термин «неоднократно» (например, в ст. 151.1, 212.1 УК РФ); в других – указывается та или иная статья КоАП РФ, содержащая состав административного правонарушения, к повторному совершению которого отсылает законодатель (например, в ст. 284.2 УК РФ). Иногда законодатель

¹ Федеральный закон от 26.07.2019 № 206-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части защиты жизни и здоровья пациентов и медицинских работников" // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс». (Дата обращения: 03.10.2025).

² Федеральный закон от 29.11.2012 N 207-ФЗ (ред. от 03.07.2016) "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс». (Дата обращения: 03.10.2025).

в статьях Особенной части УК РФ указывает специальный субъект преступления – лицо, подвергнутое административному наказанию (например, в ст. 116.1 УК РФ).

Что касается термина «неоднократно» в УК РФ, то в разных административно-преюдициальных нормах он имеет различную смысловую нагрузку, что недопустимо в рамках одного нормативного правового акта. Так, в примечании к ст. 212.1 УК РФ закреплено, что нарушением установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, совершенным лицом неоднократно, признается нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, если это лицо ранее привлекалось к административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.2 КоАП РФ¹, более двух раз в течение ста восьмидесяти дней. В примечании к ст. 151.1 УК РФ предусмотрено, что розничной продажей несовершеннолетнему алкогольной продукции, совершенной лицом неоднократно, признается розничная продажа несовершеннолетнему алкогольной продукции лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию. Примечание к ст. 314.1 УК РФ устанавливает, что неоднократным несоблюдением лицом, в отношении которого установлен административный надзор, административных ограничений или ограничений, установленных ему судом в соответствии с федеральным законом, признается несоблюдение лицом, в отношении которого установлен административный надзор, административных ограничений или ограничений, установленных ему судом в соответствии с федеральным законом, при условии, что это лицо ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние два раза в течение одного года.

Таким образом, мы видим, что в одних случаях законодатель связывает неоднократность с повторным совершением одного и того же административного правонарушения, в другом – с привлечением к административной ответственности два раза в течение года, в третьем – с привлечением к административной ответственности более двух раз в течение полугода. В отдельных нормах указывается конкретная статья КоАП РФ, в других упоминается «анalogичное деяние».

Заключение

Отмеченные недостатки криминализации деяний требуют устранения путем приведения всех уже имеющихся и вводимых в УК РФ административно-преюдициальных норм к единому знаменателю и указания в диспозициях статей признаков общественно опасного деяния с формулировкой «совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние либо имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного настоящей статьей». Считаем, что единообразное конструирование административно-преюдициальных норм позволит устраниить недостатки правового регулирования и облегчит их применение на практике.

Список источников

1. Дадашева Д. А. Уголовная политика Российской Федерации: понятие и значение / В сб.: Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности здоровья населения, общественной нравственности и иных социально значимых интересов. Материалы VII Международной научно-практической конференции. 2018. С. 83–87.
2. Калиновская Т. А., Дядькин О. Н. Понятие современной уголовной политики / В сб.: Актуальные вопросы развития науки на современном этапе. Сборник статей. Под общ. ред. Г. Н. Гужиной. М., 2019. С. 56–61.
3. Желтухин К. А. Уголовная политика: современное понятие и основные направления / В сб.: Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений. Сборник научных статей по итогам работы третьего круглого стола со Всероссийским и международным участием. Шахты, 2020. С. 76–78.

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.10.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

4. Епифанова Т. В., Винкерт В. В. К вопросу о понятии и сущности уголовной политики / В сб.: Наукомкие исследования как основа инновационного развития общества. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Омск, 2021. С. 151–156.

5. Панченко П. Н. Управление применением уголовного законодательства как стратегия и тактика уголовной политики / Проблемы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве : сб. науч. ст. Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1996. С. 104–112.

6. Звечаровский И. Э. Современное уголовное право России: Понятие, принципы, политика. СПб: Юридический центр Пресс, 2001. 97 с.

7. Рамазанов М. Д., Магомедова А. И. Понятие и формы реализации уголовной политики // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 12-1. С. 180–185. EDN: YSAGLJ. <https://doi.org/10.34670/AR.2020.92.12.018>

8. Нерсесов Р. Л. Основные проблемы криминализации деяний в России // Правовое образование : сборник научных статей. Ростов-на-Дону, 2019. С. 113–114.

References

1. Dadasheva D. A. Criminal policy of the Russian Federation: concept and meaning. In: *Criminal policy in the field of ensuring the safety of public health, public morals and other socially significant interests*. Materials of the VII International Scientific and Practical Conference; 2018. P. 83–87. (In Russ.)

2. Kalinovskaya T. A., Dyadkin O. N. The concept of modern criminal policy. In: *Current issues of science development at the present stage. collection of articles*. Under the general editorship of G. N. Guzhina. Moscow; 2019. P. 56–61. (In Russ.)

3. Zheltukhin K. A. Criminal policy: modern concept and main directions. In: *Legal science in the 21st century: current problems and prospects for their solutions*. Collection of scientific articles based on the results of the third round table with National and international participation. Shakhty; 2020. P. 76–78. (In Russ.)

4. Epifanova T. V., Vinkert V. V. On the concept and essence of criminal policy. In: *High-tech research as the basis of innovative development of society*. Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. Omsk; 2021. P. 151–156. (In Russ.)

5. Panchenko P. N. Management of the application of criminal legislation as a strategy and tactics of criminal policy. In: *Problems of legal technology in criminal and criminal procedure legislation* : collection of scientific articles Yaroslavl: Publishing House of Yaroslav University; 1996. P. 104–112. (In Russ.)

6. Zvecharovsky I. E. Modern criminal law of Russia: The concept, principles, and policy. St. Petersburg: Law Center Press; 2001. 97 p. (In Russ.)

7. Ramazanov M. D., Magomedova A. I. The concept and forms of criminal policy implementation. *Issues of Russian and international law*. 2019;9(12-1):180–185. EDN: YSAGLJ. (In Russ.) <https://doi.org/10.34670/AR.2020.92.12.018>

8. Nersesov R. L. The main problems of criminalization of acts in Russia. *Legal education : collection of scientific articles*. Rostov-on-Don; 2019. P. 113–114. (In Russ.)

Информация об авторах

С. И. Кузина – доктор политических наук, профессор.

Е. А. Паламарчук –доктор исторических наук, профессор.

И. Г. Сагирян – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the authors

S. I. Kuzina – Dr. Sci. (Polit), Professor.

E. A. Palamarchuk – Dr. Sci. (History), Professor.

I. G. Sagiryan –Cand. Sci. (Philology), Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.10.2025; одобрена после рецензирования 25.11.2025; принята к публикации 26.11.2025.

The article was submitted 20.10.2025; approved after reviewing 25.11.2025; accepted for publication 26.11.2025.

Гражданское оружие как гарант соблюдения основных прав человека в обществе

Михаил Михайлович Розатос

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Южно-Российский институт управления, Ростов-на-Дону, Россия,
advokat.rozatos@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-2563-9181>

Аннотация

Введение. Право на необходимую оборону, уходящее корнями в естественно-правовые доктрины и римское право, остаётся актуальным цивилизационным ориентиром. Современное российское законодательство, закрепляя это право, легитимирует активную защиту личности от противоправных посягательств как непреложный принцип справедливости. Следовательно, необходимая оборона является не просто юридической нормой, а воплощением вечной идеи о том, что закон защищает право честно жить, не вредить другим и «*suum cuique tribuere*», что значит воздавать каждому по заслугам. В контексте обороны это не о мести, а о восстановлении справедливости.

Цель. Анализ решения современных проблем в обеспечении безопасности общества и государства в целом через институт необходимой обороны, а также учесть перспективы его развития и устранения ограничений.

Теоретическую основу составляют труды – Н. В. Рейнгардта, А. Ф. Кони, А. О. Кистяковского, В. Д. Спасовича, Н. Д. Сергеевского. Перечисленные авторы образуют золотой фонд русской уголовно-правовой мысли, создающей цельную и глубокую теоретическую основу. Классическая русская школа уголовного права, олицетворённая этими мыслителями, зиждется на едином фундаменте: гуманизме, правовой точности и судебном служении. Их объединяла идея, что закон – не орудие кары, а инструмент справедливости, защищающий общество.

Результаты. Выявлена системная проблема в доктрине. Современная уголовно-правовая теория демонстрирует смещение акцента с защиты жертвы на охрану прав посягающего. Установлены негативные социальные последствия. Теоретический перекос порождает деструктивные эффекты. Обоснована несостоятельность дискриминационного подхода. Сформулированы позитивные направления. Исследование доказывает, что право на эффективную оборону является логическим продолжением конституционного права на защиту жизни.

Выводы. Доказывается, что: 1. Современные авторы создают акцент на «неблагоприятных последствиях для нападающего» и постоянные предостережения о « злоупотреблении правом», чем создают парадоксальную и порочную логику в уголовном праве. Происходит перекос в защите прав – от жертвы к посягающему. 2. Создается «паралич смелости» граждан. Мнение современных авторов создаёт логическую ошибку: преступник действует инстинктивно и агрессивно, а жертва должна действовать хладнокровно и с оглядкой на Уголовный кодекс. Это психологически парализует волю к сопротивлению. 3. Происходит поощрение «дерзости хищников». Правовой нигилизм преступников напрямую подпитывается такими сомнительными воззрениями. Общественное мнение о необходимой обороне и опасность использовать свои права по назначению прямо влияет на осознание правонарушителями их безнаказанности.

4. Происходит дискриминация по признаку владения. Некорректно априори считать всех владельцев оружия потенциальными преступниками. Это противоречит принципу презумпции невиновности и основано на стереотипах, а не на статистике. 5. Право на эффективную оборону. Это центральный правовой аргумент. Если государство признаёт право на защиту жизни, то логично, что гражданин должен иметь доступ к эффективным средствам для этой защиты. 6. Практическая ценность от владения гражданским огнестрельным оружием для интересов общества и государства.

Данные теоретико-практические конструкции необходимо совершенствовать, уделять должное внимание, проводить с гражданами разъяснительные мероприятия.

Ключевые слова: необходимая оборона, гражданское огнестрельное оружие, динамика преступности, общественные блага, эффективное средство защиты, право, правовые подходы, конституционные права, добросовестность граждан, регламентация

Для цитирования: Розатос М. М. Гражданское оружие как гарант соблюдения основных прав человека в обществе // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 4. С. 137–145. EDN WQCTGX

Original article

Civilian weapons as a guarantor of respect for basic human rights in society

Mikhail M. Rozatos

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
South Russian Institute of Management, Rostov-on-Don, Russia,
advokat.rozatos@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-2563-9181>

Abstract

Introduction. The right to necessary defense, which has its roots in natural law doctrines and Roman law, remains an important civilizational reference point. Modern Russian legislation, by enshrining this right, legitimizes the active protection of the individual from illegal encroachments as an indisputable principle of justice. Therefore, necessary defense is not just a legal norm, but an embodiment of the eternal idea that the law protects the right to live honestly, not to harm others, and to "suum cuique tribuere," which means to give everyone their due. In the context of defense, it's not about revenge, but about restoring justice.

Purpose. To carry out an analysis of the solution of modern problems in ensuring the security of society and the state as a whole through the institution of necessary defense, as well as to consider the prospects of its development and the removal of shackles.

The theoretical foundation is based on the works of N.V. Reingardt, A.F. Koni, A.O. Kistyakovskiy, V.D. Spasovich, and N.D. Sergeevsky. These authors form the golden fund of Russian criminal law thought, creating a solid and profound theoretical foundation. The classical Russian school of criminal law, embodied by these thinkers, is based on a triune foundation: humanism, legal precision, and judicial service. They were united by the idea that the law is not a tool of punishment, but a tool of justice that protects society.

Results. A systemic problem in the doctrine has been identified. Modern criminal law theory demonstrates a shift in emphasis from protecting the victim to protecting the rights of the offender. Negative social consequences have been established. Theoretical imbalances lead to destructive effects. The inadequacy of the discriminatory approach has been substantiated. Positive directions have been formulated. The study proves that the right to effective defense is a logical extension of the constitutional right to protect life.

Conclusions. In this article, it is proved that: 1. Modern authors create an emphasis on the "adverse consequences for the attacker" and constant warnings about "abuse of the right", which creates a paradoxical and vicious logic in criminal law. There is a shift in the protection of rights from the victim to the offender. 2. It creates a "paralysis of courage" among citizens. The opinion of modern authors creates

a logical error: the criminal acts instinctively and aggressively, while the victim must act calmly and in accordance with the Criminal Code. This psychologically paralyzes the will to resist. 3. The "audacity of predators" is encouraged. The legal nihilism of criminals is directly fueled by such questionable views. Public opinion about the necessity of self-defense and the danger of using one's rights for their intended purpose directly affects the perception of impunity among offenders. 4. Discrimination based on ownership occurs. It is incorrect to consider all gun owners potential criminals a priori. 5. The right to effective defense. This is the central legal argument. If the State recognizes the right to life protection, then it is logical that a citizen should have access to effective means for this protection. 6. The practical value of owning civilian firearms for the interests of society and the state.

These theoretical and practical constructions need to be improved, due attention should be paid, and explanatory measures should be carried out with citizens.

Keywords: necessary defense, civilian firearms, crime dynamics, public goods, effective means of protection, law, legal approaches, constitutional rights, conscientiousness of citizens, regulation

For citation: Rozatos M. M. Civilian weapons as a guarantor of respect for basic human rights in society. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(4):137–145. (In Russ.). EDN WQCTGX

Введение

Правовая система государства, так или иначе, стремится соответствовать должным образом проблемам современности. Зачастую это происходит с большим отставанием, когда ответ на вызов должен происходить здесь и сейчас. Отдельно стоит отметить сомнительность современных правовых подходов к решению неразрешённых задач, хотя следовало лишь изучить консолидированный опыт отцов основателей правовых доктрин. Теория института необходимой обороны наполнена достойными вариантами решения определённых проблем, которые имели место и столетие назад. Жизнь государства и права циклична, к такому выводу можно прийти, освоив труды учёных правоведов, углубляясь в самые истоки – эпоху римского права.

Так, изречение Ульпиана гласит: «*Iuris praecepta sunt haec: honeste vivere, alterum non laedere, suum quique tribucere*». Что в переводе значит: «Предписания права таковы: честно жить, не вредить другим, воздавать каждому своё». В контексте института необходимой обороны затрагивается принципиальный момент – воздаяние посягающему на права и блага общественные. В этом случае опираясь на естественное право необходимой обороны, оброняющийся имеет волю прибегнуть к использованию таких средств, которые способны улучшить оборонительную позицию, сделать её незыблемой гарантией победы в отстаивании своего права.

Руководящие принципы защиты гражданских прав, являясь порождением естественного, побуждают человека применять все возможные методы и средства для их обеспечения. В соответствии с Конституцией России и действующим уголовным законодательством каждый имеет право на защиту своих прав и законных интересов, другого лица независимо от возможности избежать общественно опасного посягательства, либо обратиться за помощью к другим лицам, органам власти.

Федеральный Закон «Об оружии» предоставляет гражданам право применять находящееся у них на законных основаниях оружие для защиты жизни, здоровья и собственности. Данное право возникает исключительно при условиях, отвечающих критериям необходимой обороны или крайней необходимости, как они определены в уголовном законодательстве¹.

Теоретические основы

Методологический каркас настоящего исследования выстроен на фундаменте классической русской школы уголовного права, представленной трудами ведущих отечественных правоведов рубежа XIX–XX веков: Н. В. Рейнгардта, А. Ф. Кони, А. О. Кистяковского, В. Д. Спасовича и Н. Д. Сергеевского.

¹ Федеральный закон РФ от 13.12.1996 №150-ФЗ «Об оружии» // СЗ РФ. 1996. Ст. 5681.

Выбор данного теоретического базиса обусловлен его концептуальной целостностью и глубиной, актуальность которых не нивелируется времененным фактором. В качестве системообразующего принципа выступает триединая парадигма, основанная на: принципе гуманизма, утверждающем превентивную и исправительную функции наказания, противопоставленные карательной репрессии; принципе правовой точности, обеспечивающем верховенство закона и недопустимость произвольного толкования правовых норм; принципе судебного служения, понимаемом как этический императив, возлагающий на судью миссию по утверждению объективной справедливости.

Синтез этих идей позволяет сформулировать центральный тезис, объединяющий труды указанных авторов: закон в их понимании является не инструментом репрессии, а механизмом достижения справедливости, гармонизирующим интересы личности и общества. В работе применяются методы теоретической реконструкции и сравнительно-исторического анализа доктринальных положений для верификации их эвристического потенциала применительно к современным правовым вызовам.

Результаты и обсуждение

Озвученная Председателем Следственного комитета России А.И. Бастрыкиным статистика демонстрирует взрывной рост наиболее опасных видов преступлений, совершаемых мигрантами. Особую тревогу вызывает динамика экстремистской активности: скачок на 147 % за 2023 г. и дальнейший рост ещё на 55 % за первое полугодие 2024 г. Параллельно с этим продолжает увеличиваться и количество тяжких и особо тяжких преступлений.

Преступность среди трудовых мигрантов достигла огромных масштабов, стабилизировать ситуацию до сих пор не получается, общественные ценности безразличны данной категории лиц. Социальная адаптация не происходит, а складывается обратная тенденция – создание так называемых диаспор по национальному признаку. Лицо, посягающее на общественные блага, нарушает принцип построения общества на началах безопасности и уважения прав каждого, подрывая важнейшие институты государственности. Такие личности есть ни что иначе, как антисоциальный элемент – преступник. Противостояние будет означать борьбу за право. В этой связи, рассуждения Н. В. Рейнгардта как никогда актуальны: «Необходимая оборона является правом и обязанностью: она право, поскольку субъект существует ради себя, она обязанность, поскольку существует для общества» [1].

Тревожная статистика – лишь отражение новой реальности: преступность в стране становится не только более массовой, но и более дерзкой и жестокой. Отмечается резкий всплеск насильственных деяний, включая разбои, грабежи, преступления против половой неприкосновенности и акты экстремизма. При этом фиксируется усиление агрессии и жестокости в действиях преступников, которые всё чаще совершаются в дневное время суток.

В этой ситуации, оставшись один на один с угрозой, люди вынуждены объединяться в народные дружины и другие сообщества, полагаясь лишь на собственные силы в попытке защитить себя и своих близких.

На сегодняшний день не потеряли актуальность слова Н. В. Рейнгардта: «Преступник, являясь разнородным не приспособляющимся к условиям социальной жизни элементом, ведёт постоянную борьбу с обществом, не за идеал, не за право, а за биологические условия существования, подрывая благосостояние социальных элементов и даже уничтожая их» [1].

По нашему убеждению, наиболее эффективным средством защиты в ситуациях необходимой обороны выступает гражданское оружие. Осознавая ограниченность своих физических возможностей, некоторые граждане легально приобретают и носят с собой огнестрельное оружие ограниченного поражения, а также хранят дома длинноствольное огнестрельное оружие и другие разрешённые средства необходимой обороны. Важно отметить, что за 28 лет существования оружейного законодательства в стране не просто появились владельцы оружия – сформировалось целое сообщество ответственных, законопослушных людей с развитой культурой обращения с оружием. Это сообщество активно развивает стрелковые виды спорта, делая обращение с оружием не только правом, но и частью здорового образа жизни.

Цифры, приведённые Росгвардией за 2021 г., свидетельствуют о масштабе легального оружия среди граждан. Количество владельцев достигло 3,7 млн чел., а число зарегистрированных стволов – более 6,5 млн, что в среднем составляет около 1,7 единицы оружия на одного владельца. Несмотря на эти цифры и происходящий вслеск насильтственных преступлений, мы до сих пор, уже привычно, обнаруживаем проводимую не первый год «запретительную» политику, направленную на увеличение искусственных препядствий для категории особо, хочется заметить, добросовестных граждан нашего Отечества, правосознание которых «даст фору» всем остальным.

Реформа оружейного законодательства, проведённая в декабре 2022 года, лёгким росчерком пера усложнила жизнь законопослушных владельцев. Новые нормы, рождённые в авральном режиме, продемонстрировали очевидный разрыв между заявленными целями и реальным содержанием, создав бюрократический барьер вместо решения насущных проблем¹.

Отразить нашу позицию относительно внесённых изменений в оружейное законодательство справедливо словами уважаемого научного деятеля А.Ф. Кони: «Но такие требования никак не должны принимать в законодательство; законодатель должен понимать, что не всё то, что хорошо в кабинете, окажется пригодным и применимым в жизни» [2].

Также, богато сомнительными изречениями поле теоретических воззрений. Так, Н. Е. Тиханова считает, что применение оружия при необходимой обороне приводит к самым неблагоприятным последствиям для нападающего, далее дополняя мнение о недопущении злоупотреблением права на оборону и искажения её сути. Подобное мнение несёт негативный характер, потому что оно поощряет дерзость хищников и парализует смелость гражданина [3].

В данном ключе важно вспомнить слова А. О. Кистяковского: «Принять эту регламентацию, значило бы уничтожить в корне право необходимой обороны, забыв, что она есть положение, внезапно возникающее, и не дающее ни времени, ни возможности для точных рассуждений, а не поединок, устроенный по всем правилам, предписанными обычаями на сей случай». Иными словами, нельзя быть готовым к нападению, в большинстве случаев оно происходит внезапно, когда оброняющийся не готов взвешенно оценить степень и характер угрозы. Представляется естественным, что при посягательстве на лицо, которое владеет огнестрельным оружием, есть риск наступления самых неблагоприятных последствий для нападающего [4].

Но первое о чём действительно важно задуматься, это положение в котором находится оброняющееся лицо. В частности, здесь имеет место быть ситуация описанная в п. 4 Постановления Пленума Верховного суда России «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» – посягательство совершённое в ночное время с проникновением в жилище, когда оброняющееся лицо в состоянии испуга не смогло объективно оценить степень и характер опасности такого посягательства².

Зачастую, не все авторы научных работ объективно отражают суть проблемы, рассматривая применение оружия гражданами изначально как превышение пределов необходимой обороны. Часто звучат идеи о соразмерности применяемых средств обороны, в частности, что против безоружных нападающих нельзя применять оружие. Н. В. Рейнгардт справедливо отмечал: «Учёные движимые чувством симпатии к преступнику, как цивилисты к должнику, они постарались обусловить такими ограничениями, что в большинстве случаев преступник пользуется защитой, а тот, на кого нападают, остаётся в беспомощном положении, лишённый всякой гарантии права» [1].

Непозволительная роскошь рассуждать в нынешних реалиях с позиции наступления последствий за противоправное деяние нападающему, о его количестве. Столетия назад научные деятели также задумывались о схожих проблемах, так В.Д. Спасович утверждал: «Юристы,

¹ Федеральный закон РФ от 29.12.2022 №638-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оружии» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. Ст. 85.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 №19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 11.

казуисты и судьи практики этого периода, служа проводниками государственной идеи и жертвуя этой идеей личностью, допускают правда необходимую оборону, но стараются оставить её такими условиями, при которых употребление её почти невозможно» [5]. Рассуждая в ключе нашей темы, видится аналогичная ситуация с оковами, стягивающими право необходимой обороны посредством гражданского огнестрельного оружия.

Любое право может реально существовать только тогда, когда за ним стоит защита, то есть стойкая гарантия его соблюдения. Законодательство, признавая за гражданами те или иные права, тем самым неизбежно признаёт за ними и право защиты или обороны в установленном пределе. Мы можем утверждать, что само понятие права заключает в себе идею борьбы за его целостность. Потому, как писал Н. Д. Сергеевский: «Со стороны объективной, в необходимой обороне проявляется не право, не противозаконность, а наоборот – право. Лицо, защищая свои права и нарушая права и блага других – нападающих – не противоречит правовым нормам, а наоборот, совершает это нарушение во имя правопорядка, ради его поддержания» [6].

Отечество переживает сложный период, когда в условиях противостояния внешним врагам не всегда хватает административных ресурсов на контролирование антисоциальных категорий лиц. В этой связи необходимо переосмыслить правовое значение необходимой обороны посредством гражданского огнестрельного оружия. Во время трагических событий 2023 – 2024 гг. на приграничных территориях ряда субъектов России происходили локальные вторжения террористических и экстремистских группировок, воинских контингентов враждебного соседнего государства. В силу тяжести и внезапности обстоятельств первыми кто обеспечивал безопасность при эвакуации мирного населения, были именно владельцы гражданского огнестрельного оружия, со своим личным оружием. Также, были многократные факты уничтожения вражеских беспилотных летательных средств стрелками добровольцами из числа местных охотников.

События в Курской области показали суровые реалии жизни, когда борьба с вражескими малыми беспилотными летательными средствами, такие как First-Person View, сокращённо FPV, что в переводе с английского языка значит вид от первого лица, стала обыденностью. Ничего не помогает в этой борьбе лучше, чем гладкоствольное ружье с дробовыми патронами. Звучат регулярные новостные сводки о сбиваемых беспилотных средствах гражданскими владельцами оружия. В противостоянии с беспилотными летательными средствами особенно предпочтительны полуавтоматические ружья с магазинным и трубчатым боепитанием, чем больше патронов можно зарядить, тем выше шанс сбить объект.

В данной ситуации есть две стороны одного и того же поступка. Бессспорно, первостепенно это благие намерения поразить враждебное летательное средство и предотвратить вероятные жертвы, а также повреждения критически важной инфраструктуры и социальных объектов. Другой стороной является опасность необдуманных решений, поскольку после уничтожение в полёте беспилотного средства, возникает закономерный процесс падения частей, осколков, поражающих и взрывчатых веществ на землю, что в последствии может повлечь неблагоприятные последствия. Считаем, в таких ситуациях нужно действовать холодным рассудком, предполагая вероятную траекторию падения беспилотного средства, чтобы предупредить возникновение случайных жертв и разрушений. Безусловно, жизнь динамична, равно как и события в ней, зачастую не всегда есть времени на принятие и обдумывание своих действий. Здесь и сейчас существует опасность для людей, инфраструктуры, и её необходимо устранять. Считаем, само по себе желание личности, как части общества и государства, проявить активную позицию, при этом рискуя своим здоровьем и жизнью, есть ни что иное – как активная гражданская позиция, заслуживающая уважение и социальное одобрение. После таких действий, любая критика в сторону оружейного сообщества может рассматриваться только как несостоительная и не имеющая под собой логического обоснования.

В сложный час владельцы гражданского оружия могут быть опорой государству и обществу. Более того, это уже доказано не словом, а делом. Гражданское оружейное сообщество сплотилось, чтобы помочь фронту. Стрелки передали большое количество собственного оружия и боеприпасов к нему в зону проведения Специальной военной операции для борьбы с беспилотными летательными средствами врага.

Считаем, недопустимо говорить о владельцах гражданского огнестрельного оружия как о категории лиц, которая склонна к совершению противоправных деяний, которая ненадёжна и опасна для общества. Так, несостоительно и легкомысленно звучат предложения некоторых научных авторов: «Оборот длинноствольного нарезного и гладкоствольного огнестрельного охотничьего оружия и боеприпасов к нему для населения (физических лиц) полностью запретить». Данное мнение идёт полностью в разрез с реалиями, жажда запретить населению иметь возможность себя защищать эффективными средства есть не что иное, как антиобщественная деятельность, несущая сплошные негативные последствия, масштаб которых может оказаться неприемлемым [7]. Запретительными действиями лишь усугубиться ситуация, стрелки должны иметь возможность оттачивать свои навыки, быть готовыми предотвратить опасность. С оружием необходимо уметь обращаться, зачастую первоначальный опыт граждане получают вне армейской службы. Стрельба по тарелкам как спортивная дисциплина лучшим образом показала свою практическую необходимость в тренировках по оттачиванию навыков противодействия малым беспилотным летательным средствам.

Наметив курс проблем, вернёмся к естественной аргументации того, почему владение гражданским огнестрельным оружием является положительным фактором для общества и правового порядка в целом.

С древнейших времён зарождались мысли человеческих учений, отвергающих один из самых существенных факторов нашего сознания – свободу воли, старающейся доказать, что все наши действия есть суть следствия внутренней необходимости и что произвольным она нам только кажется. Но это имеет самую прямую взаимосвязь с тем, что справедливость есть уважение себя и других как самого себя, уравнение всех близких с собою. Осознанное и прочувствованное начало справедливости становится мерой, которой мы измеряем все действия в обществе. Мера эта не допускает отклонения и служит лучшим обеспечением и основанием построения человеческого общества без преступности, без насилия, потому что нет лучшего спокойствия для личности, как то, которое проистекает из уверенности, что другие будут уважать её достоинство как своё собственное.

Способность человека создавать идеалы справедливости, руководствуясь ими в обществе, сравнивать с ними свои и чужие действия, называется – совестью. Созданная человеком необходимость уважать в действиях своё и чужое достоинство, есть обязанность и возможность требовать от отклоняющихся антиобщественных чужих действий уважения построенных идеалов, что в последнюю очередь основательно закрепилось государством как право. Именно поэтому сознание законности отстаиваемого права оправдывает самую энергичную и неуклонную его защиту.

Выводы

Считаем, Отечество прошло тяжёлый и болезненный путь, когда недостаток оружейной культуры, чрезмерные запретительные векторы в законодательстве довели к неспособности населению иметь возможность отстаивать свои права и общественные блага самостоятельно, оперативно, нивелируя неблагоприятные исходы. Единственно верный выход из упомянутых сложных ситуаций – упразднение запретов и ограничений, в частности таких как: ограничение количества патронов в магазине оружия, запрет на приобретение оружия имеющего более двух стволов или магазин до истечения двухлетнего стажа. Давно назревший вопрос о допуске в гражданский оборот как оружия самообороны огнестрельного короткоствольного оружия. Не менее актуальны вопросы стрелковых комплексов для оттачивания навыков по стрельбе из гражданского оружия, так, зачастую они не доступны населению ввиду дороговизны аренды стрелковой галереи, либо территориальной недоступности, из-за отсутствия таковых в некоторых городах страны.

Существование цивилизованного общества напрямую зависит от двух условий: неукоснительного соблюдения правопорядка и гарантированной возможности каждого человека реализовывать принадлежащие ему права. В правовом государстве защита правопорядка является задачей публичной власти, которая реализует её двумя способами: устранивая последствия уже совершённых правонарушений и предотвращая потенциальные угрозы, независимо от их источника.

Однако в предупредительной деятельности государственная власть не может эффективно функционировать без содействия общества. Более того, в сфере профилактики правонарушений частные лица играют едва ли не ключевую роль. В то время как государство способно бороться с общими причинами преступности и нивелировать способствующие ей условия, но оно не в силах предугадать и предотвратить каждое отдельное противоправное действие. Его задача не может заключаться в тотальной защите каждого индивида в любой момент времени. В этом моменте мы руководствуемся мнением Н.С. Таганцева: «Как редко могло бы государство предупреждать кражу или грабёж, или опасность, грозящую от злых собак, разлива рек, обвалов, если бы ему не помогали благородные замки и запоры частных лиц!» [8].

Исходя из изложенного, необходимая оборона представляет собой важнейшее дополнение к охранительной функции государства. Вред, причинённый интересам нападающего, признаётся не противоправным, а законным. Важно подчеркнуть, что право на оборону, как утверждала школа естественного права, не предоставляется государством, а лишь признаётся и санкционируется им. Хотя практические пределы применения института обороны определяются недостатками государственной системы защиты прав личности, а сущность коренится в фундаментальных основах правового общежития и самой природе права как элемента охраняющего общественный порядок.

Необходимо выработать активную политику по повышению оружейной культуры у граждан, правосознания и ответственности за свои действия. Должен быть продолжен и преумножен путь развития стрелково-соревновательных мероприятий, видов спорта. Стрелковые объекты должны быть доступны стрелкам. Важно помнить, что культура обращения с оружием является увлечением и досугом для немалого количества граждан нашего отечества. Оборот гражданского оружия в стране завязан на экономических составляющих - рабочих местах, магазинах и предприятиях. Также стоит отметить, что оружейная сфера всегда была неразрывно связана с патриотическим вектором воспитания общества, с поднятием общего уровня обороноспособности и готовности граждан страны к защите государства. Считаем, озвученные доводы свидетельствуют о непозволительности продолжать вести запретительную политику. Настало время пересмотра политики опасений с необоснованными ограничениями в пользу послаблений и удешевления достаточного внимания гражданской оружейной сферы.

Политика ограничений так и не показала своей смысловой нагрузки, не была обоснована статистическими показателями. Общество поставило запрос обеспечения порядка в стране, борьбы с насильственной миграционной преступностью. В этой связи, видится логичным общий труд законодательной и судебной ветвей власти к продолжению работы над законодательством о необходимой обороне и о гражданском оружии.

Список источников

1. Рейнгардт Н. В. Необходимая оборона: монография. Казань: Тип. И.С. Перова, 1898. 84 с.
2. Кони А. Ф. О праве необходимой обороны. М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1866. 104 с.
3. Тиханова Н. Е. Проблемные аспекты применения оружия в состоянии необходимой обороны // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2018. № 1 (32). С. 186–190. EDN: YVHRBU.
4. Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права: учебник. К.: Университетская типография, 1857. 385 с.
5. Спасович В. Д. Учебник уголовного права. СПб.: Тип. Иософата Огризко. Том 1. 1863. 178 с.
6. Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. Часть общая: пособие к лекциям. СПб.: Издание книжного магазина А.Ф. Цинзерлинга, 1887. 238 с.
7. Колотушкин С. М., Лосева С. Н. К вопросу о концепции оборота гражданского оружия // Проблемы в российском законодательстве. 2018. № 2. С. 169–172. EDN: YVMCJM
8. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции: Часть общая: В 2-х т. Т. 2. М.: Наука, 1994. 195 с.

References

1. Reinhhardt N. V. *Necessary defense*: a monograph. Kazan': Type. I. S. Perov; 1898. 84 p. (In Russ.)
2. Koni A. F. *On the right of necessary defense*. Moscow: Univ. tip. (Katkov and Co.); 1866. 104 p. (In Russ.)
3. Tikhanova N. E. Problematic aspects of the use of weapons in a state of necessary defense. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*. 2018;1(32):186–190. EDN: YVHRBU. (In Russ.)
4. Kistiakovskiy A. F. *Elementary textbook of general criminal law*: textbook. Kiev: University printing house; 1857. 385 p. (In Russ.)
5. Spasovich V. D. *Textbook of criminal law*. St. Petersburg: Type. Iosophata Ogrizko. Volume 1. 1863. 178 p. (In Russ.)
6. Sergeevsky N. D. *Russian criminal law*. General part: a manual for lectures. St. Petersburg: Publishing house of the A.F. Tsinserling bookstore; 1887. 238 p. (In Russ.)
7. Kolotushkin S. M., Loseva S. N. On the concept of civilian arms trafficking. *Gaps in Russian legislation*. 2018;(2):169–172. EDN: YVMCJM. (In Russ.)
8. Tagantsev N. S. *Russian criminal law*. Lectures: General part: In 2 volumes. Vol. 2. Moscow: Nauka; 1994. 195 p. (In Russ.)

Информация об авторе

М. М. Розатос – аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин, Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления.

Information about the author

M. M. Rozatos – Postgraduate Student of the Department of Criminal Law Disciplines, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South Russian Institute of Management.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 18.10.2025; одобрена после рецензирования 25.11.2025; принята к публикации 27.11.2025.

The article was submitted 18.10.2025; approved after reviewing 25.11.2025; accepted for publication 27.11.2025.

ТВОРЦЫ РОССИЙСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 4. С. 146–157
North Caucasus Legal Vestnik. 2025;(4):146–157

Обзорная статья
УДК 340.115.6
EDN ZJSVHL

Учёный, патриот-славист, эмигрант поневоле, или О 150-летии Фёдора Тарановского

Дмитрий Николаевич Аргудяев

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия,
argudyaev00@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-0204-016X>

Аннотация

Введение. 24 мая 2025 г. исполнилось 150 лет со дня рождения Федора Васильевича Тарановского. Неоценимым вкладом Ф. В. Тарановского в историко-правовую науку является изучение им русского и славянского права (в первую очередь, сербского в дальнейшем югославского). В честь юбилея этого ученого, некогда работавшего в Белграде, юридический факультет Белградского университета провёл 24-25 мая 2025 г. международную конференцию. В рамках данной конференции выступило множество аспирантов и профессоров из разных стран, чтобы почтить память Федора Васильевича Тарановского, особенно со стороны сербских и российских исследователей.

Цель. Анализ историко-правовых исследований Ф. В. Тарановского, опубликованных в эмиграции в период 1920 – 1936 годы.

Методы. Методологическую основу исследования составили общенациональный и частнонаучный методологический инструментарий: историко-правовой метод, системный анализ, диалектический метод, метод актуализации, социологический и сравнительно-правовой методы. В статье также использованы описание и обобщение по теме исследования.

Результаты. Исследованы воспоминания о Ф. В. Тарановском, материалы конференции в честь 150-летия со дня его рождения, а также основные научные труды Ф. В. Тарановского, написанные и опубликованные в эмигрантские годы жизни. Дано авторское понимание актуальности разработанных Ф. В. Тарановским сравнительно-исторического метода и концепции интегрального славянства.

Выводы. В статье доказывается, что историко-юридическое наследие Фёдора Тарановского незаслуженно не востребовано в российской науке, особенно учитывая вложенный им вклад в развитие славянского права.

Ключевые слова: история России, историко-правовые науки, историко-правовые исследования Ф. В. Тарановского, Фёдор Тарановский, российская эмиграция, славянское право, сербское право, русское право, юридический факультет Белградского университета, концепция интегрального славянства

Для цитирования: Аргудяев Д. Н. Учёный, патриот-славист, эмигрант поневоле, или О 150-летии Фёдора Тарановского // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 4. С. 146–157. EDN ZJSVHL

Review article

Scientist, patriotic slavist, forced emigrant, or About the 150th anniversary of Fyodor Taranovsky

Dmitry N. Argudyaev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia,
argudyaev00@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-0204-016X>

Abstract

Introduction. On May 24, 2025, it was the 150th anniversary of the birth of Fyodor Vasilyevich Taranovsky. Fyodor Vasilyevich Taranovsky's invaluable contribution to the field of historical law is his study of Russian and Slavic law (primarily Serbian law, later Yugoslav law). In honor of the anniversary of this scholar, who once worked in Belgrade, the Faculty of Law at the University of Belgrade held an international conference on May 24-25, 2025. During the conference, many graduate students and professors from various countries spoke in honor of Fyodor Vasilyevich Taranovsky, especially from Serbia and Russia.

Purpose. Analysis the historical and legal studies published by F. V. Taranovsky in exile between 1920 and 1936.

Methods. The research is based on general scientific and specific scientific methodological tools: historical and legal method, system analysis, dialectical method, method of actualization, sociological and comparative legal methods. The article also uses description and generalization on the research topic.

Results. The article examines the memoirs about F.V. Taranovsky, the materials of the conference held in honor of the 150th anniversary of his birth, and the main scientific works of F.V. Taranovsky written and published during his years in exile. The article provides an author's interpretation of the relevance of the comparative historical method and the concept of integral Slavdom developed by F.V. Taranovsky.

Conclusions. The article proves that Fyodor Taranovsky's historical and legal legacy is undeservedly not in demand in Russian science, especially considering his contribution to the development of Slavic law.

Keywords: History of Russia, Historical and Legal Sciences, Historical and Legal Research by F. V. Taranovsky, Fyodor Taranovsky, Russian Emigration, Slavic Law, Serbian Law, Russian Law, Faculty of Law at the University of Belgrade, Concept of Integral Slavdom

For citation: Argudyaev D. N. Scientist, patriotic slavist, forced emigrant, or About the 150th anniversary of Fyodor Taranovsky. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(4):146–157. (In Russ.). EDN ZJSVHL

Введение

24 мая 2025 г. исполнилось 150 лет со дня рождения Фёдора Васильевича Тарановского – приват-доцента кафедры энциклопедии юридических и политических наук Варшавского университета, экстраординарного профессора по кафедре истории русского права Императорского Юрьевского университета, ординарного профессора кафедры истории русского права Императорского Санкт-Петербургского университета, профессора кафедры истории славянского права юридического факультета Белградского университета, основателя Русского научного института в Белграде, члена Сербской Королевской академии наук.

Ф. В. Тарановский родился в 1875 г. в Российской Империи в русско-польской дворянской семье. Неординарный талант молодого ученого раскрылся в период учебы на юридическом факультете Варшавского университета, который он в 1896 году успешно окончил с золотой медалью, защитив первую научную работу о памятниках магдебургского права западнорусских городов в XVI веке.

В стенах Alma mater ученый продолжил научную и преподавательскую деятельность (1899-1906 гг.). Круг его интересов оказался настолько широким, что ученый сначала занимал кафедру энциклопедии и истории философии права, а позже, после ухода Ф.И. Леоновича, – кафедру истории русского права. В 1920 г. Ф. В. Тарановский, как и многие юристы, не принял большевистскую революцию и вынужденно покинул Россию с семьей и обосновался до конца своей жизни в Сербии, которая входила в состав Королевства Сербов, Хорватов, Словенцев. Судьба также подвергла испытаниям ставший «родным» Ф.В. Тарановскому юридический факультет Варшавского университета, который «после четырёх с лишним десятилетий своей едва ли не самой драматической истории среди других российских университетов, в 1915 г. почти целиком (кроме, разумеется, недвижимости: зданий и сооружений) – преподаватели, студенты, оборудование, часть библиотеки – перебрался в Ростов-на-Дону, где продолжил свою деятельность» [1, с. 1073]. Именно эмигрантскому периоду жизни и творчества Ф.В. Тарановского посвящена эта статья.

Историографический очерк

Жизненный и творческий путь Ф. В. Тарановского на протяжении многих лет является предметом изучения и описания российскими и зарубежными учеными-юристами (К. П. Krakovskogo, B. A. Tomsinova, C. Medar и др.) и историками (С. M. Mikhaychenko, E. A. Bondarevo, P. Mikhaylich и др.). Между тем, особую заинтересованность вызывает период эмигрантской жизни Фёдора Тарановского, а также материалы и публикации ученого, которые по тем или иным причинам остаются вне обзора для российских исследователей историко-правовых наук. Многие написанные на иностранных языках материалы, статьи, работы Ф. В. Тарановского и посвящённые ему не имеют переводов на русский язык. И, даже, сами последние эмигрантские годы Фёдор Васильевича остаются малоизученными.

Ценными являются воспоминания разделивших годы эмиграции современников Ф. В. Тарановского. Например, Е. В. Спекторский, друг и коллега Ф. В. Тарановского, в памятной статье «Жизнь и личность профессора Федора Тарановского» [2, с. 219], опубликованной на сербском языке в 1936 г. в белградском журнале «Архив за праве и друштвене науке» после смерти Ф. В. Тарановского, вспоминает, что «в 1920 году он покинул Россию не со злобой, как Печорин, воскликавший «как сладко ненавидеть родину и с нетерпением ждать ее гибели», и не равнодушно с формулой «где свобода, там и родина», а с грустью сына, расстающегося с матерью, быть может, навсегда» [2, с. 225].

Ф. В. Тарановского и Е. В. Спекторского связывала крепкая многолетняя дружба, которая продолжилась в эмиграции. Получив назначение на юридическом факультете Белградского университета ученые столкнулись с тем что, «факультет считался, скорее, школой чиновников, чем ученым учреждением», в котором «преподаватели почти не интересовались теорией» [3, с. 319]. Из воспоминаний Е. В. Спекторского следует, что Ф. В. Тарановскому буквально приходилось убеждать студентов в необходимости научных изысканий и изучении истории права, он продолжал настаивать: «...нет; ничего из факультета не выйдет, пока на нем не появятся дураки, т.е. такие люди, которые, вместо того, чтобы уже на школьной скамье строить расчеты о карьере и жирных суточных, будут просиживать ночи над научными проблемами или старыми грамотами» [3, с. 324].

Е. В. Спекторский, характеризуя Ф.В. Тарановского, отмечал, что «он жил не чужими мыслями, а своими собственными. Вместо того чтобы вместе с другими специалистами перенимать немецкую формальную правовую доктрину и вписывать в её схемы русский и славянский юридический материал, он критически разбирал саму эту доктрину. В истории права, изобилующей готовыми и модными конструкциями, он всегда был осторожен и критичен, полагаясь только на источники. Он внес большой вклад в историю права, особенно славянского» [2, с. 219].

Еще один современник Ф. В. Тарановского, а по сути, его соратник и последователь – также выпускник юридического факультета Варшавского университета – А. В. Соловьев, вспоминал, что вопрос славянства был особым объектом научного изучения Ф. В. Тарановского, который в свою очередь поставил перед собой задачу, заключающуюся в решении вопроса: «можно ли

строить историю единого славянского права или ограничиться сравнительной историей отдельных славянских прав» [4, с. XIL–XLVIII].

Другой выдающийся цивилист, один из сильнейших дореволюционных специалистов по корпоративному праву, А. И. Каминка, эмигрировавший из большевистской России и переехавший в 1930 г. из Берлина в Ригу, в некрологе, посвященном Ф. В. Тарановскому, отмечал кропотливый труд ученого в изучении сербского права с учетом особенностей исследования первоначальных периодов его возникновения и развития, «когда оно еще мало дифференцировалось от других факторов, нормирующих жизнь» [5]. По мнению А. И. Каминки, уже одна «Энциклопедия права», являющаяся капитальным трудом, могла принести Ф. В. Тарановскому «имя серьезного научного работника и прекрасного преподавателя» [5]. А. И. Каминка искренне надеялся, что «когда право вновь станет одним из основных факторов и в России, этот труд под несколько старомодным названием «Энциклопедия права» станет основным университетским курсом, по которому с пользой будут учиться многие поколения» [5]. Слова А. И. Каминки можно считать пророческими, «Энциклопедия права» Ф. В. Тарановского на текущий момент является одним из самых изучаемых и цитируемых учебников по теории государства и права среди современных юристов.

В очерке «Между историей и методологией права: Федор Васильевич Тарановский», опубликованном в книге «Юристы и Революция: Pro et Contra», подробно описаны периоды жизни ученого, которые приходятся на университетские годы, Гражданскую войну и эмиграцию. Очерк содержит в себе упоминания на «многочисленные блистательные исследования», среди которых авторы отдельно выделяют опубликованную в Белграде в 1925 году работу «Государственная культура России», на страницах которой Ф. В. Тарановским проанализированы «ключевые характеристики российской государственности»¹.

Современные ученые-исследователи приходят к выводу, что «в отличие от ряда его коллег по «историко-правовому и государствоведческому цеху» (почти поголовно принадлежавшим к либеральному лагерю и состоявшим членами кадетской партии), Ф. В. Тарановский, не являясь по своим убеждениям монархистом, правым, не разделял, как бы сейчас выражались, «модный тренд» признания за российским царизмом характеристики (фактически осуждения) как «исключительно деспотического» режима, обусловившего отставание российского народа от культурных народов. По его убеждению, развитие монархии в России вполне укладывалось в рамки политической эволюции европейской культуры. Более того, политические стадии эволюции монархии, утверждал он, одинаковы и для России, и Европы» [6, с. 280].

Подробный биографический очерк о Ф. В. Тарановском принадлежит перу В. А. Томсина [7], который досконально изучил и описал не только дореволюционный период жизни и творчества Ф. В. Тарановского, но и малоизученный эмиграционный период. Исследуя деятельность Ф. В. Тарановского по истории права славянских народов, В. А. Томсинов пришел к выводу, что «наиболее значительные свои работы по истории права Федор Васильевич создал в 20–30-е годы XX в., то есть во время своего пребывания в эмиграции» [7, с. XXII]. В этой связи В. А. Томсинов признает, что «среди русских историков права первой половины XX в. Ф. В. Тарановский – самая крупная величина» [7, с. XXII].

Эмигратские годы жизни Ф. В. Тарановского также стали предметом исторических исследований С. М. Михальченко [8]. В одной из работ, посвященных Ф. В. Тарановскому, С. М. Михальченко с сожалением отмечает, что «в 1941 г., при бомбардировке немцами Белграда, архив

¹ См.: [6]. Эта книга, основанная на многочисленных архивных документах, предлагает необычный ракурс осмыслиения феномена Революции 1917 г. — через призму судеб и взглядов видных отечественных юристов, оказавшихся по разные стороны баррикад, а затем и границ революционной России. Взяв на вооружение идею, известную со времен Платонова, авторы представляют сравнительные жизнеописания пар юристов, схожих по характеру, происхождению, роду занятий, общественному статусу, но с одним существенным отличием — эти яркие личности по-разному ответили на вопрос Юристы и революция: Pro et Contra. Особое внимание уделено проблеме ответственности элит за повороты российской истории. Книга адресована специалистам-исследователям, преподавателям и студентам гуманитарных специальностей, а также всем, кто интересуется отечественной историей государства и права.

Тарановского был почти полностью уничтожен, оказались утраченными многие его неизданные труды. Но Имя Тарановского не забыто – его наследие активно используется, книги и статьи до сих пор переиздаются, а учебники используются в преподавании» [8, с. 244–245].

Сербский историк Раде Михальчич описывает Ф.В. Тарановского как ученого, который, благодаря своему блестящему образованию, имел возможность «с равным успехом работать как в области французского, немецкого, так и в области славянского права. Он не занимался архивными разысканиями, но всегда опирался на первоисточники, которые читал в оригинале. Выучил шведский язык, чтобы иметь возможность оценить влияние шведского права на реформы Петра Великого» [9].

Современные сербские историки-правоведы считают Ф. В. Тарановского «пионером» в вопросе исторического сравнительного исследования древнего сербского права и продолжают изучать его творческое наследие, признавая, что его труд «История сербского права в государстве Неманичей» «продолжает служить основным источником по истории сербского средневекового права, несмотря на некоторые незначительные ошибки и некоторые устаревшие позиции автора» [10].

Текущие издаваемые монографии по сербскому средневековому праву с XII по XV века продолжают структурировать по шаблону, использованному Ф.В. Тарановским. В диссертационных работах сербские ученые отмечают, что Ф.В. Тарановский был первым ученым, который серьезно разрабатывал влияние предыдущих источников права на Судебник Стефана Душана, качественно отображая развитие отдельных институтов через грамоты, исследованные в хронологическом порядке, где обычно в заключении располагался Судебник Стефана Душана, что представляло собой ценное начало исследования влияния грамот на Кодекс и основу для дальнейшего исследования [11].

Юбилейная конференция

На юридическом факультете Белградского университета 24 – 25 мая 2025 г. состоялась международная конференция, посвящённая 150-летию со дня рождения Ф. В. Тарановского. На этой конференции с докладами о научной деятельности Фёдора Тарановского выступили студенты и профессора из разных стран, в том числе из России.

Многие выступавшие, отметили огромный вклад Фёдора Тарановского в исследование истории сербского права, особенно в работе «История сербского права в государстве Неманичей». А один из доцентов юридического факультета Белградского университета Милош Станкович подчеркнул, что в сербских академических кругах научный вклад Тарановского в основном связан с изучением сербской правовой истории и изучением Судебника Стефана Душана, но ещё его можно считать основателем сравнительно-правовой традиции на юридическом факультете Белградского университета.

Выступивший на конференции Игорь Милинкович, профессор юридического факультета Баня-Лукского университета, назвал Тарановского выдающимся историком и теоретиком права, чье богатое научное творчество расцвело в конце XIX и первой половине XX века. Его труды оставили глубокий след, как в области истории права, так и в области теории и философии права.

Доктор Зоран Чворович, профессор юридического факультета Крагуевацкого университета, поднял тему отношения Ф.В. Тарановского к развитию Московского государства. Он напомнил, что Фёдор Васильевич не поддерживал тезис о том, что Московское государство на рубеже XVI–XVII вв. не знало сословий, в том виде, как они существовали в Западной Европе, но в то же время Ф.В. Тарановский также не разделял точку зрения советских историков права, которые утверждали, что между средневековыми западноевропейскими и русскими сословиями не было существенных различий. По мнению Тарановского, в Московском государстве сословия были, но ключевое отличие в статусе сословий по сравнению с большинством западноевропейских стран происходило из того, что в Российском государстве сословные привилегии были лишь следствием обязанностей перед государством и основывались они на общем праве или правовом обычай, а не на договоре. Таким образом, Тарановский считал, что Московское государство имело верховенство над сословиями.

Работы эмигрантского периода

Оказавшись в эмиграции, Ф. М. Тарановский с горечью пишет в 1923 г. второе предисловие к своему фундаментальному труду «Энциклопедия права», в котором отмечает, что «трагический исход нашей февральской революции 1917 г. еще раз засвидетельствовал и подтвердил несостоятельность и пагубность отвлеченного геометрически-прямолинейного решения правовых и политических проблем вне условий пространства и времени» [12, с. 5]. Полученный «грозный опыт» он воспринял как новый фундамент для своих исследований, основанных на «историческом, эволюционном мировоззрении».

Вооруженный научным опытом, полученным при изучении литовско-русского права, памятников магдебургского права, норманнской теории права, Ф. В. Тарановский продолжил в Белграде научные изыскания, связанные с развитием теоретической основы сравнительного правоведения. Разработанный сравнительно-исторический метод Ф. В. Тарановский положит в основу будущих историко-правовых исследований, а именно: создание сравнительно-правовой конструкции славянского права с целью восстановления единого интегрального образа славянского права в разные исторические периоды через призму изучения национальных правовых культур разных ветвей славянских народов.

В одной из статей, опубликованной в 1921 г. в белградском журнале «Архив за правые и друштвене науке», Ф. В. Тарановский указывает на необходимость устранения одностороннего позитивизма в истории права и отмечает, что, «наблюдение – основа исторического знания».

По мнению ученого, «идеалистическая философия делала акцент на наблюдении, позитивизм его обосновал, а современная научно-критическая философия его поддержала. Ошибочное представление позитивизма о повторяемости исторического процесса порой порождало безрассудные обобщения, которые искали историческое наблюдение и, безусловно, лишали его точности. Признание идиографического характера исторического процесса возвращает историков на путь самого тщательного, самого строгого наблюдения» [13].

В 1929 г. Ф. В. Тарановский в одной из своих статей [14], посвященной трудам по истории в Советской России, открыто критикует сложившуюся в середине XIX века русскую историографию, а также развивающуюся советскую молодую правовую науку, за однобокое направление в изучении фундаментального исторического развития и роста России, которое носило централистский («московскоцентричный») характер, предавая забвению историю регионов. Таким образом, Ф. В. Тарановский в рамках построения своей национальной славянской концепции указывал на необходимость изучения западнорусской (белорусской) и юго-западной (малороссийской/украинской) истории. В целом, Ф. В. Тарановский считал, что изучение истории отдельных славянских стран и народов, в том числе источников их права, во взаимосвязи с экономическим и политическим положением всей Европы имеет большое общеполезное значение.

Руководствуясь лейбницаевским делением истории права на внешнюю и внутреннюю, а также в развитие собственной концепции славянского права, Ф. В. Тарановский публикует в 1930 г. очерк «Предмет и задача так называемой внешней истории права», в котором утверждает, что «задачей исторического учения об источниках права должно быть установление схемы источников права для каждого отдельного периода исследуемой истории права и выяснение их взаимоотношения, т. е. относительной силы и относительного объема действия каждого из них» [7]. Ф. В. Тарановский на страницах своего очерка предложил разделить изучение внешней истории права на две части: «1) учение об источниках права и 2) учение о памятниках права» [7, с. 16]. Если говорить о первой части учения, то схему источников права, Ф. В. Тарановский предложил рассматривать с точки зрения их взаимоотношений.

Вопрос о взаимоотношениях источников права, по его мнению, являлся особенно важен с учетом толкования памятников права, страдающих наличием пробелов. Но основной целью углубленного изучения источников права Ф. В. Тарановский считал «вскрытие целокупного правовоззрения отдельных исторических периодов и эпох и выявление лежащей в их основе смены общего мировоззрения» [7, с. 16].

Что касается второй части учения об источниках права, то памятники права Ф. В. Тарановский предлагал рассматривать «как кристаллизовавшиеся осадки юридической мысли» [7, с. 19],

при изучении которых следует обращать внимание на применяемые приемы юридической техники и прежде всего на правотворческий процесс. Для этого необходимо иметь правильное представление о языке исследуемого памятника права, его «юридической терминологии» и «юридических формулах», учитывать «казуистичность и абстрактность юридической регламентации», анализировать «состав и хронологию норм в памятниках права», определив «круг вопросов, регламентированных в памятнике», а также изучить «формальное и материальное право», «систему в памятнике права». По мнению Ф. В. Тарановского, именно такой алгоритм позволяет раскрыть историю развития юридической мысли.

Современные российские ученые, изучая наследие профессора Ф. В. Тарановского о сравнительно-правовой методологии, отмечают обоснованность его утверждений, касающихся необходимости изучения и анализа в сравнительно-правовом аспекте «отдельных нормативных правовых актов, правовых отношений, механизмов правового регулирования с учетом социально-экономических условий и развития их функционирования, выявление типичного и единичного, общего и особенного» [15, с. 75]. В этой связи разработанный Ф. В. Тарановским сравнительно-исторический метод не теряет актуальности в настоящее время, поскольку его применение по признанию современных российских ученых-юристов «значительно облегчает и ускоряет поиск формы и содержания новых актуальных правовых идей, положений, подготовку, структурирование и принятие новых законов, внесение научно обоснованных изменений в действующее законодательство, правореализацию, правоприменение и правовую защиту» [15, с. 75].

Изучение и развитие славянского права

Эмигрантский период жизни Ф. В. Тарановского тесно связан с возобновлением после семнадцатилетнего перерыва работы кафедры славянского права в Белградском университете, которую он длительное время возглавлял. Выступая в 1928 г. на IV съезде русских академических организаций за границей [16, с. 19], Ф. В. Тарановский отмечал, что к 1929 г. эмигрировавшие русские ученые-правоведы имели возможность продолжать свою научную деятельность на шести функционировавших кафедрах славянского права, четыре из которых располагались в Королевстве Сербов, Хорватов, Словенцев, а именно в Белграде, Загребе, Любляне, Субботице; одна в Чехословакии в Праге; и еще одна в австрийском Граце.

За время работы на кафедре славянского права Белградского юридического факультета с 1920 по 1936 гг. Ф. В. Тарановский имел возможность изучить сербское, польское, чешское и болгарское право и опубликовал ряд своих научных трудов на сербском языке, посвященных истории славянского права, в том числе в белградском журнале «Архив за правые и друштвене науке», которые представляют особый научный интерес. Также написал и опубликовал один из своих монументальных трудов – четырехтомную книгу «История сербского права в государстве Неманичей».

В одной из статей, опубликованной в 1922 году в журнале «Архив за правые и друштвене науке» [17, с. 447], Ф. В. Тарановский отмечает значительный вклад польских ученых историков права (И. Добровского, И. Б. Раковецкого, В. А. Мацеевского, О. Бальцера и др.) в изучение и развитие славистики. Признавая неоспоримое лидерство польских ученых в области общей истории славянского права, в том числе в первом систематическом изложении всей истории славянского права, он восхищается учением В. А. Мацеевского и поддерживает О. Бальцера в вопросах необходимости выхода за узкие рамки национального (отечественного) законодательства с целью устранения односторонности взглядов, а также в части создания и открытия специальных кафедр истории славянского права.

Руководствуясь лозунгом «назад к Мацеевскому», а также в честь столетия монументального труда польского ученого «История славянского права», который Ф. В. Тарановский считал нетленной ценностью, ученый публикует статью, критикующую ученых, обвиняющих В. А. Мацеевского в продвижении панславизма. Ф. В. Тарановский напоминает, что В. А. Мацеевский одинаково внимательно относился как к западным, так и к восточным славянам, считая их «однородными частями славянства и европейской цивилизации», а к конфессиональному делению

славянства на православное и римско-католическое призывал относиться как к факту, требующему изучения.

В 1929 г. Ф. В. Тарановский, отметив возникший в Германии во время Первой мировой войны и особенно после ее окончания высокий интерес к славянству, начал изучение немецкой исследовательской программы по истории славянского права. Идея создания «немецкой славистики» вызвала интерес у Ф. В. Тарановского с точки зрения немецкого понимания истории славянского права. При этом ученый положительно оценивал присоединение немецких историков права к научно-исследовательской деятельности в области истории славянского права и надеялся, что «программа подводит читателя к единственному вполне естественному выводу: немецкие слависты призваны провести настоящую и всеобъемлющую синтетическую работу по истории славянского права» [18, с. 498], которая имеет следующие цели: «реконструкция первоначального наследия самобытной славянской культуры», а также включение славянского культурного круга в общую картину развития европейской культуры. В развитие своих мыслей Ф. В. Тарановский отмечал, что «в немецком праве, сложившемся на территории колонизованных и денационализированных немцами славянских землях, имеются элементы первоначального славянского права» [16, с. 19].

Указывая на зачаточное состояние научных исследований славянских памятников права, Ф. В. Тарановский надеялся на применение немецкими славистами имеющегося у них опыта применения методов исторического исследования римского права и распространения византийских правовых памятников на славянских землях.

В материалах IV съезда русских академических организаций за границей [16, с. 18] Ф. В. Тарановский критиковал за однобокость «новоявленное западно-славянское течение», противопоставившее запад и восток в вопросе славянства. Особенно Ф. В. Тарановского волновало выделение западного славянства в особое целое течение с признаками формирования его правовой культуры с учетом западноевропейского влияния, а также его одновременное отчуждение от остального славянства, особенно восточного (русского). Ученый напоминал, что литовско-русское право, имеющее русскую основу с последующими наслоениями польского права, было заимствовано «Московской Русью» и стало проводником западноевропейских влияний в восточноевропейское право.

Единственно верным объектом сравнительного историко-юридического исследования он видел структурные элементы системы цельного интегрального славянства, которое заключается «в наличии двух типов развития государственности в Европе, - западно-европейского (римско-германского) и восточно-европейского (византийского), между которыми распределяются и соответственные типы славянского права» [16, с. 18].

Руководствуясь своей концепцией об интегральном славянстве, научными взглядами и целями, Ф. В. Тарановский приступил к изучению источников западнославянского права (древнечешского частного и польского права), а также подошел к подробному изучению права южных славян (сербского, а также болгарского), сосредоточившись на популярном у историков в то время периоде правления династии Неманичей (XII–XIV вв.), поскольку именно в этот период произошли быстрое развитие и расцвет сербского государства, выразившиеся в создании большого количества законодательных памятников, в том числе величественной кодификации царя Душана.

В своем монументальном труде «История сербского права в государстве Неманичей» [19], опубликованном в период с 1931 по 1935 гг., Ф. В. Тарановский на примере средневековых сербских памятников права показывает и доказывает обоснованность применения своего сравнительно-правового метода в историко-правовых исследованиях.

Первую книгу этой серии ученый посвящает изучению средневекового сербского государства, как сословной монархии в процессе перехода в правовое государство, а также вопросам правовой интеграции населения государства, указывая на то, что в первую очередь следует изучать его социальную дифференциацию, которая не зависит от правового регулирования, а обусловлена иными независимыми факторами, такими как: физиологический принцип кровного родства; экономический принцип производства и распределения материальных благ; духовный принцип нравственного и интеллектуального развития.

По вопросу происхождения древнего сербского дворянского сословия Ф. В. Тарановский приходит к выводу, что «в образовании дворянства в государстве Неманичей сочетались и люди, и учреждения восточноевропейской и западной цивилизации» [19].

Изучающие средневековое сербское право по «Истории сербского права в государстве Неманичей» современные сербские ученые отмечают, что Ф.В. Тарановский в свое время доказал, что принцип законности существовал в сербском праве задолго до появления Судебника Стефана Душана. По мнению ученого, «развитие этого принципа происходило и раньше, как (в некоторой степени) самостоятельно, так и преимущественно под влиянием Запада, прежде всего правовых режимов автономных прибрежных городов – как тех, что входили в состав Сербского государства, так и тех, что сохранили свою независимость. Римское право и его торжественные нормы о превосходстве закона над волей даже самого царя пришли сюда только как последний шаг на пути, по которому Сербия уже двигалась, как заключительная фаза надстройки на базе уже существующих учреждений и национальных правовых понятий» [11].

По мнению А. В. Соловьева, методологический подход Ф. В. Тарановского позволил оценить «вклад славянства и каждого славянского народа в сокровищницу европейской, христианской культуры» [4, с. XLVIII].

Ф. В. Тарановский скоропостижно скончался в 1936 г. По признанию Е. В. Спекторского, после смерти Федора Васильевича остались неопубликованные материалы. А именно, полностью законченная монография о Кодексе Стефана Душана в рукописи, краткий учебник по истории права славянских народов, начало статьи о русском праве для Большой итальянской энциклопедии и незаконченные личные воспоминания [2, с. 219].

Заключение

Учитывая вышеизложенное, может показаться нерешенным вопрос о том, в какую отрасль права ученый внес больший вклад: в теорию государства и права либо в историю и философию права.

В контексте изучения сравнительно-исторического правоведения, нельзя отрицать универсальность и актуальность разработанного Ф.В. Тарановским сравнительно-исторического метода, направленного на изучение источников права исследуемого национального права с учетом социально-экономических и политических процессов, происходящих в государстве в рассматриваемый период, а также выявление единого общего в этих процессах и внешних предпосылок их формирования. Его научные труды в этой части являются наиболее популярными.

К сожалению, историко-правовое наследие Ф. М. Тарановского в настоящее время недостаточно востребовано у современных правоведов. Дисциплина «Славянское право» давно исчезла из учебных планов высших учебных учреждений, понятие «интегрального славянства» не получило своего дальнейшего научного обоснования и развития.

В год 150-летия Ф.В. Тарановского возникает вопрос, помнят ли об этом ученом в Польше, которая фактически является его родиной, а Варшавский университет его Alma mater? Почему в России его научное наследие остается малоизученным, в то время как польский и российский периоды жизни оказали большое влияние на судьбу ученого?

Нельзя отрицать значительной эволюции историко-юридической правовой науки в современном мире, но пассивность современной исторической правовой школы в вопросе славянского права в течение длительного времени доказывают последние тенденции в обществе и в мире, которые свидетельствуют, что идеи, за которые боролись ее творцы, в частности Ф.В. Тарановский, все еще живы и требуют продолжения.

Идеи Ф.В. Тарановского о необходимости воспроизведения славянского права и его истории, освещении и сравнении национальной истории права отдельных славянских народов и последующий синтез с целью построения сравнительной историко-правовой конструкции представляются и в наше время общеполезными.

Список источников

1. Krakovskij K. P. Iстория права и государства на юридическом факультете «Варшавско-Ростовского» университета (1869-2018 гг.) / В сборнике: Сто лет Уральскому государственному юридическому университету (1918-2018 гг.). Екатеринбург, 2019. С. 1072-1108.
2. Спекторски Е. Живот и личност професора Теодора Тарановского // Архив за правые и друштвене науке. XXII. Бр. 3. Београд, 1936. С. 219. - Текст: электронный. - URL: <https://Annals/TheArchive1936/Edition2/Book49>.
3. Спекторский Е. В. Воспоминания. / Вступ. ст. С. И. Михальченко, Е. В. Ткаченко; подгот. текста, comment. С. И. Михальченко; comment. П. А. Трибунского. Рязань, 2020. 654 с.
4. Соловьев А.В. Ф.В. Тарановский как историк славянского права // Записки Русского научного института в Белграде. Вып. 13. – Белград: Светлост, 1935.
5. Каминка А. И. Памяти Ф.В. Тарановского (Некролог) / А. Каминка // Закон и Суд: Вестник Русского юридического общества. – Рига, 1936. – № 2 (62). – Стб. 3171 – 3172.
6. Шахрай С. М., Krakovskij K. P. Юристы и революция: Pro et Contra. – Кучково поле Москва, 2017. – 552 с.
7. Тарановский Ф. В., История русского права: сборник научных трудов; под. ред. и с предисл. В. А. Томсина. - Москва: Зерцало-М, 2016. - 268 с. - (Серия «Русское юридическое наследие»). - ISBN 978-5-94373-357-4. - Текст: электронный. - URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2177720> (дата обращения: 12.07.2025).
8. Михальченко С. И. Эмигрантские годы Федора Васильевича Тарановского // Диалог со временем. 2019. Вып. 68. С. 239-247.
9. Михальчић Р. История сербского права в трудах Федора Тарановского // Русская эмиграция в Югославии. М.: Индрик, 1996. С. 223-236.
10. Stepić Đorđe, Srđan Šarkić, History of Serbian Mediaeval Law, Brill, Leiden 2023, 616.// Текст : электронный. - URL: <https://www.academica.edu/104713807/Српске средњовековне повеље као извор Душановог законика> (дата обращения 08.07.2025)
11. Кршљанин Нина В., докторска дисертација. Српске средњовековне повеље као извор Душановог Законика, Београд, 2013. - Текст: электронный. URL: <https://www.academica.edu/104713807/Српске средњовековне повеље као извор Душановог законика> (дата обращения 05.07.2025).
12. Тарановский Ф.В. Энциклопедия права / Ф. В. Тарановский. - 2-е изд., испр. и доп. - [Берлин] : Слово, 1923. - 439, [1] с. - (Труды русских ученых за границей; т. 4). - Загл. 1-го изд. : Учебник энциклопедии права.
13. Тарановски Т. Задатак и метода историје права // Архив за правые и друштвене науке. XX. Бр. 3. Београд, 1921. С. 1. - Текст: электронный. - URL: <https://Annals/TheArchive1921/Edition2/Book20>.
14. Тарановски Т. Неки нови прилози за историју словенских права — XV. Рад на историји права у Совјетској Русији // Архив за правые и друштвене науке. XXXVI. Бр. 3. Београд, 1929. С. 130-139. - Текст: электронный. - URL: <https://Annals/TheArchive1929/Edition2/Book36>.
15. Андреев Ю.Н. О сравнительно-правовом методе цивилистических исследований // Цивилист. 2024. № 4. С. 74-82.
16. Тарановский Ф.В. Славянство как предмет историко-юридического изучения. Труды IV съезда русских академических организаций за границей. // Труды IV-го съезда русских академических организаций за границей в Белграде, 16-23 сентября 1928 года [Текст]. — Белград : Русский науч. ин-т в Белграде, 1929.
17. Тарановски Т. Историја словенских права у польској књижевности (Поводом нових польских расправа из југословенског права) // Архив за правые и друштвене науке. XXI. Бр. 4. Београд, 1922. - Текст: электронный. - URL: <https://Annals/TheArchive1922/Edition2/Book21>.

18. Тарановски Т. Немачки програм истраживања историје словенских права // Архив за правые и друштвене науке. XXII. Бр. 3. Београд, 1928. - Текст: електронный. - URL: <https://Annals/TheArchive1928/Edition2/Book28>.

19. Тарановски Т. Историја српског права у Немањићкој држави / Т. I—IV. Београд, 1931, 1935.

References

1. Krakovsky K. P. History of law and the state at the Faculty of Law of the Warsaw-Rostov University (1869-2018). In: *One hundred years of the Ural State Law University (1918-2018)*. Yekaterinburg, 2019. P. 1072-1108. (In Russ.)
2. Spektorski E. *Zhivot and personality of Professor Theodor Taranovsky*. Archive for the right and the other side of science. XXII. Br. 3. Beograd, 1936. P. 219. - Text: electronic. - URL: <https://Annals/TheArchive1936/Edition2/Book49>. (In Serbian)
3. Spektorskiy E.V. *Memoirs*. Introductory articles by S.I. Mikhalkchenko, E.V. Tkachenko; prepared by text, commentary by S.I. Mikhalkchenko; commentary by P.A. Tribunsky. Ryazan; 2020. 654 p. (In Russ.)
4. Solovyov A.V. F.V. Taranovsky as a historian of Slavic law. *Notes of the Russian Scientific Institute in Belgrade*. Issue. 13. Belgrade: Svetlost, 1935. (In Russ.)
5. Kaminka A.I. In memory of F.V. Taranovsky (Obituary). *Law and Court: Bulletin of the Russian Law Society*. Riga, 1936;2(62). (In Russ.)
6. Shakhray S. M., Krakovsky K. P. *Lawyers and revolution: Pro et Contra*. – Kuchkovo Field, Moscow, 2017. 552 p. (In Russ.)
7. Taranovsky F. V., *History of Russian law*: collection of scientific works; ed. and with a preface by V. A. Tomsinov. Moscow: Zertsalo-M, 2016. 268 p. (Series "Russian legal heritage"). - ISBN 978-5-94373-357-4. - Text: electronic. - URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2177720> (Accessed 07/12/2025). (In Russ.)
8. Mikhalkchenko S. I. The emigrant years of Fyodor Vasilyevich Taranovsky. *Dialogue with time*. 2019. Issue 68. P. 239-247. (In Russ.)
9. Mikhalkich R. The history of Serbian law in the works of Fyodor Taranovsky. *Russian emancipation in Yugoslavia*. Moscow: Indrik; 1996. P. 223–236. (In Russ.)
10. Stepić Đorđe, Srđan Šarkić, *History of Serbian Mediaeval Law*, Brill, Leiden 2023, 616. Text : electronic. - URL: [https://Exiled by Srđan Šarkić, History of Serbian Mediaeval Law, Brill, Leiden 2023, 616 \(accessed 07/08/2025\)](https://Exiled by Srđan Šarkić, History of Serbian Mediaeval Law, Brill, Leiden 2023, 616 (accessed 07/08/2025)) (In Serbian)
11. Kršljanin Nina V., doctoral dissertation. *The Serbian medieval charter as the source of the Dušano code*, Beograd, 2013. - Text: electronic. URL: https://www.academia.edu/104713807/Српске_средњовековне_повеље_као_извор_Душановог_законника (accessed 05.07.2025). (In Serbian)
12. Taranovsky F.V. *Encyclopedia of Law*. - 2nd ed., ispr. and add.- [Berlin]: Slovo, 1923. 439, [1] p. - (Proceedings of Russian scientists abroad; vol. 4). - Title of the 1st ed. : Textbook Encyclopedia of Law. (In Russ.)
13. Taranovski T. *The makings and methods of the historiography of law*. Archive for the right and other science. XX. Br. 3. Beograd, 1921. p. 1. - Text: electronic. - URL: <https://Annals/TheArchive1921/Edition2/Book20>. (In Serbian)
14. Taranovski T. *Neki novi prilozi for the History of Slovene Law* – XV. Work on the history of law in Soviet Russia Archive for the Right and other science. XXXVI. Br. 3. Beograd, 1929. P. 130-139. - Text: electronic. - URL: <https://Annals/TheArchive1929/Edition2/Book36>. (In Serbian)
15. Andreev Yu. N. On the comparative legal method of civil studies. *Civilist*. 2024;(4):74–82. (In Russ.)

16. Taranovskiy F.V. Slavyansk as a subject of historical and legal study. Proceedings of the IV Congress of Russian Academic Organizations Abroad. In: *Proceedings of the ivth Congress of Russian Academic Organizations Abroad in Belgrade*, September 16-23, 1928 [Text]. – Belgrade : Russian Scientific Institute in Belgrade, 1929. (In Russ.)
17. Taranovski T. *Historija slovenski prava u poiskoj kizhevosti* (*The reason for the new Slovenian massacre of the Slovenian law*). Archive for the right and the future of Science. XXI. Br. 4. Beograd, 1922. Text: electronic. - URL: [https://Annals/The Archive 1922/Edition 2/Book 21](https://Annals/The%20Archive%201922/Edition%202/Book%2021). (In Serbian)
18. Taranovski T. *Nemachki program istratzhivaya historie slovene prava*. Archive for the right and other science. XXII. Br. 3. Beograd, 1928. - Text: electronic. - URL: [https://Annals/The Archive 1928/Edition 2/Book 28](https://Annals/The%20Archive%201928/Edition%202/Book%2028). (In Serbian)
19. Taranovski T. *History of Serbian law in the Nemanjićko state*. Vol. I—IV. Beograd, 1931, 1935. (In Serbian)

Информация об авторе

Д. Н. Аргудяев – аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Information about the author

D. N. Argudyaev – Postgraduate Student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South Russian Institute of Management.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 10.08.2025; одобрена после рецензирования 16.09.2025; принятая к публикации 27.09.2025.

The article was submitted 10.08.2025; approved after reviewing 16.09.2025; accepted for publication 27.09.2025.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

* * *

31 октября 2025 года на базе юридического факультета Южного федерального университета состоялась ежегодная **международная научно-практическая конференция «Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики»**.

Конференция проходила в смешанном формате.

С приветственным словом к участникам и гостям конференции обратился декан юридического факультета ЮФУ, кандидат юридических наук, доцент **Игорь Петрович Зиновьев**. Обращаясь к участникам конференции он отметил особую важность и полезность проведения мероприятий подобного масштаба, и перерастание данного научного форума в разряд традиционный, что создает прекрасные перспективы для последующего научного сотрудничества. Констатируя чрезвычайно высокую продуктивность ежегодного научного форума, И.П. Зиновьев обратил внимание на многочисленность его участников и отметил, при этом, что многие из них участвуют в работе конференции на протяжении многих лет. Пожелав участникам плодотворного научного сотрудничества, И.П. Зиновьев открыл пленарное заседание.

Основным лейтмотивом пленарного заседания стала проблема формирования нового технологического уклада и, соответственно, поиска наиболее оптимальной модели взаимодействия науки и государства. В рамках обсуждения основной проблемы пленарного заседания, которая была сформулирована в его названии – **«Технологическая сингулярность: вызовы для традиционных правовых институтов»**, были приглашены спикеры:

1. **Михалкович Станислав Станиславович** – кандидат физико-математических наук, доцент, заведующий кафедрой информатики и вычислительного эксперимента Института математики, механики и компьютерных наук им. И.И. Воровица, доцент Центра подготовки исследователей и разработчиков в сфере искусственного интеллекта Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону).

2. **Никитаева Анастасия Юрьевна** – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой информационной экономики экономического факультета Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону).

3. **Овчинников Алексей Игоревич** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Южного федерального университета, иерей, проректор по научной работе Донской духовной семинарии, руководитель Секретариата регионального отделения Международной общественной организации «Всемирный Русский Народный Собор» в Ростовской области (г. Ростов-на-Дону).

4. **Малина Максим Александрович** – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону).

В процессе живой дискуссии были затронуты многочисленные проблемы, касающиеся формирования и развития российской правовой системы, проблем устойчивого развития современного российского государства, а также были представлены взгляды спикеров на тенденции и перспективы развития правовой системы России в связи с формирующими новыми технологическими укладами.

В рамках данного научного форума были сформированы дискуссионные площадки для работы в панельных дискуссиях.

Площадка 1 «Искусственный интеллект в современном обществе: этика, политика, право» функционировала под руководством д.ю.н., профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права *Овчинников А.И.*

Основными обсуждаемыми вопросами здесь стали проблемы внедрения в государственно-правовое пространство технологий ИИ, а также перспективы и связанные с ними риски.

Работу площадки открыл *Шапсугов Д. Ю.*, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, главный редактор журнала «Северо-Кавказский юридический вестник», автор и руководитель научно-исследовательского проекта «Правовой мир Кавказа», директор центра правовых исследований (Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Ростов-на-Дону). Его выступление «**О логике научного творчества в юридической науке: проблемы творчества права**» вызвало живейший интерес и отклик у участников и гостей конференции, особенно в среде молодых ученых и аспирантов. Дискуссия только по выступлению проф. ДЮ. Шапсугова продолжалась свыше полутора часов.

Площадка 2 «Цифровизация как фактор трансформации институтов частного права и совершенствования механизмов финансового регулирования». Модераторы: д.ю.н., профессор, зав. кафедрой финансового права *Колесников Ю.А.*; к.ю.н. доцент, зав. кафедрой гражданского права *Селиванова Е.С.*

Работа площадки 3 «**Социальная функция цивилистического процесса в период цифровой трансформации**» проводилась под модерированием д.ю.н., доцент, зав. кафедрой гражданского процессуального и трудового права *Смагина Е.С.*

В рамках работы данной площадки сформировалось самое значительное число участников. Основные из обсуждаемых проблем сводились к особенностям процедурно-процессуального характера и проблемам цифровой трансформации в юрисдикционную сферу.

Площадка 4 «Науки криминального цикла: вызовы, риски, решения»

Модератор: к.ю.н., доцент, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики *Степанов К.В.*

Площадка 5 «Конституционализм: законотворчество, теория и практика»

Модератор: д.ю.н., профессор, зав. кафедрой конституционализма

Бондарь Н.С.; к.ю.н., доцент *Георгиева Т.П.*

Площадка 6 «Трансформация норм международного публичного и международного частного права в условиях формирования нового мирового правопорядка»

Модератор: д.ю.н., профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры международного права *Волова Л.И.*

* * *

5 ноября 2025 года в Южно-Российском институте управления – филиале РАНХиГС успешно прошла **V Всероссийская научно-практическая конференция «Духовно-нравственные и социокультурные основания национального единения и согласия в праве»**. Мероприятие собрало более 160 ученых, практиков, представителей духовенства и молодых исследователей из различных регионов России.

Организатором выступила кафедра теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС. Соорганизаторами и партнерами мероприятия стали ведущие научные и образовательные центры: Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, Центр трансграничных правовых исследований юридического института НИУ «БелГУ», кафедра юриспруденции им. В. Г. Ермакова Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина, Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования «Донская духовная семинария» и др.

Целью мероприятия стало научно-критическое осмысление духовно-нравственных и социально-культурных основ права для поиска консолидирующих общество правовых начал, способствующих национальному единению и согласию.

В рамках пленарного заседания с докладами выступили ведущие эксперты в области права, истории и социологии. *Шапсугов Дамир Юсуфович*, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ, в своем выступлении акцентировал внимание на цивилизационных особенностях народов России как важном факторе обеспечения национального единства. Он особо подчеркнул невозможность обоснования национальной идеи России без опоры и учета этих особенностей, если речь идет о стабильном, поступательном развитии российского общества и государства.

Сафонова Елена Викторовна, д.ю.н., профессор, представила доклад об учении Русской православной церкви о достоинстве, правах и свободах человека. *Шатковская Татьяна Владимировна*, д.ю.н., профессор, зав. кафедрой теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС, подняла одну из самых актуальных тем – «Когнитивная безопасность и защита свободы мысли в эпоху ИИ: новые грани правового регулирования». *Овчинников Алексей Игоревич*, д.ю.н., профессор, иерей, проанализировал этико-правовые аспекты безопасности в сфере использования искусственного интеллекта.

Во второй половине дня работа конференции продолжилась в рамках трех секций, где были обсуждены историко-правовые аспекты национального единения, вопросы государственно-конфессиональных отношений, а также представлены исследования молодых ученых и студентов.

По итогам пленарного заседания была принята резолюция, в которой участники конференции, среди прочего, рекомендовали:

1. Продолжить комплексные междисциплинарные исследования роли традиционных духовно-нравственных ценностей как основы российского права и государственной политики.
2. Способствовать интеграции выводов конференции в образовательные программы юридических и гуманитарных факультетов.
3. Инициировать подготовку научных публикаций и проектов, направленных на развитие конституционно-правовых механизмов защиты национального единства и согласия в условиях цифровой трансформации.
4. Поддержать инициативу по подготовке заявки на грант РНФ для развития научного направления, связанного с обеспечением когнитивной и правовой безопасности в эпоху новых технологий.

* * *

Дискуссионная площадка научного журнала «Северо-Кавказский юридический вестник»

25 ноября 2025 г. в Южно-Российском институте управления Президентской академии состоялась дискуссионная площадка научного журнала «Северо-Кавказский юридический вестник» с международным участием.

Участниками стали ученые из Республики Беларусь (г. Гомель), городов России – Москва, Владивосток, Краснодарск, Екатеринбург, Оренбург, Тамбов, Пятигорск, Ростов-на-Дону, представители вузов: Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины, МГУ им. М.В. Ломоносова, Финансового университета при Правительстве РФ, Дальневосточного федерального университета, Уральского государственного юридического университета, Уральского государственного экономического университета, Юридического института Сибирского федерального университета, Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, НИИ государственно-правовых исследований, Оренбургского государственного университета, Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Южно-Российского института управления при Президентской академии.

Темой дискуссионной площадки стало обсуждение статьи автора – **Баранова Павла Петровича** – доктора юридических наук, профессора, академика РАН, заслуженного деятеля науки РФ, заведующего кафедрой конституционного и муниципального права ЮРИУ РАНХиГС: «*Реформирование местного самоуправления в свете его интеграции в систему публичной власти Российской Федерации*», опубликованной в научном журнале «Северо-Кавказский юридический вестник» (выпуск № 3. 2025).

Инициаторами дискуссионной площадки выступили – главный редактор научного журнала «Северо-Кавказский юридический вестник» **Шапсугов Дамир Юсуфович**, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, директор центра правовых исследований Южно-Российского института управления РАНХиГС и начальник отдела развития научных журналов ЮРИУ РАНХиГС **Садовая Людмила Леонидовна**.

В приветственном слове главный редактор научного журнала «Северо-Кавказский юридический вестник» **Шапсугов Дамир Юсуфович** отметил, что обсуждение данной тематики для редакции журнала – долгожданное событие. Огромный исторический опыт России в этой сфере изучен пока явно недостаточно, подлежит осмыслению новое законодательство, определяющее место местного самоуправления в системе публичной власти. Необходимо понимать, что проводимая в наше время очередная реформа местного самоуправления не является последней, поэтому продолжают оставаться актуальными вопросы, поставленные в специально выбранной для дискуссии статье, подготовленной проф. Барановым П.П. Особо хотелось бы выделить при обсуждении два вопроса: первый – о понимании единства публичной власти и второй – о роли местного общества в осуществлении местного самоуправления.

По первому вопросу, видимо, надо принять во внимание, что единство в отличие от тождества предполагает различия. С этой точки зрения вполне допустима позиция, по которой государственная власть и местное самоуправление выступают как две разновидности единой публичной власти. По второму вопросу, наверное, не стоит забывать, что местное

самоуправление исторически сложилось как форма, созидающая и развивающая местное сообщество, рассматриваемое как основной субъект в системе местного самоуправления. В иных трактовках местное самоуправление исторически легко переходило в систему государственного управления.

В завершение своего приветствия Д. Ю. Шапсугов отметил: «Мы выражаем большую надежду на то, что предстоящая дискуссия, учитывая, что ее участники – профессиональные исследователи по данной тематике, позволит не только глубоко осмыслить современную реформу местного самоуправления, но и создаст серьезный идеиный потенциал для дальнейшего развития местного самоуправления в России».

С основным докладом «Проблемы совершенствования местного самоуправления в Российской Федерации на современном этапе» выступил автор обсуждаемой статьи – **Баранов Павел Петрович**. В своем обстоятельном выступлении он обозначил следующие основные моменты обсуждаемой проблематики:

1. Если в ФЗ № 131 местное самоуправление рассматривалось, в том числе как одна из основ конституционного строя РФ, то в новом ФЗ № 33 – подобное упоминание отсутствует. В полном соответствии с обновленными положениями К РФ местное самоуправление – это **третий уровень публичной власти**. Кстати КС РФ еще в своем Постановлении от 24 января 1997 г. № 1-П рассматривал местное самоуправление именно как **уровень публичной власти**. А в соответствии с правовой позицией КС (Значение КС РФ от 16.03.2020 № 1-3) принцип единства публичной власти предполагает «согласованное действие различных уровней публичной власти как единого целого во благо граждан».

В целом же, нам представляется, что ФЗ № 33 **представляет собой попытку законодателя частично реорганизовать сложную систему взаимоотношений между федеральной, региональной и местной властью с точки зрения большей управляемости, зависимости и подчиненности последней**.

2. Новый ФЗ № 33 предусматривает 2 вида муниципальных образований:

– внутригородские муниципальные образования – в Москве, Санкт-Петербурге, Севастополе;

– городские и муниципальные округа в остальных регионах.

Это одноуровневая система местного самоуправления, при которой второй уровень – городские и сельские поселения ликвидируются.

Однако полностью упразднить двухуровневую систему местного самоуправления не удалось по причине имеющего места противодействия со стороны отдельных субъектов Российской Федерации. Часть 7 ст. 9 ФЗ № 33 закрепляет положение о том, что в субъектах РФ в силу местных особенностей могут сохраняться двухуровневые системы местного самоуправления (с городскими и сельскими поселениями). При этом субъекты РФ должны до 1 января 2027 г. определиться с данным выбором. На сегодняшний день более 25 субъектов РФ перешли на одноуровневую систему, еще около 20 субъектов планируют перейти на эту систему, 18 субъектов оставили у себя двухуровневую систему организации МСУ, включая и Ростовскую область. 25 субъектов РФ планируют лишь частично перейти на одноуровневую модель, а частично оставить двухуровневую.

Такой осторожный подход субъектов РФ к вопросу о выборе модели местного самоуправления в значительной степени зависит от того, что в течение всех последующих 30-ти лет ключевой проблемой местного самоуправления оставалась проблема соотношение финансово-материальных ресурсов у муниципалитетов и количества полномочий, которые им необходимо реализовать.

В Ростовской области сейчас 408 городских и сельских поселений. И при сохранении двухуровневой модели МСУ необходимо будет уделять внимание наполняемости бюджетов

этих поселений. Губернатор Ростовской области Слюсарь Ю.Б. в этой связи в октябре т.г. заявил: «Будем укреплять местные бюджеты, чтобы у муниципалитетов были реальные возможности решать насущные проблемы и быстро реагировать на запросы людей».

3. В новом ФЗ №33 введены четыре способа избрания главы муниципального образования на выборах, представительным органом из своего состава, представительным органом из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса. И четвертый новый способ – из числа кандидатов, представленных высшим должностным лицом субъекта РФ (этот порядок должен устанавливаться региональным законом).

Одной из новелл является то, что глава муниципального образования, имея возможность возглавить местную администрацию, в случае если это установлено законом субъекта РФ, не может исполнять полномочия председателя представительного органа. *Кроме того, в соответствии с принципом единства системы публичной власти глава муниципального образования одновременно замещает государственную должность субъекта РФ и муниципальную должность.*

ФЗ от 20.03.2025 №33-Ф понятие «вопросы местного значения» (ст. 32) заменено на понятие «вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения».

При этом полномочия по решению данных вопросов разделены на: 1. Полномочия, которые реализуются только самими органами местного самоуправления. 2. Полномочия, которые перераспределены региональным законом для осуществления органами государственной власти субъекта за счет бюджета субъекта РФ. В случае непринятия такого закона эти полномочия осуществляются органами местного самоуправления за счет местного бюджета. 3. Полномочия, решение об осуществлении которых органами местного самоуправления может быть принято региональным законом. Такие полномочия считаются перераспределенными для осуществления органами государственной власти субъектов РФ и могут быть региональным законом возложены на органы местного самоуправления. При этом финансовое обеспечение реализации таких полномочий осуществляется за счет средств местного бюджета *с учетом передаваемых в обязательном порядке* органами государственной власти субъектов РФ в бюджеты муниципальных образований финансовых отчислений.

Закон № 33-ФЗ уже вступил в законную силу, за исключением положений, которые касаются компетенции местного самоуправления. Согласно ч. 1 ст. 91 Закона № 33-ФЗ до 1 января 2027 года органы МСУ осуществляют полномочия в соответствии со статьями 14–18 старого Закона № 131-ФЗ. Длительность переходного периода обусловлена сложностью разграничения полномочий между региональными и муниципальными уровнями.

Актуализация становления единой системы публичной власти в РФ (часть «г» ст. 71 и часть 3 ст. 132 Конституции РФ) свидетельствует о двух равновозможных сценариях развития местного самоуправления – от полного огосударствления до достижения конституционно взвешенного баланса между уровнями публичной власти.

Вопросы к тексту Закона 33-ФЗ:

- упразднен институт отзыва выборного лица местного самоуправления.
- равнозначное использование терминов «вопросы местного значения» и «вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения».
- замена понимания местного самоуправления как одной из форм осуществления народом своей власти на «самореализацию граждан»
- отсутствует формулировка «деятельность под свою ответственность», хотя в предыдущих трех ФЗ о местном самоуправлении она присутствовала.

С докладами по обсуждаемой теме выступили:

Эсмантович Ирина Игоревна – кандидат исторических наук, доцент. декан юридического факультета Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины (г. Гомель, Республика Беларусь). Тема доклада: «О направлениях реализации модели местного самоуправления в Республике Беларусь».

Шишкина Ольга Евгеньевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия). Тема доклада: «Нужна ли органам местного самоуправления административная деликтоспособность?». Она отметила, что органы публичной власти могут быть субъектами конституционно-правовой ответственности, так как последняя наступает перед народом, гражданско-правовой ответственности, так как она наступает перед физическими и юридическими лицами, но не административной ответственности, которая наступает перед самой публичной властью.

Интегрированность органов местного самоуправления в единую систему публичной власти говорит о том, что к ним также не должна применяться административная ответственность, как и к органам государственной власти, несмотря на то, что согласно ст. 12 Конституции РФ органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти и могут нести ответственность перед государством. Однако отраслевая принадлежность такой ответственности – конституционная.

Анализ судебной практики говорит о неэффективности мер административной ответственности в отношении органов местного самоуправления. Например, местные администрации наиболее часто привлекаются по ст. 17.15 КоАП РФ за не исполнение содержащихся в исполнительных документах требований неимущественного характера. При этом главной причиной является отсутствие финансирования на исполнение соответствующих требований. Ч. 4 ст. 24.5 КоАП закрепляет основание прекращения производства по делу, если руководителем местной администрации направлялось предложение о выделении бюджетных ассигнований на осуществление соответствующих полномочий, и при этом бюджетные ассигнования на указанные цели не выделялись или выделялись в размере, недостаточном для осуществления соответствующих полномочий.

В прекращении производства по делу на основании данной суды, как правило, отказывают. Данная норма может быть применена, если предложения о выделении бюджетных ассигнований на соответствующие расходы внесены, сразу после того, как стало известно об их необходимости с соблюдением норм о бюджетном процессе в муниципальном образовании. Суды также обращают внимание на бессмысленность направления предложений о выделении бюджетных ассигнований, когда увеличение расходной части бюджета на сумму задолженности заведомо превышает предельный дефицит бюджета. При этом, учитывая существенные размеры штрафов, суды, как правило, назначают штрафы в размере ниже установленного санкцией на основании ч. 3.2 ст. 4.1 КоАП РФ. Таким образом, складывается парадоксальная ситуация, когда административные штрафы платятся из местных бюджетов, зачисляются также в тот или иной бюджет, на исполнение полномочий финансовых средств по прежнему не хватает, при этом затрачиваются огромные ресурсы на производство по делу об административном правонарушении. Предлагаем внести в КоАП РФ общую норму, в соответствии с которой за неисполнение полномочий органов публичной власти к административной ответственности привлекаются их должностные лица.

Кожевников Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор Уральский государственный юридический университет, Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург, Россия).

Казачкова Земфира Мухарбиевна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного, финансового и информационного права, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва, Россия). Тема доклада: «Проблемы укрепления экономической основы местного самоуправления в единой системе публичной власти».

Пенизев Максим Витальевич – эксперт проекта «Региональное и муниципальное управление» компании «Гарант»; ассистент кафедры конституционного, административного и муниципального права Юридического института Сибирского федерального университета (г. Красноярск, Россия). Тема доклада: «Проблемы и риски реализации ФЗ № 33-ФЗ: практический взгляд».

Пешин Николай Леонидович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия). Тема доклада: «Система публичной власти и место местного самоуправления (исторический опыт России)».

Юсов Сергей Владимирович – кандидат юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права ЮРИУ РАНХиГС, заслуженный юрист РФ (г Ростов-на-Дону, Россия). Тема доклада: «Муниципальные избирательные системы в контексте реформирования местного самоуправления».

Алексеев Роман Андреевич – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры «Государственной политики» факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, доцент кафедры политологии факультета соц. наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (г. Москва, Россия). Тема доклада: «Муниципальная реформа 2021 – 2025 гг.: организационно-правовые аспекты».

Участники дискуссионной площадки выразили пожелание продолжить обсуждение данной тематики на страницах научного журнала «Северо-Кавказский юридический вестник».

* * *

27 ноября 2025 г. в ЮРИУ РАНХиГС совместно с Институтом права, финансов и экономики Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова провели **V Шапсуговские чтения** по плану работы школы правового мышления в очном и дистанционном формате по теме: «**Юриспруденция как прикладная наука о видимости права: проблемы творчества права**».

Чтения открыла декан юридического факультета ЮРИУ РАНХиГС – кандидат юридических наук, доцент **Пашенко Елена Анатольевна**.

Ученых Кабардино-Балкарского госуниверситета представила директор Института права, финансов и экономики кандидат юридических наук, доцент **Машукова Елена Малильевна**.

В работе конференции в очном и дистанционном формате приняли участие преподаватели юридических вузов Северного Кавказа и ряда регионов России. Выступающие сосредоточили свое внимание на узловых проблемах поставленной для обсуждения темы: общая структура юридической науки, подразделяемой на фундаментальную (правоведение) и прикладную (юриспруденция), необходимость преодоления представлений об их тождестве и условия обеспечивающие их единство, необходимое для творчества права. Особенно было отмечено ключевое значение анализа видимости права как предмету традиционной юриспруденции, подчеркнута актуальность и необходимость ее тщательного анализа для обеспечения правового развития общества и государства.

Для предметного обсуждения проблематики конференции предложен список для изучения источников, в том числе и ряд научных трудов профессора Д.Ю. Шапсугова.

По сложившейся традиции на Чтениях со вступительным словом и научным докладом на конференции выступил доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, руководитель школы правового мышления ЮРИУ РАНХиГС, главный редактор журнала «Северо-Кавказский юридический вестник», директор центра правовых исследований **Шапсугов Дамир Юсуфович**.

Процесс становления юридической науки как классической науки, – отметил докладчик, – подошел к такому этапу, когда в нем отчетливо проявляются особенности фундаментальной и прикладной науки о праве, что ставит вопрос об определении статуса ее прикладной части, которая исторически развивалась как юриспруденция, основной задачей которой, обоснованной представителями науки положительного права, не являющейся, по определению Гегеля, подлинной наукой о праве, являлось подведение практических действий людей под юридические нормы, их закрепление толкование и реализация, осуществлявшееся на разрабатывавшемся для решения этой задачи **юридическом методе**.

Фундаментальная часть юридической науки, отметил докладчик, проходила свое становление от естественно-правовой концепции права, через историческую школу права, а затем философию права к современному правоведению, уже введенному в программы магистерской подготовки юристов, хотя и на основе позитивистского понимания права, что свидетельствует о незавершенности процесса ее формирования.

Далее докладчик обосновал **различия** правоведения и юриспруденции по источнику, предмету, методологии познания права, и их единство через теорию среднего уровня, представляющую собой трансформированную под эту задачу теорию государства и права.

Далее докладчик остановился на вопросе о видимости права как бытии, лишенном сущности, показал необоснованность ее упрощенной трактовки, сложившейся в обыденном сознании, выделил ее разновидности, закрепленные в действующем законодательстве, в том числе трактовки сущности права как возвведенной в закон воли господствующего

класса, а также ограниченность абстрактного понимания юридических явлений, лишенного правового содержания.

На этой основе докладчиком была обоснована необходимость преодоления видимости права, а также проблема творчества права как в процессе его познания, так и осуществления, как постижения истины о праве (единство физической и социальной природы человека, воплощенной в его способностях к нравственному поведению, и ее осуществления в юридических конструкциях и технологиях, определяющих процесс ее социальной адаптации).

В последовавшей за докладом Д.Ю. Шапсугова дискуссии выступили:

Кокин Александр Васильевич, доктор геолого-минералогических наук, профессор ЮРИУ РАНХ и ГС – «О естественно-научных проявлениях видимости, как аналогах видимости права».

Дзамихов Касполат Фицевич, доктор исторических наук, профессор, директор Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН –«Анализ русских письменных источников о формах взаимодействия и интеграции кавказских народов в составе русского государства в контексте международно-правовой практики XVI – начала XVIII в.»;

Шатковская Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХ и ГС – «Вызовы нейроцифровизации: как данные о мозге трансформируют систему юридической науки»;

Бойко Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин ЮРИУ РАНХ и ГС.

Шапсугова Мариетта Дамировна, кандидат юридических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета, начальник юридического отдела ГБУ г. Москвы «Спортивный комплекс «Мегаспорт» – «Видимость права в регулировании конкуренции».

Тарасова Анна Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент – «Конструирование мягкого международного права как социальная практика регулирования института семьи и прав детей»;

Камкия Фатима Гурамовна, кандидат юридических наук, директор государственного научного учреждения «Институт экономики и права Академии наук Абхазии»;

Маремкулов Арсен Нажмудинович, доктор юридических наук, профессор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова;

Озова Фатима Анатольевна, доктор исторических наук, академик АМАН, зав. отделом Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований.

Итоги чтений были поведены проф. Д. Ю. Шапсуговым, отметившим высокий научный уровень состоявшейся дискуссии, позволяющий определить тематику последующих Чтений. Участникам было объявлено о возможности опубликовать тексты выступлений в журнале «Северо-Кавказский юридический вестник» с обязательным учетом установленных требований при их оформлении.

* * *

20 ноября 2025 г. состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук члена редакционной коллегии журнала «Северо-Кавказский юридический вестник» – кандидата юридических наук, доцента Академического департамента Школы права и управления Тюменского государственного университета, руководителя Тюменского отделения Межрегиональной ассоциации конституционалистов России, члена Тюменского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» **Авдеева Дмитрия Александровича**.

Тема диссертации – «Российская форма государственного правления (конституционно-правовое исследование)».

Решением диссертационного совета 24.2.418.05 при ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет» Д. А. Авдееву присуждена ученая степень доктора юридических наук по специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

**Поздравляем Дмитрия Александровича Авдеева
с успешной защитой докторской диссертации!**

**Желаем ему крепкого здоровья, неиссякаемой энергии
и новых свершений на научном пути!**

**Пусть защищенная диссертация откроет новые горизонты
и возможности для реализации всех задуманных планов!**

**Редакционная коллегия и редакционный совет журнала
«Северо-Кавказский юридический вестник»**

ЮБИЛЕЙНЫЕ СТРАНИЦЫ

29 ноября 2025 года исполнилось 90 лет выдающемуся ученому, педагогу и организатору юридической науки, доктору юридических наук, профессору кафедры уголовного процесса и криминалистики Южного федерального университета, Заслуженному работнику высшей школы Российской Федерации, почетному профессору Северо-Кавказской академии государственной службы **Юрию Алексеевичу Ляхову**.

Его жизненный путь – это яркий образец беззатратного служения Закону, Науке и Образованию. Окончив в 1958 г. юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, Юрий Алексеевич прошел закалку практической работой следователя и помощника прокурора в Чечено-Ингушской АССР. Этот бесценный опыт заложил прочный фундамент его будущей научной и педагогической деятельности.

В 1965 г., поступив в аспирантуру Ростовского государственного университета и успешно защитив кандидатскую диссертацию, он связал свою судьбу с альма-матер, в стенах которой трудится по сей день, пройдя путь от преподавателя до заведующего кафедрой.

Особого внимания заслуживает его масштабная организационно-государственная работа. С 1972 по 1986 г., следуя рекомендации ректора Ю.А. Жданова, Юрий Алексеевич возглавлял отдел науки и учебных заведений Ростовского ГК КПСС, внося значительный вклад в развитие региональной науки, не прерывая при этом педагогической деятельности.

С 1989 г. на протяжении четверти века Ю.А. Ляхов бессменно руководил кафедрой уголовного процесса и криминалистики ЮФУ, а также кафедрой процессуального права ЮРИУ РАНХиГС, которые под его началом стали ведущими научно-педагогическими центрами юга России. В 1994 г. он блестяще защитил докторскую диссертацию в Санкт-Петербургском университете, а его экспертиза была востребована на самом высоком государственном уровне – он был включен в состав Совета по судебной реформе при Президенте Российской Федерации.

Научное наследие Юрия Алексеевича огромно: более 300 научных и учебно-методических работ, посвященных актуальным проблемам уголовного судопроизводства и публичного права. Он является членом редколлегий четырех научных журналов, докторантских советов, руководителем успешной магистерской программы «Уголовная юстиция». Важнейшим итогом его педагогического таланта стало подготовка 26 кандидатов и одного доктора юридических наук.

Заслуги Ю.А. Ляхова отмечены высокими званиями и наградами, среди которых «Заслуженный работник высшей школы РФ», медали, а также звание «Почетный профессор Северо-Кавказской академии государственной службы».

Редакция журнала «Северо-Кавказский юридический вестник» выражает глубочайшую признательность Юрию Алексеевичу за многолетнее и плодотворное сотрудничество в качестве члена редколлегии, его неизменно глубокую и принципиальную экспертизу рукописей, которая является залогом научной репутации нашего издания.

В этот торжественный день мы от всего сердца поздравляем Юрия Алексеевича со славным 90-летним юбилеем! Желаем ему крепкого здоровья, неиссякаемой энергии, бодрости духа и новых творческих свершений на благо российской юридической науки!

*Редакционная коллегия и редакционный совет журнала
«Северо-Кавказский юридический вестник»*

*Коллектив юридического факультета
Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС*

Коллектив юридического факультета Южного федерального университета

Многочисленные ученики Ю. А. Ляхова

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Научная статья должна соответствовать профилю журнала, быть ориентированной на актуальные проблемы юриспруденции.

При подготовке статьи необходимо руководствоваться ГОСТ Р 7.07-21 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Объем оригинальной научной статьи должен быть от 15 страниц. В указанный объем включены таблицы и список литературы (на кириллице и латинице). Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный пробел – 1,5 интервала, поля по 2 см по периметру страницы, абзацный отступ – 1 см. Таблица должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком на русском и английском языках. Все графы в таблицах должны также иметь заголовки.

Структура рукописи должна соответствовать международному стандарту изложения результатов авторского исследования в научной статье – **IMRAD** («Introduction, Materials and methods, Results and Discussion», то есть «введение, материалы и методы, результаты и обсуждение»). Если статья посвящена теоретическому исследованию, то раздел Methods (Методы) заменяется на Theoretical Basis (Теоретические основы). Иллюстративные материалы (рисунки, графики, схемы) должны быть четко читаемыми, черно-белыми, сгруппированными в единый объект, также не более 3-х, их название должно быть представлено на русском и английском языках.

Структура представляемого материала:

1) Научная статья должна быть классифицирована – иметь УДК, указываемый в левом верхнем углу материала.

2) На русском и английском языках:

- заголовок статьи;

- имя, отчество фамилия автора полностью. На следующей строке – организация (вуз), город, страна, код ORCID, электронная почта автора. Ученая степень, звание и другие сведения указываются после списка литературы под заголовком «Информация об авторе / Information about the author»;

- аннотация (200-250 слов). Аннотация должна быть структурирована, в ней обязательно указываются: Введение, Цель, Методы, Результаты, Выводы (кратко). Если статья посвящена теоретическому исследованию, то раздел Methods (Методы) заменяется на Theoretical Basis (Теоретические основы);

- ключевые слова или словосочетания, несущие в тексте основную смысловую нагрузку (не менее 10). Ключевые слова должны браться из текста научной статьи и выражать ее содержимое. Термины-словосочетания считаются одним ключевым словом.

3) Список литературы на русском языке следует оформлять в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка». В список не включаются: нормативные акты, статистические сборники, официальные документы, архивные материалы, интернет-публикации. Ссылки на такие материалы следует давать в тексте подстрочными примечаниями (сносками).

Список литературы должен включать от 20 до 30 научных источников (статьи, монографии), причем публикации самого автора(ов) статьи могут составить не более 20 % списка.

Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [3, с. 15-16]), а список литературы, составленный в порядке встречаемости ссылок, помещается за текстом.

В публикациях в списке литературы для каждого источника должно быть указано общее число страниц (например: Гончаров В. И. Институционализация системы местного самоуправления в Российской Федерации. Конституционно-правовое исследование. М.: Проспект, 2016. 268 с.) либо (для статей из журналов и сборников) диапазон страниц, на которых находится статья (например: Шапсугова М. Д. Трансформация классических принципов гражданского права в современном российском праве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2016. № 4. С. 68–71).

Для каждой журнальной статьи в списке источников необходимо при наличии указывать ее DOI (цифровой идентификатор).

После списка литературы на русском языке приводится References (список литературы на английском языке, представленный согласно стилю оформления Vancouver).

4) На последней странице автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения. Научная статья проверена в системе «Антиплагиат». Научная статья должна иметь не менее 80 % оригинальности текста.

Статьи принимаются по адресу: 344002. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54. ЮРИУ РАНХиГС. Редакция журнала «Северо-Кавказский юридический вестник».

Тел. 8-863-279-41-62; e-mail: yurvestnik-uriu@ranepa.ru

**Мы не запрещаем позитивизм,
но стремимся определить его действительное место в познании права**

* * *

Образец оформления статьи с краткими пояснениями

УДК.....(подобрать по классификатору <https://teacode.com/online/udc/index.html>)

Название статьи

Ольга Ивановна Семенова¹, Иван Геннадьевич Петров²

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Южно-Российский институт управления, Ростов-на-Дону, Россия, pochta@....., <https://orcid.org/.....>(код научного исследователя – если нет: регистрация на сайте <https://orcid.org/>)

²Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия, pochta@....., <https://orcid.org/.....>(код научного исследователя – если нет: регистрация на сайте <https://orcid.org/>)

Аннотация (структурирована по нижеследующим блокам, 250-300 слов)

Введение

3-4 предложения.

Цель. Кратко описать цель проведенного автором исследования.

Материалы и методы (варианты названия: Методы; Теоретические основы).

Методологическую основу исследования составили Тут описывается кратко, как было проведено исследование, с помощью каких инструментов.....

Для теоретических статей можно указать: Теоретические основы и кратко указать – в чем они состоят. Более полно это должно быть описано уже в тексте статьи.

Результаты

Кратко описать результаты, достигнутые в ходе исследования.

Представлена авторская критика некоторых сторон Высказаны аргументы в защиту Показано авторское видение проблемы

Выводы.

Кратко привести выводы по итогам исследования.

В статье доказывается, что и т.д.

Ключевые слова:10 ключевых слов/словосочетаний через запятую.

Name of the article

Olga I. Semenova¹, Ivan G. Petrov²

Abstract

Introduction..... Purpose Materials and methods (Methods; Theoretical Basis) Results Conclusions

Keywords:.....

ДАЛЕЕ ТЕКСТ СТАТЬИ

Введение

Введение объясняет, почему статья будет интересна читателю, почему автор провел исследование, и описывает предысторию, чтобы читатель мог понять и оценить статью. Во «Введении» обычно обозначается объем и цель исследования в свете современных знаний по исследуемому вопросу. В частности, во Введении определяется характер и масштабы изучаемых проблем, исследование связывается с предыдущей работой (обычно путем краткого обзора литературы, относящейся к рассматриваемой проблеме), разъясняются цели исследования и определяются любые специализированные термины или аббревиатуры, которые будут использованы далее в тексте статьи. Помните, что Введение подводит логически и ясно заявляет о гипотезе или основной теме статьи.

Материалы и методы (либо назвать Методы, либо Теоретические основы для теоретических статей, что подходит больше – решает автор)

«Материалы и методы» описывают то, как было проведено исследование, с помощью какой методологической основы. Цель этого раздела – представить простым и непосредственным образом, что было сделано, как, когда, а также как данные были проанализированы и представлены.

Результаты (можно объединить при желании/необходимости с разделом Обсуждение). При желании автора блоки «Результаты» и «Обсуждение» можно заменить своими подзаголовками, отделяющими один смысловой блок внутри основной части статьи от другого.

Обычно это самый большой по объему раздел и однозначно самый важный, поскольку именно для получения каких-то результатов собственно и проводятся научные исследования, а также пишутся статьи. На этот же пункт обращают и самое пристальное внимание все, кто их читает.

Раздел «Результаты» сообщает о том, что было найдено в исследовании. В этом разделе должны быть представлены новые знания; следовательно, этот раздел является ядром статьи. Обратите внимание на то, что разделы «Введение» и «Материалы и методы» необходимы и предназначены для того, чтобы рассказать, почему и как авторы пришли к результатам, представленным в данном разделе, значение которых затем будет разъяснено в разделе «Обсуждение». Таким образом, ценность статьи зависит от того, что содержится в данном разделе («Результаты»), результаты следует изложить ясно и четко.

Обсуждение

«Обсуждение» объясняет значение и значимость результатов и дает необходимые рекомендации для изучения данной темы в дальнейших исследованиях.

Иногда и этот раздел бывает самым большим по объему, и он тоже ключевой, поскольку в нем автор интерпретирует полученные им результаты, сравнивает с данными аналогичных исследований по сходной тематике, анализирует возможность их использования в науке, технике или хозяйственной практике.

В данном разделе авторы должны объяснить значение и последствия результатов. Раздел объединяет все воедино и показывает важность и ценность работы и поэтому является самой инновационной и трудной для написания частью статьи. Умение авторов интерпретировать результаты в свете известных фактов и использовать результаты в качестве доказательств новаторских объяснений наблюдаемого поведения должно раздвинуть границы знаний и вызвать энтузиазм читателей. Без такого увлекательного обсуждения читатель может подумать: «Ну и что?» и перейти к другим, более интересным статьям.

Выводы (либо назвать Заключение – по желанию автора)

В Выводах следует изложить четко сформулированные результаты исследования (а не просто повторить результаты) и предложить направления будущих исследований в этой области на основе результатов, представленных в статье.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА ИСТОЧНИКОВ

Формируется в порядке упоминания в тексте

(в каждой научной статье при наличии должен быть указан код DOI и код EDN,
можно найти, например в elibrary)

1. Лоба В. Е. «Рецепты» борьбы с преступностью социологической школы уголовного права // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 4. С. 100–107.
<https://doi.org/1034-.....>
2. Савенков А. Н. Нюрнберг: приговор во имя мира. М.: ООО «Проспект», 2021. 760 с.

References

(Ванкуверский стиль оформления. Официальные англоязычные наименования
использовать в версии, указанной на сайте журналов)

1. Loba V. E. «Recipes» for combating crime of the sociological school of criminal law. *Bulletin of Tomsk State University. Law.* 2013;(4):100–107. (In Russ.)
2. Savenkov A. N. *Nuremberg: verdict in the name of peace*. Moscow: Prospect; 2021. 760 p. (In Russ.)

Информация об авторах

О. И. Семенова – кандидат юридических наук, доцент кафедры....., НАЗВАНИЕ ВУЗА

И. Г. Петров –

Information about the authors

O. I. Semenova – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Department, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South-Russian Institute of Management.

I. G. Petrov – Cand. Sci., Associate Professor of the Department of

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. (*Либо расписать вклад авторов с указанием выполняемой работы в ходе исследования*).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts.

**Приглашение к опубликованию статей
в тематический номер/рубрику
«Государственная политика Российской Федерации,
направленная на сохранение и укрепление
традиционных духовно-нравственных ценностей:
аксиологические и нормативно-правовые аспекты»**

на базе научных журналов:

«Журнал политических исследований»

<https://naukaru.ru/ru/nauka/journal/57/view>

«Государственное и муниципальное управление.

Ученые записки»

<http://upravlenie-urii.ranepa.ru>

«Северо-Кавказский юридический вестник»

<http://vestnik-urii.ranepa.ru>

(первые номера 2026 г., время выпуска – март)

Журналы «Государственное и муниципальное управление. Ученые записки», «Северо-Кавказский юридический вестник» и «Журнал политических исследований» (журналы, включённые в российскую часть «Белого списка» – journalrank.rcsi.science/ru/record-sources/) приглашают к сотрудничеству, объявляют прием научных статей для тематического номера (рубрики), посвященного проводимой российским государством политике, направленной на сохранение и укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей, их этическому и аксиологическому обоснованию и нормативно-правовому обеспечению со стороны аппарата публичной власти. К сотрудничеству, т.е. опубликованию научно-исследовательских статей, приглашаются представители научной общественности (профессорско-преподавательский состав высших учебных заведений, работники научно-исследовательских организаций и центров, аспиранты), представители властно-управленческих структур различных уровней, независимые исследователи (политологи, правоведы, историки, социологи и т.д.).

В представленных авторами публикациях могут освещаться такие аспекты заявленной в тематическом номере проблематики: экспертная оценка мер, направленных на сохранение и передачу будущим поколениям ценностей справедливости и милосердия, семьи и созидательного труда, веры и деятельного патриотизма; мероприятия, инициированные госаппаратом и госструктурами, направленные на поддержку развития отечественной культуры, укрепление морально-нравственных и этических общественных основ, семейных ценностей, патриотического воспитания подрастающего поколения; сотрудничество с общественными институтами и религиозными организациями для достижения консолидированных целей по сохранению духовно-нравственных ценностей.

Сроки приема статей в тематический номер/рубрику: «Государственное и муниципальное управление. Ученые записки» и «Северо-Кавказский юридический вестник» – не позднее 20 января 2026 г.; «Журнал политических исследований» – не позднее 25 февраля 2026 г.

Статьи по указанной проблематике принимаются к публикации при условии соответствия необходимым правилам оформления статей, требованиям проверки в системе Антиплагиат (оригинальность текстов – не менее 80 %) и при положительных отзывах двойного рецензирования.

Статьи принимаются на электронные почты журналов:

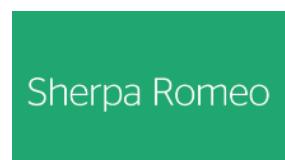
yurvestnik-urii@ranepa.ru «Северо-Кавказский юридический вестник»;

jurnal-gmu-urii@ranepa.ru «Государственное и муниципальное управление. Ученые записки» (с пометкой: статья в тематическую рубрику)

и **Alekseev.r555@mail.ru** («Журнал политических исследований»).

**СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК**
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 4, 2025

Выход в свет 22.12.2025. Гарнитура Cambria. Формат 60x84¹/₈. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Объем 11 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 6659-25

Адрес издателя:

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
119571, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино,
пр-кт Вернадского, д. 82, стр. 1.

Адрес редакции:

Южно-Российский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54.

Свободная цена

Отпечатано в типографии ООО «Амирит»
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru. Сайт: amirit.ru